Не много ли для одной?

Александра Ефимовна Чистякова

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Подлинная исповедь несчастной русской женщины, которая, как известно, коня на скаку… А кони, как сказал поэт, все скачут и скачут, а избы горят и горят…

Финалист премии «Русский Букер» за 1998 год.

- Александра ЧИСТЯКОВА
  - ○

Александра ЧИСТЯКОВА
Не много ли для одной?

Быль

Решила вести дневник. Но сначала опишу свою прошлую жизнь. Мне уже двадцать четыре года. Я все время была в недостатках и печали, но самое начало жизни было светлым.

Нас в семье росло четыре дочери. Старшую звали Лиза, вторую — Поля, третью — Катя, четвертая росла я. За смуглость и чрезмерную подвижность мама иногда называла меня «Жучка ты моя чернущая».

Помню, как дружно мы готовились к праздникам: белили, мыли, чистили самовары, вилки, подносы. Все шло конвейером. У нас была избушка небольшая. Кухня называлась кутьем. Это не совсем и кухня была: просто русская печь была отгорожена тесом. В этом закутке стряпалось, варилось, здесь находились все горшки. Как войдешь в нашу избушку, по правую руку стояла деревянная большая койка, к которой была прибита на шарниры доска: ее к ночи поднимали, и мы спали всей семьей поперек койки. А иногда спали на полатях или на печи. Особенно зимой: набегаешься на морозе и лезешь на печь.

Платья шили нам из холста. Выкрасит его мама в разные цвета: половина платья одного цвета, половина другого. Тогда и показываешь подружкам: «Эх, у меня новое платье!» Шили и ситцевые, но только к большим праздникам: к Пасхе и Рождеству.

В праздники мне было лучше всех. Во-первых, я была меньше всех, а во-вторых, я хорошо плясала. Если собирались гости к нам, то меня с палатей снимали и заставляли плясать, а потом давали денег. Мы ели в праздники очень вкусные, приготовленные мамой обеды. Она зажаривала в жаровне поросеночка или гуся, или утку. Да так вкусно начинит, что пальчики оближешь! Всегда маму хвалили за приготовления. А научилась она у богатых людей. Когда у нее отец умер, она с семи лет по нянькам жила, а потом по прислугам, вот и научилась. А семнадцати лет уже вышла замуж. Отец рос в большой семье, как он рассказывал, и с мачехой. Отделили их, дали по ложке и чашку, нетель и старую кобылу. Вот они и жили помаленьку, пока кое-как выбрались из нужды.

Вспоминаю, как отец и мамин брат, который мне приходился

крестным, везли меня из деревни в деревню речкой на лодке. Уж эту гордость я, наверное, всегда помнить буду. Платье на мне новое и букет цветов в руках. Плывем и рыбу в воде видно. Из деревни мы с папой шли пешком. А на лугах такая красота, что даже не расскажешь. Потом я часто бегала этими лугами в деревню, так как там жила мамина мать, бабушка Ключиха. Так звали ее все в деревне и у нас дома.

Еще любила вечера (они редко бывали), когда стряпали мы всей семьей пельмени. Мама тесто наладит, папа мяса накрутит, а стряпали все и всегда за этой работой пели песни. Много раз я слышала от других матерей, когда они говорили: «Григорьевна, несдобровать вашей семье. Вы очень дружно живете». И это было в самом деле. Если взрослые были в поле, то мы трое: Поля, Катя и я — все делали по дому. Но коров доила мама, их было две. Одна старая, а вторая — первотелок. А свиней как станем кормить, так они не раз Полину с ног сбивали. А позднее делали так: нальем в корыто, тогда и выпустим их. Держали гусей и уток. Я один раз утенка поймала, так утка мне чуть глаза не повыклевала. Гусак сколько раз гонял. А с печи падала — несчетно раз. Один раз перевернулась прямо в пойло головой. И все обходилось. А Катюша раз с порога сорвалась, вывихнула руку. Так она все лето проходила с подвешенной рукой. Потом врач Чубарев вылечил.

А потом у нас заболела мама. Как мы плакали. Я еще мало понимала, что это за болезнь, а старшие уже разбирались. Мама во время половодья сорвалась в воду, и заболела туберкулезом легких. Папа, недолго думая, продал корову и отправил маму в Томск. Там ее вылечили. Она приехала совсем здоровая. Соседи иногда подсмеивались над отцом, и она решила доказать, что работать может. Она один день лен помяла. А после этого опять свалилась. Папа делал какой-то состав и поил ее, варил куриный бульон. И в это же время родилась Тамара. Тамаре грудь матери совсем не дали, растили ее без материнского молока. По всей ночи она иногда плакала, и Лиза сидела около зыбки, потому что мама лежала в больнице. Все же маму отходили, она снова поднялась, а весной принимала солнечные ванны от пяти минут до часу. Но курить при маме никто не курил.

Подошла осень, мои сестры уехали учиться. В это время мне очень скучно жить стало одной, что мне эта Томочка, хоть ей было уже больше года, а все не то. Я привыкла быть с Катюшей, она старше меня на два года, но мы с ней жили душа в душу, редко ругались. Если уж сильно рассержусь на нее, то обзывала «Карька длинноногий». Потому что она была высокая и худенькая, а она меня обзывала «отряхой». Вот и вся наша ругань,

и то минут на пять, а потом снова вместе.

Стала я проситься в школу, плачу каждый день. Отец старался уговорить: мол, одеть тебя не во что, а я все свое: «Хоть в чем буду ходить, только отправьте». Послушал, послушал отец и повез. В этом году учили в Итате. Там было общежитие и уже народ слился в комнату. Нам для всех учеников выделили две коровы. Привезли муки, крупы, картошки, капусты, масла, и дали повара, а убирали девочки старших классов по очереди. Вот где было веселье. У нас комнаты с мальчиками были разные, а кухня общая. Выпускалась стенная газета. Отмечали плохих и хороших. Каждую неделю проводились пионерские сборы. Там критиковали друг друга и на это не сердились. Во время выполнения домашних заданий приходили учителя из школы. Помогали тому, кто отстает, или что-нибудь не понял. В свободное время устраивали игры и танцы. С нами была гармошка, гитара и балалайка. Этот год у нас пролетел незаметно. Несмотря на то, что на четверых у нас было двое валенок и пальто с жакетом. Потом папу перевели в другую деревню. Там тоже жили неплохо. Зимой учились рядом, ставили маленькие постановочки, в то время в нашей семье появился брат Гоша. Вот уж мы радовались с Катюшей!

Вскоре папу опять отправляют в Тяжин, и мы с ним. Там мы с Катюшей учились в третьем классе. Купили нам с ней одинаковые ботинки и платья. Мы боялись ходить много: берегли ботинки. Как приходили из школы, свертывали платья и сразу разувались. Но горе нас опять не покинуло: мама снова заболела. Папа опять отправил ее в Томск, а сам стал попивать и не стал приходить даже ночью.

Полина училась в шестом. Тоже почуяла слабинку, уроки выполнять не стала, а к весне совсем бросила. Когда вернулась мама, хорошего у нас ничего не было. Валенки у нас с Катей порвались: идешь и портянки за собой волочатся. Отец сдружился с какой-то дояркой и что-то наделал. Мама взяла с ним развод, а он уехал неизвестно куда.

Мама в Тяжине жить тоже не захотела. Поехали мы в Малоитатку, где жила бабушка и наш крестный. Немного пожили. Потом, как нарочно как будто кто поджег, сгорело шесть домов, среди которых был бабушкин. Мы оказались без крова. Мама уехала одна, Лиза еще до пожара вышла замуж, мы с Катюшей в люди пошли: я в няньки, Катюша в прислуги.

Год неурожайный, хлеба было мало, работали за кусок хлеба. Моя хозяйка была свинаркой. У нее росли две девочки. Я всячески старалась уважить хозяйке. Водилась и мыла полы, стирала подстилки и детское белье, иногда стряпала и доила корову.

Когда наступал хозяйкин черед пасти свиней, я ходила за нее. Мы пасли вчетвером: два подпаска и еще свинарка. Подпасками были две Шуры: один Бруев, которого я полюбила с первой встречи, второй Пожидаев. Я с ними никогда не разговаривала. Потому что мое положение не блистало. Крестный от нас совсем отказался, я была очень бедной.

Я все больше влюблялась в этого Шуру. Не знаю почему, но я его стеснялась, мне не хотелось показываться ему в глаза, когда на мне было грязное или рваное платье, или в то время, когда я делала то, что непосильно. Например, ведра у хозяйки были большие, а я еще маленькая, так носила воду рано утром, чтобы он не видел, так как он жил наискосок от нас, через дорогу.

Однажды, когда свиньи улеглись, оба Шуры подошли ко мне. Стали спрашивать: «Почему ты с нами не разговариваешь? Ведь нам уже скучно с тобой становится. Ходишь, мурлычешь песенки, а нам и слова сказать не хочешь». Я ответила, что мне им рассказывать нечего и спрашивать их не о чем. У вас, говорю, книги есть прочитанные, учебники, а у меня пеленки. Я покраснела, и мельком глянула на Бруева. Он глядел на меня как на какую-то карту, которую он хотел изучить. Потом мы опять разошлись, так как наше стадо поднялось, но к вечеру Бруев мне крикнул: «Эй, нянька, возьми!» Он кинул мне красивую вырезанную тросточку, на которой было написано: «Кого люблю, тому дарю навечно». Я взяла эту тросточку и вся загорелась огнем, а сама подумала «Хоть бы он не увидел, что я так покраснела». Потом он писал мне записочки и передавал их с моим сродным братом Васей.

Подошла глубокая осень, на трудодень пришлись граммы. Каждый человек стал рассчитывать на себя, а нам отказали. Мы с Катюшей попросились к одной женщине, у нее муж уехал на производство, а она жила с двумя маленькими сынами. Иногда соседи приносили нам картошек, капусты, но хлеба не было. Мы вынуждены были просить милостыню. Но как идти, ведь во всех деревнях знают нас и наших родителей! Что же делать, чтобы прожить хоть зиму? Все же я Катюшу упросила, пойдем, говорю, по родне, хоть накормят и то ладно. Пошли мы на ту заимку, где жили с родителями, к отцову дяде и его жене и правда, бабушка Мария не выгнала нас. Накормила досыта и насыпала муки килограммов десять. Мы от радости чуть не бегом бежали до своей квартиры.

Однажды зовет меня мой крестный. Я думала, дать чего-нибудь хочет, все же у них и мясо, и сало, и молоко, картошки много, но он не за этим звал. Он объявил, что завтра повезет меня и малого брата Гошу в Тяжин к маме, так как ему мешал этот

Гоша. Томочка водилась с мальчиком его жены, а Гоша совсем был не нужен. До станции приехали на лошади и сразу сели на поезд. Приехали в Тяжин, а матери там не оказалось, он обратно, и я за ним, Гоша у него на руках, видно, ему билет не нужен был, а меня остановили. Я говорю, что я с ним — показываю на крестного с женой, а крестный говорит, что мол нет, она не с нами. И меня проводница высадила из вагона. Сердце мое сжалось в крепкие тесы, но я не заплакала. Я знала, что слезами ничего сделать нельзя. Решила ждать другого поезда. А мороз, наверное, градусов под сорок, а я в сапогах и пальто, веретеном встряхнуть. Пошла на вокзал. Уже зажгли огни, прибыл поезд, люди стали садиться, и я полезла, села на краешек скамейки, а рядом сидел дяденька, он начал расспрашивать, куда я еду и зачем. Я рассказала всю правду. Тогда он говорит: «Садись в угол, если будет идти ревизор, я на тебя тулуп накину и проедешь. Так и провез он меня, большое спасибо ему.

В Итат приехала ночью, люди спят, а меня и сон не берет. Досидела до семи и пошла, а темнота — хоть глаз коли. Мороз жуткий. Я дошла до почты, постучала, сторож открыл, но говорит, еще рано, мне тебя впустить нельзя, иди к соседям, посиди до девяти часов, а тогда сюда приходи. Увезет тебя Бондарев. Я так и сделала. Соседи оказались добрыми, разрешили мне посидеть до девяти часов. В девять часов я встретила Бондарева Ивана, рассказала ему свое путешествие и попросила, чтобы он меня увез в деревню. Там, говорю, около своих да знакомых, все умереть не дадут с голоду. Он снял с себя тулуп, завернул меня всю и поехали. А сам то и дело пешком за лошадью бежит: видно, мороз пробирает. Я подумала, если бы я пошла пешком, то бы не дошла. В Малоитатку мы приехали к обеду. Я бегом побежала к бабушке сказать, что я жива, а Иван в это время отстыдил крестного в конторе. Меня бабушка заставила залезть на печь и погреть на кирпичах ноги. Сама подала кусок хлеба и три вареных картошины. Я все это вмиг съела и, почуяв тепло, уснула крепким сном. Проснулась я, когда сильно ругался крестный на бабушку. Он кричал: „Она меня всяко прославила, а ты ее, тварь такую, на печь пускаешь!“ Я молча слезла с печи, тихонько оделась. Гоша и Томочка, что щенята, ели за печкой что-то из чашки. Гоша мне показался больным и потом, как я узнала, это действительно было так. Когда они везли его домой, открыли ему грудь и простудили. Он так заболел, что кровь шла изо рта. Вскоре об этом рассказала жена крестного, когда он побил ее за что-то. Вот так крестный и дядя родной!

Когда я вышла из хаты бабушки, тут уж не хватило моей силы воли сдержать слез. Сдавило мое горло, как комок подкатился, я

разревелась навзрыд.

Решила, что уйти надо скорее от этого дома. Я перестала плакать и поспешила на квартиру, где сидела Катюша, вся заплаканная, считая, что меня уже нет в живых. Как увидела она, что я иду, кинулась на меня и давай причитать: „Милая моя сестреночка, я-то думала, тебя живой уж нет! Не ходи ты больше!“ Я ее уговариваю, не плакать, а сама еле сдерживаюсь. Соседки, которые сидели у нашей хозяйки, все наплакались, на нас глядя. И только разговору, что ж он за дядя, что так отказался и еще бросил в чужом краю в этакой-то одежонке. Они поговорили и разошлись, а у нас с Катей разговору было до полночи. Я решила, пока еще мука есть, надо еще что-нибудь добавить, чтобы совсем без куска не остаться.

Так и жили мы с сестрою до весны. Я пойду просить, а она спрячется, чтобы ее никто не видел. Она больше меня стыдилась, а я для себя ни за что не пошла бы, я переживала за нее. Думаю: и так худенькая, не дай Бог заболеет, умрет сразу. Вот эта забота о сестре заставляла подавлять в себе совесть и идти просить. Одни отказывали, шла к другим.

Подошла масленица, ручьи вокруг, крестный позвал Катюшу, стал уговаривать, чтобы она с Гошей ехала в Тайгу. Он там жил когда-то и адрес нашей родни в Тайге знал. Я, говорит, куплю билет и посажу вас в вагон, а ей начертил, куда там идти. Когда она пришла и рассказала затем мне, у меня руки отпустились. Я почему-то себя считала сильнее ее и находчивее. А вдруг, думаю, родни там нет, а Кате сказать боюсь, потому что и здесь уже туго нам с ней. И решили, что она поедет, а уж если мамы нет в Тайге, то родня, поди, не выгонит. Только напиши, говорю, сразу же, чтобы я знала, что ты жива.

Я проводила ее, не плакала, но как они скрылись, я не могу уснуть всю ночь. Я все-все передумала. На пятый день получила письмо, но оно было маленькое. Она, видно, боялась написать, что ест досыта. А мне не нужна ее признательность, я радовалась тому, что она не заблудилась.

Теперь нужно было думать только о себе. Я пошла в деревню, за несколько километров, к сродному брату отца. Жена его работала в молочном отделе, взяла меня к себе, и я стала есть досыта.

Работа моя была разнообразной. Утром рано я шла принимать молоко от доярок, потом подогревала и пропускала его через сепаратор. Частенько, чтобы ускорить дело, хватала не под силу, после чего целыми днями не хотела есть. Ничего мне тетка не запрещала, а у меня глаза не глядели ни на что. Дальше — больше, мне становилась все хуже.

Потом приехала старшая сестра и взяла меня к себе. Томочка уже жила у нее раньше, она взяла ее от бабушки. Я стала учиться. Догонять сверстников было трудновато, а особенно плохо шел русский язык. Все правила я позабыла: мне ведь и думать не приходилось, что придется продолжать учение. Я пошла в четвертый класс, когда нужно было уже в седьмой. Но это меня не стесняло, я старалась учиться.

Валенки у меня были латаные-перелатаные. Платьице старенькое, но всегда чистенькое и выглаженное. Когда перешла в пятый, ребята из седьмого стали поглядывать на меня, как на взрослую, но я ничего не хотела замечать, так как в моем сердце таился огонек любви раннего детства. Я вступила в кружок самодеятельности. Иногда оставались на репетиции, и когда стали выступать, взрослые удивлялись нашей постановке. Мы разыграли пьесу „Николай Иванович“. Этим Николаем был в пьесе Миша Киреев. После постановки он предлагал мне с ним подружить. Я ему отказала. Но потом много чудила: одному пообещаю, приду на свидание, а другому скажу, что он нравится мне, а сама никуда. Да и в чем было ходить? Иногда Лиза мне давала свое батистовое платье и туфли, вот тогда я вся цвела, не стеснялась никого и чувствовала себя свободно. Шутила, танцевала, а иногда я плясала русскую. В такие вечера я действительно была хороша, но, как кончался вечер, я бегом бежала домой.

Началась война, не помню, в Монголии или с финнами, зятя взяли в армию.

Лиза осталась с нами одна, но она духом не падала. Пошла в МТС поварихой, кормила шоферов и трактористов. Дома всю работу старалась сделать я. В четвертом я была лучшей ученицей, в пятом по всем предметам имела хорошие оценки, но русский у меня кое-как, на посредственно. Вроде сама русская, а понять русский язык не могла, да и сейчас в нем не сильна.

Зять вернулся невредим. В это время я решила попроситься у сестры на каникулы в деревню. Я, говорю, сильно соскучилась по бабушке, ведь она одна теперь. Крестный уехал в Красноярск. Лиза ничего не имела против этого. „Только иди, — говорит, — в своей одежде“. Но разве хотелось мне показаться своему любимому на глаза такой нищенкой! Я решила так: если Лиза даст хоть что-нибудь свое, то пойду, а не даст, не пойду. Такой разговор у меня был еще за месяц раньше до каникул.

Катюша мне ничего не писала, видно, боялась, что я приеду к ним, но меня не манило к ним, т. к. я уже ела нормально. Иногда я задумывалась о нашей встрече, но не могла себе представить, какой она будет. Оставалось одна неделя до каникул, и мне не

удалось уговорить сестру. Она пообещала, что даст платье и жакет, а валенки, говорит, хоть проси, хоть не проси, все равно не дам. Если тебе их дать, ты их разобьешь, а потом я сама разутая останусь. Я уже и на это согласилась. А валенки, думаю, у бабушки попрошу, уже так долго не видела она меня, все равно сжалится.

Настал мой долгожданный день. Я отправилась в дорогу. Бабушка встретила меня хорошо. Долго мы с ней беседовали о моей жизни, и я, стесняясь, попросила ее, чтобы она дала мне надеть на вечер свои валенки. И она дала. Я пошла на вечеринку, а сама еще не знала, встречу ли я того, о ком многое передумано. Войдя в помещение, где раздавался шум молодежи, своего любимого я там не встретила.

Мы играли в разные игры; смотрю заходит тот, кого я так долго ждала. Пойдет ли он ко мне, думала я, может, он занят, может я для него ничего не стою. Но он подошел. Пожал мою руку, потому что он сел рядом.

Не знаю, как высказать ту радость, которая озарила меня. Я готова была расцеловать его, если бы это было можно, но все это было внутри. Внешне я казалась равнодушной, хотя радость переполняла мою грудь. Он спрашивал, как я провожу время, как учусь, и у меня закралась мысль: а может, хоть он и сидит со мной, он принадлежит другой. Я стала ждать конца вечеринки, чтобы узнать правду. Когда пошли домой, он подошел ко мне, попросил пройтись с ним. Мы шли вдоль улицы с гармошкой, он очень хорошо играл; дошли до его дома, я постояла, а он занес гармошку и надел тулуп. Подойдя ко мне, он завернул меня в тулуп и взял мою руку. Мы шли молча, а сердца наши говорили о самом настоящем счастье, что мы встретились. Может, он не был так счастлив, как я, не знаю, но мне от него уходить не хотелось. Я почти ни о чем не расспросила и даже не разглядела, какой он стал, т. к. я почему-то стеснялась взглянуть на него прямо. Он говорил, что, как ему известно, многие парни преклоняются передо мной. Я ему ответила, что все это неправда, а сама то и дело думала, что он один мне мил и я с ним счастлива, но ему этого я никогда не говорила.

После этого мы еще один вечер были вместе и опять расстались, не сказав ни один о своем чувстве. Я бы пожила подольше да бабушка пимов больше, не дала, а в своих я не хотела показываться ему на глаза. Только из-за этого ушла.

Весна в этот год выдалась прекрасная, по окончании третьей четверти уже были цветы на лугах. Я постаралась опять попасть к бабушке. Теперь я уже была в одном платьице, в тапочках, косынке на шее. Мы все пошли на луга, видно, был какой-то

праздник. Мой любимый был одет лучше всех да и сам, как мне казалось, был что цветок, чарующий меня.

Как всегда, он играет, мы с девушками поем. Подошли к реке Чулыму, берег крутой, на нем цветы. Река полная, спокойная. Мы играли, пели, рвали цветы, потом мой любимый отдал гармошку и подошел ко мне, приглашая пройтись по дорожке. Разве я могла отказаться от этого?! Я подала ему руку и мы пошли вдвоем. Что мы говорили, не помню, только я цвела так, как цветы вокруг нас. Он остановился и предложил сесть под куст, что во мне вызвало подозрение к нему. Он обнял меня и попытался взять за грудь, я отстранила его руку и предложила вернуться к девчатам. Он не хотел меня слушать и прижал мою грудь к своей. Он стоял в ожидании, что я взгляну ему в глаза и соглашусь сесть. Я упорно глядела вниз и слышала, как сильно бьется его сердце.

Мне самой хотелось обнять его своими руками и даже поцеловать, так как я чувствовала близость его губ и притом мы были одни. Но гордость девичья не позволила мне склониться к нему. Я еще раз спросила: „Вы пойдете к гармошке?“ Он ответил: „Нет, ведь вы, как я знаю, уезжаете к матери в тайгу?“ Я ответила: „Да“. „Так почему бы нам этот день не провести в такой красоте?“ Я вполне согласна была с ним. Да я бы не только день, а всю жизнь провела бы только с ним. Но такой ответ мог бы меня только погубить, чего я особенно боялась.

Потом мы стояли молча, слушая, как бьются наши сердца и, уловив удобный момент, я вывернулась из его объятий и пошла в сторону, где находились девчата. Он не погнался за мной, но просил не уходить. Я пошла, срывая цветы, попадавшиеся на дороге. Я уходила от него как какой-то призрак, а сама была с ним и бесконечно ласкалась к нему. Как камень лег на мое сердце, когда мне пришла такая мысль, что я совсем ему не нужна. А ему нужна моя гордость. Нет, этому не бывать, хоть я люблю его больше своей жизни. Вечером он не пришел, и я с вечеринки ушла рано, а на завтра ушла на два года.

Живя в тайге, я скучала не только по Саше, но и по деревенской жизни. Мама, две сестры, брат встретили меня хорошо. Я старалась им всегда угодить: выстираю, выглажу, наварю, в квартире уберу. И все равно оставалось свободное время, когда я скучала до боли в груди.

Записалась в седьмой класс, а мне было уже семнадцать лет. В школу ходила я около пекарни и всегда заходила к маме, а там подмастерьем работал Гриша Пеньков, он старался угостить меня вкусной сдобой, но я никогда не брала от него. Так он заранее накладет в венские булки масло, посыпет сахаром и подаст маме; это отдайте Саше, да не говорите, что я приготовил, а то не

возьмет.

Вскоре Полина вышла замуж. Полинин муж работал с одним парнем — Ильиным Илюшей, который не был женатый. Зять познакомил меня с ним, а сестре хотелось выдать меня за этого Илюшу. Но разве в сердце может поместиться две любви? Конечно, нет. Много раз, возвращаясь из школы, — как всегда, румяная, берет почти на затылке, пальто нараспашку, я заставала за столом сестру с зятем и моим кавалером. А мама была или опечалена или в слезах. Я спрашивала, что случилась, и когда начинали говорить о моем замужестве, я уходила к соседям, а маму всегда целовала и говорила, что они трясут мешок, но он пустой.

На каникулы я ездила к старшей сестре. Это не доезжая до бабушки двенадцать километров. Думала, может, встречу любимого и нет, не пришлось его встретить, и я уехала, познакомясь с хорошеньким пареньком, Лешей Ахромеевым, но это от нечего делать. Невеселая уехала в Тайгу.

По окончании семилетки я была принята на работу в Тутальский пионерлагерь. И там находились поклонники, но я ждала лишь встречи с тем, кого любила. Когда кончился лагерный сезон, я вернулась домой. Там лежало письмо от Леши Ахромеева, в котором он звал меня в Красноярск. Если, писал, дашь согласие, я приеду за тобой. Мой ответ был отрицательный.

Я попросила маму разрешить мне попроведовать бабушку. Мама договорилась с проводником, чтобы не покупать билет. Я должна была сходить в деревню и через несколько часов вернуться к этому же поезду.

Я приготовила самый наилучший наряд, а наряд был: платье простенькое, искусственный шелк, туфли брезентовые на венском и поношенная курточка. Я считала, что нарядилась как надо. На голове все та же беретка из красного бархата и корзина с гостинцами.

На станции Итате, когда сошла с поезда, я встретила друга Саши. Мы, как близкие знакомые, оба радовались, что пришлось встретиться. Его звали тоже Шура. Он ко мне был неравнодушен. Но, видно, знал, что моя любовь не для него. Мы вспоминали детство, дружбу и так смеялись, что колхозники, работавшие неподалеку, останавливались и глядели на нас. В одной из групп была мамина сестра, моя крестная, она подозвала нас поближе и спрашивает: „Уж не поженитесь ли вы? Откуда вы приехали?“ Шура отвечал, что пока еще не поженились. Наверное, давал мне понять, что не против бы пожениться. Я только смеялась.

Когда стали подходить к деревне, он спросил: знаю ли я, что Шуру Бруева должны взять в армию? Это меня сильно

встревожило, но и обрадовало, что он еще не женат. Я хотела пойти задами, но этот Шура настоял идти по деревне, имея ввиду что поставит в непонятное положение моего любимого. Он так и сделал. Когда дошли до его дома, остановились против окон. Этот Саша подает мне корзину, и я пошла к бабушке, украдкой бросив взгляд на окна.

Не прошло и получаса, как два друга пришли в квартиру бабушки. Загорелось мое лицо, как в огне, забилось сердце. Они оба просили, чтобы я не уезжала в этот день. Сколько ни просили, я решила не оставаться. Когда пришел мой сродный брат, мы попрощались с бабушкой и этот брат пошел меня проводить до станции. До этого мы договорились, что мой любимый подарит мне с себя фото. Когда поравнялись с их домом, выходит его друг и говорит, что тот совсем пьяный. Тогда я попросила, чтобы он передал ему счастливо отслужить и быть здоровым. Беру свою корзину и пошла, в это время выходит он сам (выпивший, но не очень) с упреком, что я не желаю войти в его дом. Взял корзину и говорит брату: идите, а она уедет завтра, с нашим поездом. Я не понимала, что происходит. Ведь нет денег, а хотелось бы с ним побыть. Коли он так говорит, значит купит билет. Я согласилась остаться. Войдя в дом, бабушка его встретила, поцеловала меня, как свою, она любила меня еще и тогда, когда я жила в няньках у ее соседки. Посадили за стол, угощали различными кушаньями. Но совесть убивала меня, что я вошла в дом молодого человека одна, без подруг.

После угощенья он завел патефон, долго играл, спрашивая, какая нравится мне из пластинок. Потом он прошел в комнату и позвал меня. Он лег на койку, я села около него, чтобы хоть в последний вечер почувствовать его ласки. Долго ждать не пришлось. Он взял мою руку, положил на свою грудь и гладил, нежно прикасаясь.

Потом он привлек мою голову к своей щеке со словами: „Вот и снова мы вместе! И как хорошо, что ты приехала! Но очень жаль, что расставаться надо“. Я не знала, что ему ответить, а поэтому попросила, чтобы он проводил меня до бабушки. И мы пошли так же, как и в первый раз, в его руке — моя рука и совершенно молча. Когда подошли, я глубоко вздохнула: что может подумать бабушка, ведь я с ней распростилась?! Мой любимый успокаивал: он сам сумеет поговорить с ней. Я знала, грозы не миновать. Постучались, бабушка открыла ворча. Мы сказали, что посидим около окна, и вышли. Просидели почти до рассвета, но расставаясь, он даже не поцеловал меня.

Утром бабушка сильно ругалась, но я ей сказала, что я плохого не позволю, а то, что мы посидели, в этом нет ничего

особенного. Вскоре он пришел за мной и мы белым днем шли рука в руке. Я гордилась, что он проявил ко мне такие чувства. Я пылала от огня, который жег меня внутри. Мне много хотелось сказать ему ласкового, милого, чтобы согреть его своим огнем, но я не могла сделать это.

Зашли к нему в дом. Бабушка послала его в баню, а мне подала портянки обметать. Что я и сделала быстро. После она подала мне чемодан и вещи, которые он должен взять с собой, за этой работой он меня увидел и начал шутить: „Смотри, бабушка, была бы она поближе, хорошая помощница была бы для вас“. Бабушка ласково поглядела и ответила: „Это все зависит от вас, может, я доживу, когда ты вернешься“. В пятом часу пришел его друг, и мы поехали на станцию. Бабушка плакала с причетом. Когда приехали, мне пришлось переживать за билет. Потом они достали. Мы попрощались. Я ушла в вагон. Его друг не вытерпел, заскочил в вагон и сидел рядом со мной, пока не доехали до Мариинска. Я знала, что этот тоже любит меня, но его любовь тяготила.

Вскоре я получила письмо в Тайгу. Связь между мной и моим любимым стала более крепкой.

Чтобы получить какую-нибудь специальность, я решила поехать в Новосибирск, на станцию Кривощеково. Нас командировал райком комсомола на постройку комбината № 179. Говорили, выучитесь, станете квалифицированными специалистами. Нас собралось три девушки и двенадцать ребят. Привезли и поселили в общежитие, на работу оформили кого куда.

Мы, все девушки, попали в транспорт узкой колеи. Приходилось брать в руки кайла и лопаты. Мои подруги рассчитались, но я решила выстоять. Я попросила Фросю, женщину, которая носила нам хлеб к обеду, чтобы она принесла газету, которую мы могли прочитать в обеденный перерыв. Этим самым мы могли бы связаться с текущей жизнью.

Фрося высказала мою просьбу парторгу, он настоял, чтобы меня вызвали в контору. А я такая сделалась страшная, что если б из знакомых кто увидел меня, не узнал бы. Лицо обветрело, щеки облезлые, так как несколько раз я их обмораживала.

Я пришла на второй день. Парторг спросил, откуда я, какова семья, как она обеспечена. Я отвечала на все вопросы. Он внимательно выслушал и сказал, что переведет из пути в склад, где находился путейский инструмент.

В это время, хоть и страшная я была, но все равно ухаживал за мной маменькин сынок Володя Горлов. Ох, и горе, а не парень! Пригласил он нас с подругой к себе в выходной день, (он жил в

центре Новосибирска). День стоял жаркий. Пришли в дом, он не знает, куда и посадить. Пока мать готовила на стол, он нас фотографировал, потом показал альбом. И вдруг слышим, по радио объявляют о войне. Как это подействовало на нас!

Когда вышла на работу, наш кладовщик из центрального склада уже был призван на фронт. Вот теперь меня нагрузили до ушей. А он не только был кладовщиком, но и завхозом. „Нужно красить крышу гаража“, — говорит мне начальник, а начальником был Кузнецов Иван Кириллович, потом он тоже ушел на фронт. „А кто же ее возьмется красить?“ — спрашиваю его же. А он улыбается и говорит: „Ты хозяйка, вот и гляди, кого можно взять дня на три“. А я и голову опустила, в хозяйстве одного дома я понимала, что делать. А здесь целая организация! Надо топливом запастись, надо все утеплить к зиме.

Совсем было растерялась, пошла к парторгу, объяснила положение, а он говорит: „Не падай духом, поддержим“. Подсказал, кого послать красить, а уголь, говорит, шофера перевезут.

И пошла моя работа. Вскоре открылись курсы мотоводителей, без отрыва от производства. Я устроилась на эти курсы. Изучали мотор ЗИС-5 и ГАЗ, ходовую часть, сигнализацию и правила технической эксплуатации. Когда получили права, надо было стажироваться, а меня не пускают. Что мне делать? И опять я к парторгу. За меня, говорю, может работать любой грамотный старикашка, а на машине не каждый сможет. Смотрю, согласились мои начальники, дали приказ сдать склады.

Кто бы знал, сколько было пролито слез с этой сдачей. Во время работы мне никто не подсказал, что всякая вещь, выданная из склада, должна быть у кого-либо на подотчете. Я выдала шторы в красный уголок, а их там не оказалось. Наверное, сам же председатель местного комитета и унес, т. к. он всегда замыкал красный уголок. Чашки, кружки пошла спрашивать с буфетчицы. Она говорит: „Их растаскали“. Так, говорю, что ты взяла у меня из склада. Она отказалась. Главный бухгалтер взял плащ съездить в банк и не вернул, а плащ новый. Я считала, что эти все вещи списываются, а мне их тоже так списали, что я почти весь год платила.

По окончании стажировки меня прикрепили к мотовозу № 900. На нем работал высокий стройный моряк Саша Киселев, очень суровый на вид. Мне девчата говорят, ты с ним и трех дней не проработаешь. Это меня озадачило. Но решила, будь что будет. Он в это время стоял на ремонте. Я подошла, спросила, можно ли ему помочь. Он улыбнулся, пожалуйста, грязи не жаль. Взялась я, сама промываю в керосине, спрашиваю что может быть во время

работы на линии. Он охотно отвечал на все заданные вопросы, а под конец ремонта выкрасил в кабине светло-красным лаком. Со словами, что „Теперь в мотовозе есть девушка, надо чтоб и вид мотовоза был более приличный“.

Выехали на линию. Сначала возили кирпич. Все ожидали: вот-вот придет Киселев с требованием убрать девчонку, но к их удивлению, мы так сработались, что вскоре увидели меня на доске с высшим процентом выполнения. Саша всегда держал мотор в исправности, а я протирала так, что даже чистого платочка не замарали бы, если проверяли бы чистоту. Когда сменялись и я направлялась в общежитие, Саша иногда окрикивал меня: „Эй, Саша, иди-ка сюда!“ Я — бегом, думаю; что-то натворила, а он стоит, показывает на скаты: „Что же ты и скаты не помыла?“ И рассмеется, видя меня растерявшуюся. А после скажет: „Иди отдыхай, умучилась ведь ты“.

Но я не чувствовала усталости. Я была так рада, что такая молодая сумела заменить мужчину и что не смеются надо мной, как над другими девчатами, которых гонят напарники. Иногда я работала по две смены и никто про это не знал. Машину заправлю, а Саши нет. Он жил в Новосибирске. Я подъезжаю, сажу главного и работаю, до тех пор, пока Саша появится, отыскав меня на линии.

Я относилась к нему как к брату, а его имя с любовью произносилось мною, потому что мой любимый ведь тоже был Саша. Может, это отношение и покорило сурового холостяка. Один раз был у меня в общежитии. Прошел, посмотрел, как я живу, чем занимаюсь. В это время Саша стал поговаривать: надо, мол, одному из нас уйти на другую машину, чтобы можно было вместе хоть в кино сходить. Но я упросила его, чтобы он не делал этого.

Так мы и работали. К нашей машине, в мою смену прикрепили главного Сивикова Василия, он таких же лет, как и Саша. Так же считался холостяком.

Так, прошло наверное более полутора лет, а война, хлеба мало, баланда жидкая. А чаще всего варили ботву свекольную или колбу. Однажды у нас в организации собрали деньги и отправили за семенной картошкой. Мне привезли два ведра, да на рынке подкупила, и у меня хватало семян на пять соток земли. Радовалась, что хоть осенью буду сыта. Но разделился трест № 3. Нас, большую часть одиночек, отправили в Кемерово. В том числе и меня вместе со своей девятисоткой. Я радовалась, а Саша ходил мрачный, видно, не хотелось ему отпустить меня. Он говорил: „Саша! Пускай отправляют нашу девятисотку, а ты откажись“. Но я даже слушать не хотела. Однажды сидим возле машины, он

поглядел мне в глаза и говорит: „Лучше бы я сразу отказался от тебя, мне бы легче было, а то впустил тебя в свое сердце, а ты ничего не понимаешь и понимать не хочешь“.

С личными моими делами многое изменилось. За полгода до моего отъезда на заводе стала работать сродная сестра моего отца — Надя Дмитриева. Я ее приняла с радостью. Когда она приходила ко мне, я угощала ее последней пайкой. Рассказывала, что по-прежнему люблю Бруева и что его письма согревают теплом моим руки. Что все письма у меня с любовью сложены, как самое дорогое для меня. Она при этом объяснении только поддакивала. Однажды, отвечая на одно из писем, я своему любимому задала вопрос: кто ему из девушек нашей деревни нравится больше всех? Ведь он ходил со многими. Он мне ответил, что больше всех — Надя Дмитриева. Это меня ударило, что молнией. Ответ на это объяснение я писать не стала, а решила проверить. Здесь, как назло, вытащили мои деньги из чемодана, которые я так берегла. Подошел выходной, я пошла к Наде, ее дома не оказалось. Я попросила девушек дать мне альбом. Они, ничего не подозревая, подали альбом. Когда я его открыла, сердце мое сжалось: передо мной были точно такие же фотокарточки, как у меня. Теперь мне все ясно, подумала я. И, не дождав Надю, я поспешила уйти. Как мне было обидно за то, что он обманывал меня, а я верила ему и любила. Я любила его больше своей жизни, а моя любовь оказалось отравленной. Я написала еще одно письмо, от начала до конца стихами, где обвинила его и просила выслать мои фотокарточки, потому что они ему не нужны. И чтобы не терзать свои раны при произношении его имени.

Кемерово нас встретило плохо. Воздух насыщен газом, дышать трудно. Сразу повезли нас в Кировский и поселили в школу: никаких условий для человека. С нами за начальника приехал один из партийных руководителей. У нас появились мука, мясо, и все это поместили в Доме культуры в подвале, где находилась кухня пионерского лагеря. Однажды мне сказали, что я буду дежурить на этой кухне ночью. Одна, да в таком здании? Но деться некуда, пока еще не работали, отказываться нельзя. Я позвала одного паренька, приехавшего вместе с нами. Его звали Митя. С вечера мы сидели разговаривали, вроде как дома, а потом на полигоне стали партию проверять — как шарахнут, а здание большое, стекла дребезжат, того и гляди, разобьются. Жутко мне стало, подвинулась я к Мите, прижалась и дрожу. Как выстрелят, я от страха прижмусь к нему, а он обнимет и поцелует. Я не сопротивлялась, но и не испытывала в себе пристрастия к этому, т. к. я не любила всякие поцелуи, а он, как после

рассказывал, запомнил эту ночь на всю жизнь. Он полюбил впервые в жизни.

Вскоре нас определили кого куда. Многие пошли в общежитие, а я на частную квартиру.

Наши мотовозы комбинату пока не требовались. Меня послали на станцию оператором. Эта работа мне не понравилась. Я попросилась на курсы шоферов. Я имела в виду то, что, меня не берут на фронт, я должна заменять мужчину в тылу. И это мне удалось. Я получила права шофера третьего класса. Не легко шоферить было в войну; в горючее мешали всякий суррогат, керосин мешали с бензолом. Если мало нальешь керосину, бензол вниз осядет, как квашенное молоко. Нальешь больше керосину — не заведешь. Мешали с денатуратом, с эфиром и ацетоном. Резина была заплата на заплате, да электрооборудование на ниточках. В общем нужно было иметь большую силу воли, чтобы работать. В сорок четвертом году разделился комбинат на два завода, меня поставили диспетчером автобазы, через некоторое время потребовался грузовой диспетчер на железной дороге, меня ставят этим диспетчером. Где бы я не работала, никогда мне не делали замечания, потому что работа выполнялась со всем желанием, за что не один раз получала я чек на мануфактуру или отрез на платье, а в войну купить отрез требовались тысячи.

А личная моя жизнь во многом изменилась. Когда мы учились на курсах шоферов, нас, всю группу, отправили сено косить. Давненько я склонна была к одному из курсантов, т. к. он чем-то напоминал Бруева. Располагаемся на ночлег, нас трое девчат в середине, возле меня с краю ложится этот Леня. Но он не успел прикоснуться к моей руке, как его проняла дрожь. И вот этой невоздержанностью он погасил ту маленькую искру, которая начинала разгораться. Я сразу же перешла к ребятам совсем молоденьким и до самого конца спала там. Леня понял, что я в его дружбе не нуждаюсь, хотя мы не обмолвились ни единым словом.

Одна из девушек, Тоня, очень желала подружить с деревенским парнем, у которого вились кудри, но мне он совсем не нравился, все в этом парне говорило, что он грубый и невоспитанный. Однажды мне передали ребята, что этот парень желает иметь дружбу со мной, но мой ответ был отрицательный.

Вскоре приехала ко мне старшая сестра, ее послали в Кемерово в командировку, и она воспользовалась случаем, забежала ко мне. Я очень обрадовалась ее приезду, спрашивала о маме, о сестрах, потом сестра мне сказала, что Бруев женился в армии. Вот этого я совсем не ожидала. Этой новостью она прибила меня к стулу. Лиза еще что-то рассказывала, но я уже не

слышала ее. Видя меня в такой тревоге, она постаралась успокоить. Что ты гонишься за ним, теперь видишь, какая жизнь, мужья на фронте, а жены замуж выходят. А ты переживаешь о том, кто тобой не нуждается. Находится человек, выходи и живи.

И я вышла замуж. Но что это за замужество, когда он тебе не мил. Мне все было в нем противно. Я не понимала, зачем я сделала такой необдуманный жизненный шаг. Это был составитель Синеков. В одно дежурство я из диспетчерской разговаривала с Тайгой и объяснила маме, что вышла замуж. В диспетчерской сидели шофера, среди них был тот кудрявый деревенский парень Чистяков. Взяв путевку, он уехал на завод, но там так напился, что получил пять суток ареста. Видно, потревожило его мое объяснение.

Не пожила я со своим мужем месяца, как узнала, что мой муж уже был женат и у него есть дочь. Я решила навсегда порвать с ним связь. Сказала Тоне, что осталась одна, а от Тони весь гараж узнал. Степан подослал ко мне своего друга, мы сидели вдвоем и заходит мой муж. Он всячески просил, чтобы я вышла, поговорила с ним, но я настояла на своем. Потом его бесконечные звонки в автобазу, я все время избегала его.

В это время разбил машину Степа Чистяков, мне как-то жаль стало его. Мы ходили с ним вдвоем, когда были свободные. Лиза еще раз приехала и, увидев Степана, отругала меня. Он ей совсем не понравился.

Но я почему-то привязалась к нему. У нас с ним не было никаких объяснений. Разговоры были всегда общими.

Однажды дали мне отпуск, я поехала в Тайгу. Там встретила Гришу Пенькова. Но он так был холоден со мной, за мое замужество, что я решила не встречаться с ним больше, а скорее уехать в Кемерово. Здесь ждал моего приезда Чистяков, и я была довольна этим. И еще сидя в вагоне, я твердо решила, что буду верной женой Степана. Что бы ни случилось с ним, я его подруга до гроба. Я была уверена, что сумею поддержать его в жизни. Когда мы появились в Боровом, все глядели с презрением: что за девка связалась с таким хулиганом? Я иногда сама боялась за то, что взвалила себе непосильную ношу, но в дружбе отказать я ему не могла. Между нами не было близкой связи, но и отказаться от него — значит сгубить его юность. Нет уж, видно суждено мне идти с ним по одной дороге. Однажды он поссорился дома с матерью и сестренкой, собрал свои вещи и ко мне, в Кировский, пришел, встретил меня с работы и сказал, что он приехал совсем. Хватит, говорит, ходить, будем вместе жить. Не спросил, согласна ли я на это, или не согласна, но стало так, как хотел он. Мы с этого дня стали муж и жена. Все же это было не то, что я ожидала.

Я желала, чтобы он приласкал меня, чтобы хоть немного своими поступками напомнил бы мне того, кто жил в глубине сердца, но Степан не был воспитан к этому. Его, видно, самого никогда не ласкали, так и он не умел приласкать. Я очень часто плакала и многое пережила за два месяца, которые прожили вместе.

Как я говорила, он был под следствием. Вот состоялся суд. Я сильно переживала. Мое желание было, чтобы только без заключения обошлось. И вот приговор: ему дают год условного. Но мой Степа не успокоился на этом. Он постарался еще раз напиться на заводе, и по возвращении с полигона, зашел в будку сторожа. А машина работала, работала и заглохла. Он спал крепким сном и во сне не видел, что снова приближается срок наказания. Мороз в эту ночь был сорок градусов, а поэтому блок мотора размёрзся и вышел из стоя.

Стало ясно, что ждет нас впереди. Он на работу больше не пошел. Как я его ни уговаривала. Я была уже в положении, а ела только драники — из картофеля. Он старался приготовить их у матери и принести во время моей работы. В один из печальных дней, как всегда, он встретил меня с работы и, идя по дороге, баловался, как мальчишка. А в это время нас ожидал сотрудник милиции в нашей квартире.

И снова переживания, я очень болезненно отнеслась к его аресту. Мне почему-то думалось, что я виновата в его недисциплинированности. Стала ждать, что присудят. Днем и ночью ходила из Кировского в поселок Боровой и никогда мне в голову не приходило, что на меня могут напасть хулиганы или жулики. Я все свободное время думала, что он голодный и совсем исхудалый, избитый лежит на голых тюремных нарах. Мне подруга посоветовала сделать аборт и забыть навсегда такого мужа. Но я этого сделать не могла, человека в беде не бросают. Два месяца он сидел под следствием, а потом его осудили. Я и не знала, что его судят. Мне сказали, и я успела добежать до зала нарсуда, когда их уже повели. Он успел крикнуть, что ему дали три года и что будет отправлен в лагерь, где сможет работать на автомашине или на тракторе. Меня напугало его лицо. Ты, говорю, опух? Он рассмеялся. А конвоир зашумел. Так я тогда и не узнала: или он поправился, или опух с голоду. Вскоре кончилась война, в честь Победы дедушка Калинин дал амнистию. И опять мы вместе. Только теперь переехали к матери в поселок. Он устроился на работу, а я пошла в декрет. Сидела дома, ухаживала за ним, как за малым дитем, т. к. хозяйства у матери не было, а так заняться было нечем. Вот и была моя работа — проводить мужа, а потом что-нибудь приготовить на ужин хорошего. А он этого не замечал. Мне становилось тяжело,

вроде кто-то сжимал мое сердце в кулак. Иногда я уходила в огород и горько плакала, но жизнь от этого не светлела, а поэтому пришлось применяться ко всему.

Девятнадцатого июля я почувствовала боль в животе, а до роддома километров восемь. Взяла с собой девочку лет десяти и пошли. Три дня я жила еще в больнице, но двадцать третьего июля в десять утра у меня появился Володя. Володя отличался от всех детей, он кричал день и ночь. Его прозвали деревенским парнем. Когда я лежала, муж с матерью приезжали. А когда выписали, они не приехали. Вот обидно было!

На второй день приехал его товарищ с матерью. С этого времени начались мои страдания. Муж напьется, уйдет с ребятами, я расстраиваюсь. Володя пососет грудь, тоже ревет по всей ночи, а иногда по всем дням. Я не знаю, как он не умер.

Вернулся с фронта свекор, устроился в детдом поваром, уж один пряник он всегда приносил. Но я не давала Володе, думала, что его можно испортить этим, а молока в грудях было мало, вот и морила дитя и сама не понимала, что извожу голодом своего любимого сына. Целый год он кричал. Обходила моя свекровка всех бабок, всех дедок, а Володя все ревет. Потом понимать, видно, стал, утих.

Я уже не работала. Куда от такого дитя, кто с ним согласится сидеть? Да и работа неподручна, за восемь километров. Я считала, что если замужем, да малый ребенок, то никто не осудит, если я рассчитаюсь. Тем более война кончилась.

Нас жило девять человек в одной комнатушке. Рядом стояли три койки. Красноармейка, которая жила с двумя детьми, среди нас, предложила нам искать квартиру. Мать с отцом рассорились, отец поехал в Воронеж. Мать выпросила квартиру в совхозе. Мы переехали в другую квартиру, которую дали матери. Сестра Степана заимела поклонника и ей в этой квартире показалось тесно. Она редкий день не устраивала скандала, не один раз летели мои вещи на улицу. Мне приходилось слушать неприятности со всех сторон. Сам — грубый, несознательный, мать его тоже ко мне с матерками. Получилось так, что вроде бы я одна виновата во всем.

Пришлось серьезно задуматься о своей будущей жизни, т. к. я опять забеременела. Я пошла искать человека, который сумел бы прервать беременность. Нашла женщину, которая сделала, что умела, и обещала: пройдет все нормально.

Ночь прошла для меня в муках, но никто в семье не знал моих мучений. Я сжала крепко зубы, но ни одного звука не проронила. Даже муж, спящий рядом, не знал, что со мной происходит. Утром, превозмогая страшные боли, я встала,

накормила мужа и проводила. Конечно, если бы был он повнимательней, он сразу бы понял, что я не здорова. Но он считался только с собой и знал, что для него все должно быть готово, а как готовится и в каких обстоятельствах, он не знал и знать не хотел.

В восемь часов утра у меня открылось кровотечение. Вскоре проснулся Володя. Мать заругалась: что лежишь, одень ребенка! Но я ответила, что я не встану. Она, видно, поняла, сама одела Володю и стала готовить завтрак. А я все спокойно лежала, но с каждым часом все больше и больше теряя кровь, стала слабеть. В двенадцатом часу взглянула мать под занавес и, видно, напугалась. Она положила Володю в люльку, покачала. На счастье, тот быстро уснул. Мне сказала: вот тебе чистая рубашка, обмойся, я побегу за врачом. И она ушла, закрыв меня с сыном на замок. Я пыталась встать, т. к. я действительно лежала в луже крови, но только поднялась, тут же упала. Не знаю, сколько я лежала, но когда вошла в память, в квартире по прежнему не было никого и Володя спал. Я ползком добралась до койки, положила сверх всего свое старое осеннее пальто, которое попало под руки и опять легла.

В глазах у меня стоял мрак, сквозь него появились разноцветные круги. Я закрыла глаза и опять потеряла сознание.

Потом слышу, как издалека, чей-то голос: „Саша, милая, да жива ли ты?“ Я открыла глаза: передо мной сидела соседка, Маруся Маскалева, ей мать оставила ключ и попросила попроведовать. Маруся плакала, глядя на то, в каком состоянии я нахожусь. Что же ты наделала, смотри, у тебя уже ногти синие, а сама ты как стена, белая». Я собрала все силы и ответила, что так надо, и улыбнулась. Она еще больше заплакала. Ведь ты, говорит, со смертью борешься, а еще улыбаешься. Я опять стала терять сознание, а ей, видно, страшно показалось около меня, она ушла. Мать обегала всех врачей, их не оказалось дома. Тогда она побежала к Степану в гараж со словами: «Захватишь живую или нет, не знаю». Он забежал в столовую, выкупил сахар, масло по карточкам и попросил, чтобы его увезли скорее домой. Он знал, что я без этой болезни была слаба, т. к. хлеба на меня давали двести пятьдесят граммов. А я старалась все отдать ребенку и ему, а сама все на картошке перебивалась, что очень ослабило мой организм. Когда он вбежал в хату, я вроде проснулась, он спросил: «Ела что?» Я отрицательно покачала головой. Он понял, что во мне нет сил даже разговаривать. Тогда он взял Володино молоко, насыпал сахару, размешал и поднес со словами «Ты должна поесть». Приподнял мою голову, я выпила это молоко. И сразу почувствовала в себе силу.

Он потрогал мои руки, а они что у покойника. Налил в бутылки горячей воды, положил к ногам и рукам. Мать поджарила хлеба с маслом, он поднес мне и я съела два кусочка. Кровотечение прекратилось: я лежала, не зная, что будет со мной дальше. Но чувствовала по себе, что теперь я еще смогу бороться и не поддамся смерти. Да, и не умерла.

Был у меня отрез, полученный в автобазе за хорошую работу. Была новая фуфайка, брюки и так, кое-что, я все распродала, заставила Степана выписать плах — тогда это было свободно. И стали строить свой угол. Сами, своими руками. Каждая досточка была полита моими слезами. Мне стало казаться, что меня подменили. Из такой настойчивой, мужественной девушки я стала безразличной ко всему и ничего меня не интересовало. Наступала осень, надо было копать картошку. Хотя я еще была слаба, но, зная, что кроме меня никто за нее не возьмется, я оставила Володю со своей мамой, которая приехала поглядеть на меня и на мою жизнь. Я договорилась, что Степан приедет за мной и привезет картофель. Я целый день без разгибу спешила копать, чтобы услышать хоть одно слово в благодарность, но уже стало темнеть, а его все не было. Тогда я закрыла кучи ботвой, а когда огляделась вокруг, никого нигде не было. Стало немножко жутко, я побежала бегом, а уже совсем стемнело, и я заблудилась. Мне наконец какая-то тетенька показала дорогу.

Когда пришла домой, вся семья была в сборе. Они спокойно ужинают. Только моя мама места найти не могла. Я так сильно переутомилась, что даже есть не хотелось. Но взглянув на маму, я поняла, что она еще больше будет волноваться, если я не стану есть. И я малость поела. Ночевать пошли в свой новый дом. А напротив нашего дома стоял совхозный клуб. Степан вздумал зайти туда. Я попросила, чтобы он поскорее вернулся, так как дом пустой, окна без рам, забиты досками, в нем одна боялась. Я решила ждать его, прижавшись к стене. Но он, видно, не думал, что я устала, к тому же еще слаба. Он все сидел в клубе, его забавляли анекдоты, рассказываемые одним ворюгой, которого после посадили и там в зоне отрубили голову.

Мое терпение лопнуло, я пошла в клуб. Подойдя к Степану, я попросила: «Пойдем, ведь мне холодно стоять на улице, а в хату войти я не смею». Так он окатил меня с верхней полки матерком хоть стой, хоть падай. Я вышла из клуба, слезы сжали мне горло, мне казалось, счастливее бы я была, если б умерла. Подойдя к дому, я разревелась, выливая в слезах всю свою горечь. О боже! За что же я такая несчастная мучаюсь на белом свете! Нет мне радости, нет покоя, а он вовсе опостылел, т. к. и без того был постыл. А ведь я думала перевоспитать его, но где мои силы! Я

так унизила себя, что ничего не могу сделать с ним, а свою жизнь почти погубила.

Володю увезли на станцию Тайгу, и младшая сестра писала письмо за письмом: «Бросай все! Что дорогое в твоей жизни — это Володя, а Володя всегда будет с тобой. Не гляди ты на этот дом, не дом ты себе построила, а гроб. Брось все, приезжай». Я долго еще колебалась. Ведь я не одна, с ребенком. Как понравится маме? Что скажут люди? Нет, это сделать невозможно. Я не должна вмешивать в свою жизнь никого. На этом был конец моим колебаниям. Маме я отбила телеграмму, в которой требовала привезти Володю. Я об этом требовала по всякому. Иногда мне казалось, что он болен, и я никогда не увижу его. Мама постаралась выполнить мою просьбу. Она привезла Вовика, но нисколько не радовалась моей жизни.

Вскоре мы перешли в свой дом. Хоть он был не отделанный и не оштукатуренный, без кирпичной печи. Все же свой угол. У нас была корова, которую приобрели, когда народился Володя. Хоть она была неважная, а молоко не покупали.

Жила и свекровка с нами. Однажды она унесла молоко зятю, а Степан попросил ему налить. Я сказала, что нет молока, и между нами завязался спор. Мать ушла в свою квартиру. Мы остались трое, все безработные.

Я пошла искать работу. Узнала, что надо мотористок в шахту. Пришла домой, говорю, что пойду оформляться. Муж ответил: когда, мол, умрешь, так тогда належишься под землей. Пошла в столовую, нужно буфетчицу. Так опять говорит: сам наматерить сумею дома, чем каждый будет материть тебя в буфете. Тогда я решила: не буду спрашивать его, а то, пожалуй, совсем не устроишься.

Иду на станцию Шахтер. Встречается весовщик, Галя, хорошая девушка. Я смело спросила: не нужно ли им стрелочников или весовщиков. Она весовщиком работала в ПТУ. Галя направила меня на станцию Северная. Начальник станции Коваленко сказал: пишите заявление. Я в станции написала, и он сразу же подписал: «оформить дежурным на станцию „Бутовская“ вместо Шишкиной». Я пошла в управление на Рудник. Там был начальник Хохлов, он спросил: испытание сдавали? Говорю, сдавала. Подписал и начальник управления. Сразу оформила обходную, мне выдали хлебную карточку, восемьсот граммов, и на Володю четыреста. В общем, выйдя из управления, я до слез была взволнована от своего счастья! На обратном пути я зашла в буфет «Северный», выкупила хлеба два четыреста и на мясные талоны продуктовой карточки выкупила колбасы. В это время я сияла вся от радости и гордости, что встала опять на твердую

почву. Я так шла, что, наверное, никто бы не смог меня догнать. Я хотела порадовать Степана и угостить своего любимого сына.

Степа действительно был обрадован, когда я сказала, что буду дежурным по станции на шахте «Бутовская». Дежурили мы сутками. Степан еще не работал. Когда меня не было дома, он сам командовал по хозяйству. Уголь я привозила с собой по кулю. И мне хватало на двое суток. В общем, зажили дружно.

Свекровка такого оборота в жизни не ожидала. Как ни зайдет — полы промыты, как желток. Володя чистенький. Тогда она стала Степана журить: «Бабенка работает, а ты, лоб, сидишь». Сказала, что у зятя ей не мед. Тогда он ответил: «переходи к нам и живи». Вот она и перешла.

Устроился мой Степан трактористом на шахту «Бутовская». А здесь бы еще больше радоваться надо. Но не с моим мужем. Как попало сто граммов, так он и трактор забывает. Что он не творил на этой «Бутовке»! Землянку разваливал, электрические столбы валял, в траншее сидел. И все это — несчастная водка!

У меня народился второй сын. Я уезжала к маме в Тайгу и брала с собой Володю. А когда не уезжала, я всегда носила горячий обед Степану. Вот его ребята спрашивают: «Где Саша? Почему не стала носить тебе обед?» Он спокойно отвечает: «Уехала к матери и сынишку взяла». Они ему наговорили, что все может случиться в дороге. Вот и прилетел он в Тайгу как обоженный. А я уже лежала в больнице и ходили ко мне каждый день, а почему-то не весело было мне. Я уже покаялась, что не осталась в Кемерово.

В одно воскресенье подошла я к окну и задумалась, а меня толкает одна из мамаш: «Смотри, девка, вся Тайга к тебе на свидание является». Вот это действительно было свидание! На понедельник он выпросил меня под расписку. К маме пришел тот Гриша, который не забывал свою юность. Ты, говорит, Степан, не обижай Сашу. Я хоть в год раз увижу и то доволен. Поехали домой нас пятеро. Тамара была в отпуске, а поэтому решила помочь мне с оформлением новорожденного Толика. Я много ходила, а Тамара сидела с будущим своим учеником.

По окончании декрета я снова на своей работе. Как всегда, вид мой был жизнерадостный. Я никогда не вешала нос среди людей, хотя иногда и не очень радовала меня судьбина.

Однажды под хмельком Степан так влез в болото, что своим ходом ему было не выбраться. Он всю ночь простоял. На утро я побежала на станцию. По прибытию паровоза, я стала просить машиниста, чтобы помог вытащить трактор. А они заругались: что это за приказ? Ты говори, какие маневры делать? Тогда я им все объяснила, что я не приказываю, а прошу, и на тракторе мой муж,

которому грозит неприятность. Тогда они согласились и в пять минут трактор стоял на берегу.

Узнал об этом начальник шахты. Вызвал к себе Степана и давай песочить: не водку пить тебе, а воду, от которой понос прохватывает. Ведь жену твою жалко с детьми, не тебя, а она, наверное, скоро на самолете будет вытаскивать тебя. Как ты не поймешь, что мешаешь пьянкой и себе, и жене. Ведь ты сам не знаешь, что творится с ней в то время, когда ты натворишь какую-нибудь пакость. Давно бы тебе быть в заключении, если бы не ее умоляющие просьбы. Но ты ее не ценишь, а когда поймешь, наверное, будет поздно.

У меня был и такой случай. Принесла обед: где Степан? Только что выехал, куда не знаем. Я, что сыщик по следу, ушла в конец деревни. Стоит трактор заглохший, сошел с гусеницы. На другую жену, плюнула бы и ушла. Но я знаю, что стоит каждый час использование трактора. Вернулась не лесосклад. Первая смена менялась. Я упросила трех работяг и к трактору. Завели, стали налаживать, тогда, видно, разбудили моего хозяина, и он откуда-то пришел. Сколько зла кипело в моем сердце за недобросовестные поступки. Он хотел привезти сено, которое было недалеко от поселка, а хозяин, видно, уж очень добрый; прежде чем ехать, угостил, и пропал весь ихний план. Я знала, ради чего он попал сюда, а набралась терпения, старалась не высказывать своего недовольства. Когда соединили гусеницы, я села сама за рычаги и погнала трактор. Грузчиков поблагодарила и уплатила им. На пути встретили еще двоих трактористов, которых послали из гаража на помощь. Мы все доехали до нашего свертка. Мы со Степаном вышли, а они поехали дальше.

Долго я беседовала со Степаном, когда он проспался. Я приводила примеры на фактах, что такой заработок меня беспокоит, т. к. этот рейс стал мне более пятидесяти рублей. Ведь сам ты мог честно трудиться и, придя домой, выпить и закусить, а мне пришлось чужих людей угощать и самой себя терзать да еще переживаю за твое будущее. Кто тебя заставляет так унижаться? Неужели ты не в состоянии прожить честным трудом, не продаваясь этим ста граммам. Ведь стыд и позор тебе глядеть на своих товарищей.

Я опять стала в положении. Опять горе на мою голову. Толя еще малой, от мужа никакой помощи, от его матери — тоже. Она стала работать в бане, у нее появился доход. Она есть стала врозь, мне пришлось нанимать няньку. Взяла девочку.

Я опять сделала аборт. Как-то прошло удачно. Однажды мы разговаривали с матерью Степана. Я ей сказала, что устала от этой проклятой жизни. То за детьми, то за хозяйством (а оно в то

время было: корова, телёнок, поросёнок, куры), и за всем успеть нужно. «Да что же, я проклятая?! Что ли!» — «Значит, боишься оторваться, что бегаешь за хвостом!» Эта реплика взбесила меня. Я ей говорю, если бы я желала этого, так стоит мне дать телеграмму, и я уеду к человеку, который не посмотрит на моих детей. Возьмет меня с радостью. Так она вздумала запугивать меня: я, мол, скажу Степану. Я не стала оправдываться, ответила: говори. И ушла.

Я знала, что Степан получит аванс и, пожалуй, пропьёт. Пошла в гараж, встретила его, он подал мне четыре сотни и мы поехали домой. Сошли с машины, вошли в дом, мать стояла возле печи. Степан, как всегда, хотел пошутить, свою кепку одеть на материну голову. Она как швырнет эту кепку и расплакалась: до каких пор твоя Санюшка будет издеваться надо мной? А я не обращая внимания, налила ему борща, подала хлеб и встала около стены. Он разворачивается, хлесь по миске, та взвилась к потолку, еще разворачивается, хлесь меня по голове. У меня в глазах потемнело и вроде я оглохла. Но я не заплакала, а только крикнула: «Степа, ты разберись сначала!» Он еще раз ударил, мать было кинулась, и я со зла крикнула: «Сука ты, а не мать, коли такое зло посеяла. Уйди с глаз моих». А сама вышла в кладовую. Он покурил, давай искать меня и когда нашел, сорвал платье, изорвал в ленточки. Я стою, гляжу, что дальше будет. Сорвал сорочку, тоже порвал и пошел в комнату. А пока он рвал, нянька с Толиком к соседям убежала. Но я не знаю, почему я не ревела, не ругалась, а вошла в комнату, стала искать, что надеть. Горло мое кто-то сдавил так, что я не смогла произнести ни единого звука. А мне надо было уйти. Сделав над собой усилие, я выдавила из своей груди три слова: «Пойдем заваливать завалинку». Он со злом крикнул: «Иди, если надо». Тогда я поняла, что он за мной не погонится. Накинув рваный пиджачишко, старенькую юбчонку, даже без сорочки, я вышла из дому.

На улице я заплакала и со слезами пошла к сестренке, т. к. она уже приехала из Тайги, выйдя замуж за друга Степана. Когда вошла в их дом, она напугалась, подумала, что я получила письмо от мамы и с ней что-нибудь случилось. Она спрашивает, а я реву, потом распахнулась, показала ей, что я без сорочки. Тогда она все поняла. И не жалеть стала, а ругать: «Я тебе тогда еще писала: брось ты его! Уезжай! Так нет, побоялась, тогда был один ребенок, а теперь двое, а жизни у тебя все равно не будет. Он же подлец, знает, что ты после болезни и подымает руки. Я прошла в комнату, взяла лист бумаги и все свое горе описала. Я назвала его издевателем, что он, не разобравшись, кинулся как зверь. Я

сгубила свою жизнь ради твоего благополучия, а ты ничего не понимаешь и кинулся бить. Кого ты бил? Скажи! Заработала ли я эти побои? Ведь ты бил того, у кого одна нога в могиле. Ты испытывал силу на человеке, который отдал тебе свою жизнь. Нет. Я больше не могу так жить. Ты сам пойми, можно ли жить в таких условиях. Ты рвал с меня все, как с какой-то преступницы и даже не спросил себя, за что же я так издеваюсь над ней. Я одно могу сказать тебе. Все что было в моем организме хорошее, здоровое, я отдала для тебя. Теперь уходить куда-либо я не собираюсь. Я стала слаба. Мое решение одно. Пойду на работу, приму на себя поезд и будет конец всем моим мукам. Детей отдашь нашим и ты — вольный. Моей силы на твое перевоспитание не хватило, будь доволен, что довел до такого состояния». Свернула этот лист, положила в карман. Тамара, видя меня более успокоенную, расспросила все по порядку и задала вопрос: а что думаешь делать сейчас. Я ответила, что сейчас пойду домой, т. к. ребенка надо кормить грудью. И я ушла. Нянька мне открыла, мать притворилась спящей. Но я знала, что она не спит. Прошла в комнату и говорю: «Ну теперь берегись, злодейка! Меня два раза ударил, а тебе больше достанется». Письмо свое положила ему в спецовку. Накормив Толяшу, легла к няньке. За ночь я совсем не уснула, думала о том, что ждет моих детей, если я их покину.

Я уже не плакала, но слезы сами текли из глаз. Утром впервые за всю совместную жизнь, я не встала проводить его на работу. Когда он ушел, сварила детям каши, а слезы все льются из моих глаз, которые и без того уже воспалились, распухли, лицо все в пятнах, руки не слушаются. Гляжу, заявляется сам со своим напарником, видно, прочел письмо и подменился, чтобы побыть дома. Он зашел в то время, когда я держала в руках обрывки от платья и сильно плакала. Он подошел ко мне, обнял мои худенькие плечи, которые то и дело судорожно вздрагивали, тихонько проговорил: «Прости меня, Шура! Я виноват, ты не заслужила от меня этого. Успокойся, я никогда не трону тебя пальцем». Он взял из рук моих рваное платье и бросил в печь. В это время вошла мать и раскричалась: «Чего сидишь, не слышишь, что телок кричит?» Тогда Степан не выдержал: «Что она тебе, прислуга? Вчера под кулаки подвела и сегодня этого желаешь? Вон из хаты!» Та хлопнула дверью, ушла. Ушел и напарник.

Степан сам управлялся по хозяйству, а мне пришлось идти за нянькой, много муки придал мне этот Толя. Чуть не каждый день приходилось искать нянек. То самого пьяного боялись, а он пил ежедневно, то бабка отматерит. Нашла няньку и говорю: «Забей, пожалуйста, окно, а то вся рама открывается, как двери». Он

засмеялся: «Что у нас с тобой воровать? Тебя или детей не возьмут, а больше у нас нет ничего». Не прошло и недели, мы закололи свинью, а из ребят кто-то видел, что сало клали в ящик. А мы сало потом спустили в подпол. И когда залезли к нам в квартиру через это окно, то, открыв ящик, они увидели, что там лежит белье. Ну, раз такое дело, сгодится и белье. Документы положили на окно. Я перед этим аванс получила и в детский чулочек завязала, так и этот узелок нашли под окном. А мать себе справила пять платьев новеньких, они тоже лежали в этом ящике. А которое я купила вместо порванного, оно лежало за зеркалом. Я проснулась, вышла в кухню, а окно открыто и ящик пустой, мать спит. Я крикнула: «Мама! Нас обворовали!» Как она соскочила, да вокруг дома бегает, причитает, а на меня такой смех напал, что я уняться не могу. Я вспомнила, что говорил Степан. И вот меня не взяли, а белье даже рваное забрали. Мать на меня с руганью: «Ты, паразитка, подослала воров, чтобы мои платья украли!» Я не связалась с ней и вскоре она убедилась в своей неправоте. Степан увидел на одном парне свою атласную рубаху и чуть не задавил его в ней. Все материны платья нашлись. А белье уже все распродали.

Корову держать стало не под силу, мы её закололи, купили свинью на зиму — тоже закололи. Баню у матери закрыли. Золовушка с мужем разошлась, собралась к отцу в Воронеж. Поехала, все промотала, отец отправил её оттуда. Вернулась опять ко мне, забыла, как мои вещи выкидывала. Ладно, думаю, куда она пойдет. Устроила ее к себе стрелочницей на станцию. Но она такая ленивая, что мне стыдно за неё было. Зиму продержали, на весну сократили. А я все старалась работать. Меня восьмого марта пятидесятого года премировали Почетной грамотой министерства угольной промышленности. Радость за то, что ценят мой труд, еще больше вливала в меня силу. Я делала все, что могла, не ожидая указаний начальника. И могла всех организовать, чтобы выполнить план, вплоть до породоотборщицы.

Седьмого Ноября в честь тридцать восьмой годовщины Великого Октября я снова получила Почетную грамоту. Я с любовью относилась к каждому делу, за которое бралась. Льстить и ехидничать не умела и терпеть не могла, если кто-нибудь стремился льстить мне. Если провинился стрелочник, я выговаривала в глаза, притом один на один. Стоило кому-либо коснуться моего подчиненного, я старалась его оправдать. За это меня любили весовщики, стрелочники и приемщики. В пятьдесят первом году наш поселок перешел в городское подчинение. Со всех потребовали паспорта, выдали домовые книги. Требовалось

прописаться, а у меня паспорт все еще был на Дмитриеву. Чтобы обменить паспорт, потребовались метрики. Предстояла поездка в деревню. Я попросилась у начальника и отбила маме телеграмму, чтобы встретили в Тайге, а я должна проехать в Итат, но со мной был Толик, которого я не поленилась взять, чтобы он маленько позабавил маму. Меня встретили. Толика взяли, а я поехала дальше. Когда подъезжала к Итату, мне стал вспоминаться Бруев. Хотелось встретить и хоть немного поговорить. Но я не знала, был он в деревне или совсем не было его там. Выйдя из вагона, я спешила найти сродную сестренку, которую я не видела больше десяти лет. Прошла элеватор, у дома стоит лошадь. Вот, думаю, мне, наверное, повезло, я доеду до деревни. И действительно: девушка ехала с маслозавода в деревню и попутно заехала к моей сестре. Я только зашла, поздоровалась — и всё. Сестренка просила остаться, но в деревне больше было родни, а поэтому я ей пообещала зайти на обратном пути. Вою дорогу я расспрашивала девушку про новости в деревне. Здесь многое изменилось. Дома поредели, молодежи не слышно. Войдя в дом крестной, я поздоровалась. Бабушка лежала в комнате, она сразу встала со словами: «Ох! Ведь это Марина!»

Но крестная узнала и отвечает ей, что маленько помоложе Марины. Тут пошли объятия, слезы, мол, я забыла их и знаться не хочу. Вы же, говорю, сами знаете, сошлись мы в войну, ничего у нас не было, да еще и обворовали. Рассказала я им, что заставило меня к ним приехать. Утром ушла в Итат за метриками. Их там не оказалось и дали справку, чтобы пройти врачебную комиссию для определения моих лет. На ночлег я вернулась в деревню, мне хотелось встретить того, о ком многое передумано. И вот я увидела его. Он идет из конторы, а за ним лет трех сынишка, в одной рубашонке, а уже вечерело. В воздухе комары кишмя кишат. Я окликнула его. Он тоже был взволнован, что старался скрыть, но ему не удалось. Подойдя ко мне, подал руку: «Каким же ветром занесло вас?» И вот это слово «Вас» кольнуло меня в сердце, представилась прошлая картина. Я старалась подавить свое волнение, а сама смотрела прямо ему в глаза, которые жгли меня когда-то, но в это время и победила его. Я держала себя просто, обращалась к нему на «ты». Я сравнивала его со Степаном, Степан во многом красивей его, а может это было потому, что я уже привыкла к Степану. Мы простояли не более десяти минут. Вдруг едет на велосипеде паренек, который в детстве наши записочки передавал, и кричит на всю улицу: «Друзья встречаются вновь? С приездом!» И проехал. Я успела улыбнуться и сказать: «Спасибо». Тут сынишка захныкал, я посоветовала им пойти. Я не узнала о его жизни, так же и он о

моей.

На второй день я с дальней родственницей и двоюродным братом отправились на станцию. Доходим до сельсовета, смотрю, стоит Бруев. Я поглядела на него с укором и со смехом произнесла: «Все же, товарищ председатель, вам замечание: в десять лет явилась вас попроведовать и то пешком пришлось пойти, а еще друг детства». Он глядел на меня, не понимая, почему я шучу и куда мы идём. Потом, видно, понял. «Разве вы уезжаете?» — «Да, говорю, как видите». — «Так почему не сказали вчера о своем отъезде?»

«Я считаю это лишним, чтобы собой людям давать заботу». Подаю ему руку, до свидания! Он крепко пожал и, не выпуская мою руку, говорит, не скрывая волнения: «Надеюсь, мы еще встретимся». Я смотрю прямо открытой душой и решительно отрицаю: «Нет, Саша, больше мы не встретимся». Мы пошли, а он долго стоял на дороге, провожая нас глазами. Сознаюсь, что растревожил он мои раны, которые так плохо поддавались излечению. Но во сне я его никогда не видала, хоть иногда и желала видеть. Заехала к маме, взяла Толяшу и домой. На душе моей было тревожно. А вдруг что со Степаном случилось. Все время передо мной была одна забота: как бы он не напился! Как бы он не задавил кого! Да и сам погибнуть может в пьянке. Все может быть.

Вскоре после моего приезда подошла машина, гляжу, волокут пьяного Степана. А мы с матерью баню вытопили. Сжалось мое сердце от такой картины. Положили его на пол и подались кто куда. Я, как всегда, положила ему под голову, а сама все смотрю: что-то он дышит ненормально. Я маме об этом сказала, та как всегда заругалась: «Ни черта ему не доспеется!» Но я упросила: «Ты подойди сюда, погляди, тогда ругаться будешь». Она подошла, поглядела. «Да ведь он горит с вина! Надо поить молоком парным!» На нашей улице ни одна корова не доилась. Тогда она побежала на конный двор за конским калом, чтобы отжать и напоить Степана. Пока она бегала, пришла старуха в баню, мы заставили детей помочиться в стакан. Голову подняли, зубы разжать не можем. Позвали соседа, тот разжал зубы, льем, оно выливается, а дети ревут: «Скажем папке, что мочой поите!» Наконец, прошло внутрь. Стал дышать чаще, потом кашлянул, тогда только полились из глаз моих слезы. Я часто спрашивала себя, за что же я так наказана в своей жизни? Нет, чтобы сделать ему по-человечески. Субботний день, получил деньги, возьми домой поллитру. Помойся, выпей и закуси. Не хочешь с нами — пригласи любого друга, соседа, но будь дома. Такая проповедь бывала ему после каждой его пьянки, когда совсем проспится. Но

он отмалчивался: наклонит голову вниз и ни слова. Читаю мораль, читаю, иногда разревусь, тогда скажет: «Хватит, перестань». На этом и кончается наш разговор, и я опять стараюсь, что повкуснее сготовить ему с собой и дома так же, а он не понимает, что много пропил. Так и шли наши деньги на питание и пропой. Как-то выгадали, купили койку с пружиной. Потом пальто ему, валенки, шапку, малость приодели его. Идем как-то в выходной вместе, мне надо было в ночь на работу, а время еще восьмой. Он спрашивает: «А ты куда пойдешь?» Я говорю: «Как куда, в картину, а из клуба на работу». Тогда он повел сверху вниз глазами и говорит: «Мне стыдно с тобой идти». Я на это постаралась ответить как можно спокойней: «Я пойду к сестре и посижу до смены», а обида глубоко вошла в сердце. Так как я тоже работала и не пропивала свои деньги, а если его одели во все новое и по размеру, так ему стыдно со мной идти. Конечно, любую женщину одень в большую поношенную фуфайку и в мужские старые валенки, так она будет выглядеть плохо. Тем более я была очень бледна, т. к. кровь не успевала у меня прибывать, а плечи из круглых превратились в два колышка.

Всю смену я переживала и к утру решила: в первую же получку куплю себе пальто, хоть какое, пусть будет новое и по моему размеру. Так и сделала, купила пальто за четыреста пятнадцать и по своей ноге валенки и уже не боялась, что ему будет стыдно ходить со мной.

Весной стали получать премии и довольно часто.

Идем как-то раз вместе, нам дорогу перешла девушка. Он поглядел и говорит: «Какие красивые ноги». Девушка шла в модельных туфлях на высоком каблуке, сделанных лодочкой, и под цвет кожи нежный капрон. Я раньше его оглядела эти ноги, но на его слова только улыбнулась. Зная, что я получу шестьсот рублей премии, тогда будет ему ответ. Не прошло и недели, как появились на мне точно такие же туфли и чулки капрон. Я с нетерпением ждала его с работы. Его привез зять и оба вошли в комнату. Я соскочила, стала наливать воды в умывальник. Тут он расхохотался. «Видишь, Василий? — а сам показывает на ноги. — Красивые ножки?» И, вспомнив то, что говорил мне, сейчас со смехом рассказывал Василию. «Задел, — говорит, — за ретивое. — Хоть маленько оденется». А сам того не поймет, что если были бы средства, то всякий человек пожелал бы нарядно ходить.

Я стала задумываться, как отвлечь Степана от разных попоек. Вот, муженек, — заявляю ему, — ты случайные выпивки брось. А пятнадцатого февраля тебе будет двадцать семь лет, давай подготовим и отметим твой день рождения чин чином. Созовем

всех твоих друзей и повеселимся. Так и порешили.

Компания собралась очень веселая, что действительно порадовало моего Степана. Потом и нас стали приглашать и уже не Степкой стали называть, как его звали от мала до стара, а Степаном. Но и это не отучило его от частых выпивок. Мне надоело все. Я не знала, что делать. Мать его тоже стала пьянствовать по вечерам. Я набралась терпения и молчала. Как-то он сам заметил, что она подавала подружке, и поднял шум.

Так и то я виновата оказалась, хотя меня в этот день и дома не было. «Это она, — говорит мне, — подзюкала его, чтобы он следил». Дня через два после их ссоры, я дежурила в день, Степан должен был дежурить сутки, а в виду поломки трактора он вернулся, дождал меня и мы пошли. Пришли домой, но не можем достучаться. Оказалось, мать, зная что Степан не придет, а меня она мало понимала, ушла и гуляет. Мы долго стучали. Наконец, проснулся Володя. А на утро Степан поднял такую бучу, что хоть уши затыкай. И в это время пришла женщина, тоже с обидой. «Если ты сын, так укроти свою мать, а то все равно ей голову отвернем». И это уже не первая женщина. Он вовсе из себя вышел: «Вот что, мать, если хочешь жить, то ты ходить дольше восьми часов вечера никуда не будешь». Тут она насулила ему в хвост и в гриву. Тогда он говорит: «Иди на все четыре, чтобы люди знали, что ты у меня не живешь и предупреждать меня не будут, а если дадут выволочку, на меня не надейся, я за такие проделки за тебя заступаться не буду». Мать ушла. Остались мы одни, но мне от этого не полегчало. То хоть мать помогала, а то вовсе одна. Надо постирать, помыть, сварить, накормить. И если в день, так и на день приготовить. И все бы это я делала с радостью, если бы сам хоть маленько остепенился. Не работа меня сбивала с ног, а беспокойная, безрадостная жизнь. Дети понимали, что мне тяжело, они старались порадовать меня.

Иногда моют полы, полют в огороде, но эта радость не может скинуть с меня тяжесть, под которой я начала сутулиться. Хоть бы, напившись, улегся спокойно, а то приходит и начинает: то его разуй, то раздень. Возьмешься, кричит: не тронь. Я его уговариваю, а у самой сжимает все в груди. Думаю, была бы во мне сила, я бы тебе наклала, сколько бы влезло, за все твои представления.

Мало того, что на нервы действует, так еще и в хате не вздохнешь. Все брюки и портянки хоть выжми. И на постель ляжет, так же поплывет. Стану говорить, опять же по-хорошему: «Пойми ты меня, так жить невозможно. Если тебе хочется до безумия напиваться и ты имеешь в этом удовольствие, так нам нет никакого удовольствия дышать воздухом, который насыщен

ароматом твоей мочи. Ты приходишь грязный, не умываешься, лезешь на постель, где же она будет чистая? При всем своем желании я не смогу держать постель в надлежащем порядке, потому что ты почти ежедневно пьян. А поэтому и мне приходится спать с тобой в этом грязном вонючем логове». Нет, ничего не доходило до его сознания. Я чувствовала, по своему организму, что меня вся эта безотрадная жизнь доводит до безумия. Я начинала писать, чтобы отвлечься, и у меня появились стихи. «Я знаю то, что ты любимый, что с малых лет живешь любя. И ты живешь не замечаешь, что я терзаю себя зря. Морщинки уж лицо покрыли, но сердцу это ни к чему. Года ушли и все прожито. Положить бы конец всему. Вот почему-то ты в груди, мне от тебя уж не уйти. Но все же лучшее прожито. Все детство, юность и мечты. О! Боже мой! Как бьется сердце, ему уж тесно во груди. И чем себя мне успокоить, чтоб отдохнуть в своем пути? Зачем я вспоминаю юность? Напрасны воспоминанья те, прошли года, их не воротишь. Возможно лишь вернуть во сне. Во сне нам можно стать младыми. Любить, любимого встречать, а наяву уж постарели, о прошлом можно помечтать. Один лишь ты виновен в этом, что я блажна, хожу, что тень и с сердцем справиться не в силах, слабею больше каждый день. Чем залечить мне свое сердце? В нем рана очень глубока. Как трудно без любви на свете, так жить придется до конца».

Я дома стараюсь приготовить обед повкуснее. Сделаю полностью уборку в квартире и привожу себя в порядок. Все это делается с желанием порадовать мужа. И чтобы он понял, как его ждут дома. Но он заявляется полумертвый. Вот и падают мои руки, а в душе полное разочарование. Опять же преодолеваю все невзгоды и убеждаю себя, что крылья опускать не нужно. Надо, как это ни трудно, смотреть на все с холодком, может, так скорее поймет. Не стала я бегать за трактором и за ним в то время, когда он получает деньги. Мне все это надоело.

Я узнала, что он вновь напился и на тракторе влез в овраг. Мимо ехал его начальник и увидел его брошенный трактор. Вскоре сняли его с трактора и сказали, что выгонят по Указу. Меня это встревожило. Я просила Русакова, чтобы заменили такое наказание другим, но он не согласился. Тогда я написала заявление, от имени Степана на конфликтную комиссию. Их решение отправила в райком союза угольщиков, решения райкома в нарсуд. Нарсуд обязал Русакова принять на свое место Степана и уплатить за то, что он не работал на тракторе. Так как трактор Русаков видел, а Степана не видел. Вот и пришлось ему покориться, взять Степана на работу, но меж ними завязалось зло. Однажды в сумерки заходит мать. «Иди, — говорит, — он у

Чепиковых пьет». Но я спокойно ответила: «Если у него есть семья и он дорожит ею, то он сам придет». Мать в недоумении поглядела: «Так ведь он с деньгами!» Я знаю, и он знает, что делает, я за ним не пойду. И не пошла.

Он пришел в третьем часу, подал мне уцелевшие деньги. Снял с себя мокрые брюки. Я молча подала чистое сухое белье. Он уснул. Утром, как всегда, завтрак готов, и во время завтрака я спросила: «Сколько получил?» Он ответил: «Девятьсот пятьдесят». И на этом весь разговор. Конечно, я ему не поверила и решила проверить его в расчетном столе. Я работала в день и во время дежурства позвонила, но особа в расчетном столе, видно, была не в духа. Она крикнула мне, что всем женам ей отвечать нет времени. Тогда я еще тише спросила: «Вы давно работаете?». Она отвечает: «Да». «Так ведь сколько существует разрез, я позвонила вам в первый и, возможно, последний раз. Я такая же женщина и работаю так же, как вы. Я побеспокоила вас потому, что хочу узнать совесть своего мужа». Она выслушала меня и уже по-хорошему ответила, что Чистяков получил тысячу сто пятьдесят. Я поблагодарила и положила трубку.

Ничего ему не сказала, оставила до удобного момента. Подходил наш праздник, восьмое марта. Внимательные мужья готовили подарки для жен. Но моему и в голову не приходило что-нибудь подарить мне. Меня наградила моя честная, безупречная работа. Мое управление представило меня к министерской награде, что я и получила. Это был значок «Отличница Социалистического соревнования угольной промышленности».

В этом году уже отгружала свой уголь Кедровка. Развитие путей маленькое, на одном пути две погрузочных точки. Чтобы дать возможность грузить, нужно было стоять и махать руками, как сумасшедший. Бутовку пустишь по первому пути, а Кедровы по второму, а контрольного нет. Вот и мечешь икру. Бутовке кричишь: «Тяни. Я — Кедровка». «Подожди». А в станции селектор звонками разбивают, начинает диспетчер спрашивать: «Сколько тракторов?

Какое обеспечение? Как настроены к погрузке?» Через несколько минут звонит старший диспетчер, потом начальник грузовой службы, ответственный дежурный, начальник движения, инженер и сам начальник управления. А у нас не только работы, им всем отчитываться. Нужно выписать накладные, списать номера и проверить порожняк, взять адреса у углесбыта, взвешать вагоны, завизировать накладные в ОТК. И все это должен делать один дежурный, так как у нас не весь штат укомплектован. Я стала сдавать. Я говорю начальнику станции: у меня не хватает

сил справиться с работой. Почему не набирает дополнительных людей? Он отвечает: «Подавай заявление, рассчитывайся». Меня это обидело. И как же вы можете так говорить, неужели вы думаете, что только мне не под силу? Нет! Я вам не поверю, что нельзя найти правды. Я уверена, что наш оклад должен повыситься, ведь 550 рублей платили тогда, когда погрузка была в сутки 500–700 тонн. Написала я письмо в редакцию «Кузбасса», где описала все подробно. Не знаю, я не видела, был у нас корреспондент или не был. Но я быстро получила ответ, там было написано: техничка и весов-щик будут у вас не позднее как через полмесяца. Стрелочники будут в каждую смену, оклад повысят. Радостью моей были обрадованы все дежурные. А то уже дошло до того, что даже после смены не хотелось ни есть, ни спать. Ходишь, как дурной, в ушах звонят телефоны, голова шумит от непосильного напряжения. Мало этого, дома добавишь: придешь, а он пьяный, начинает придираться, что есть ему не приготовила. Подавляя свой гнев, я отвечаю, что сейчас все будет готово. Быстренько поджариваю картошку, созвала детей, сели за стол. Он же подходит и выхватывает ложку, несмотря на то, что ложек хватало на столе без этой. Обидно и даже очень, но чтобы дети могли поесть нормально, я вылезала из-за стола. Но сколько же надо силы воли, чтобы выдержать такое. Его поступок такой подлый, что нет слов объяснить. Он прекрасно знал, что я уже и без этого еле держусь на ногах. Когда он протрезвился, я предъявила требование: или пей водку и уходи от меня, или живи со мной, но брось пить водку. Я сказала, что он низок в своих поступках. «Ты же, — говорю, — мужчина, на вид очень сильный, смелый, а душонка в тебе хуже слабой женщины. Смотри, что ты делаешь: работаешь, зарабатываешь, а правду сказать не смеешь. Потому что поступок твой низок. Ты скрываешь деньги не от меня, а от самого себя, от своих детей, т. к. у нас с тобой в семье окромя детей, нет никого. А ты если умеешь честно заработать деньги, так сумей и привести деньги в дело, ведь не так уж легко они тебе достаются, чтобы поить всех, кто бы ни попал па пути. Почему я не скрываю ни одной копейки от тебя? А мне вполне можно скрывать, т. к. у нас дают и премии, и за маршруты. Но я этого не делала и делать не собираюсь. Я знаю, что тебя обманывать — значит, себя обманывать. А ты думаешь только о себе, ты знаешь, что поесть тебе всегда будет. Ты никогда не думал о том, что тот, кто идет с тобой одним жизненным путем, у того не под силу ноша. Ведь можно же понять, как тяжело твоему другу, который предан тебе до последней капли крови. А ты не хочешь взглянуть, ты живешь слепо, тебе хорошо и ладно. Нет, Степан, поймешь ты меня, но будет поздно».

Больше говорить мне было нечего. На этом и кончилась наша ссора, если ее можно назвать ссорою.

Немного остепенился, как переродилась наша семья. Идем в кино или читаем книги. Но это счастье быстро улетучилось, т. к. он снова запил и уже ежедневно. Спрашиваю: «На что ты пьешь?» — «А твое какое дело? Люди поят». Однако меня провести трудно, да и люди подсказывали, что он какими-то путями с шоферами заодно продает уголь. На эти деньги пьют. Я серьезно предупредила его: «Смотри, если ты сядешь, я тебе горелой корки не понесу. Отчего ты занялся такими подлыми делами, что у тебя есть нечего или раздетый ходишь? Да ты подумай о семье, если уж себя не жалеешь. У тебя два сына, которые берут пример с тебя». Он отвечал: «Не твое дело. Я ничего такого но делаю, можешь не шипеть».

Сбылись мои предчувствия. Смотрю, приносят повестку в нарсуд. «Что, заработал?» — спрашиваю его. Он молчит, а Володя говорит: «Папка, а помнишь, как мама плакала, просила, чтобы ты не ездил на машине?» Он, что зверь, глянул на Володю и матерком, как на взрослого: что, мол, обрадовался? Опять же я вступилась: «Чего же ты ребенка лаешь, зверюга ты, не человек, он правду тебе говорит, мало ли тебе говорено было, но ты напиться хотел досыта. Теперь я вижу, что ты напился и семью напоил». Как мы переживали! И каждый в одиночку. Я ругала себя, что не предупредила хотя бы местный комитет, чтобы они его образумили. Он переживал, зная, что делал несправедливо, его мучила совесть, но он молчал. Дети, видя наше натянутое настроение, тоже молчали. Даже разговаривали вполголоса, как вроде боялись кого разбудить. Дожили до решающего дня. Надо ехать на суд. Смотрю, одевается мой Степан в рабочую спецуру. Сразу подумала, что он готовится остаться там. Мне очень тяжело было, но я убеждала себя, что надо крепиться, он же был предупрежден и делал все умышленно. По приезду в нарсуд я взяла защитника. Когда начался суд, тогда мне пришло в голову, что сейчас осудят и поведут, а он дома ничего не ел и с собой нет ничего. Судьи ушли на совещание, а я не знаю, что делать: или бежать в магазин, иди ждать решения. Ох, как страшен этот суд! Вот, думаю, он со мной, а через какие-то полчаса он будет под стражей и только потому, что хотел быть пьяным. Выходят судьи, читают приговор. Долго читал, и я ничего не могла понять, потом зачитал: «Год двадцать пять процентов в пользу производства». Сразу легче дышать стало. И почувствовала, что в желудке пусто, вроде есть захотелось. На суд шли наверное с час, а оттуда за двадцать минут добежали до автобусной остановки. В этот год Степана часто стали отправлять в командировку за запчастями.

Однажды его отправили, а у меня приступ аппендицита, кое-как доплелась я до стационара. Там сделали мне операцию. Прошло три дня, а ко мне никто не идет. Дома яйца, сало, молоко берут у соседей. Но про меня, видно, забыли. Написала я запись со знакомой. Прошу Володю: «Милый сынок, сходи к Тасе, возьми молока, положи в банку полулитровую яиц сырых и попроси дядю Ганю, чтобы он тебя привез ко мне». Яша сало и молоко покупал у соседей. Он так и сделал. Только вместо поллитровой положил яйца в литровую банку и когда ехал на мотоцикле, все поколотил. Трудно было перебороть мне свое волнение, когда я увидела Володю с соседом. Как не боролась, а все же расплакалась. Потом переборола свои слезы. «Что же вы, обрадовались, что меня дома нет? Даже молока не можете принести». Вижу, что у него губешки дрожат, и он тоже старается перебороть слезы. Я перестала обращаться к нему, чтобы он успокоился. Стала разглядывать, что привез. «Ох, сын, мой сын! В банке у тебя не яйца, а яичница. Ты уж попроси бабку, пусть она сжарит на молоке и привезет, а мне на сегодня хватит молока. Где же отец? Пьет, наверное?» Володя отрицательно покачал головой и тихо сказал, что он в командировке. Тогда я совсем успокоилась. Какой спрос с детей! Я поблагодарила соседа, поцеловала Володю и они поехали. Мне даже легче стало, я почувствовала свое выздоровление. На второй день приехала мать. Она привезла яичницу, сахару и еще кое-что, но мне даже не хотелось брать, потому что это принесено все было насильно, почти по приказу. А тут остались считанные дни до выписки.

Когда меня выписали, врач строго предупредил не отпускать меня одну. Но разве хватит мне терпения ждать неизвестно кого и откуда. Я уговорила старшую сестру, что пойду очень тихо, а живот затяну большим платком. После обеда сестра согласилась. Помогла подвязать живот и проводила. У дома меня встретили дети. В доме грязно. Печь сковырена. Даже живым не пахнет. Только в этот день вспомнила обо мне сестра. Принесла молока и печенья. Дома Володя рассказал всю правду. «Когда, — говорит, — вы ушли, папка в этот день не уехал. Он пил три дня подряд, а потом уехал в командировку». Обидно было слушать, но это была правда. Совместно с детьми навели в доме порядок. Сготовили ужин, а, поужинав, легли спать. На утро приходит мать: «Давай купим на двоих». Я говорю: «Денег нет и мне поддержаться надо». «Ну, говорит, — займи». Я заняла четыре сотни. Она доплатила тысячу сто.

Сена накосили только три воза. Пришлось покупать, один воз купили у зятя, отдали пятьсот рублей; второй воз — у соседей, еще пятьсот рублей. К весне еще полвоза пришлось покупать, за

двести пятьдесят. И все покупаем мы со Степаном. Отелилась корова в марте, дело пошло веселее. Молочко, варенец и кашу сваришь в молоке и в борщ сметанки подложишь.

Дети в пионерлагерь пожелали, нас осталось трое. Мать когда брала домой молоко, а когда и у нас ела, но всем хватало. Подошел сенокос, я пошла к матери: «Ты, — говорю, — мама, найди людей скосить сено, а сколько будет стоить, я уплачу хоть сейчас». Она ответила, что все сделает.

Я через недельку опять пошла к ней, но она крикнула мне со злом: «Что ты пристала? Выкошу без вас». Ну, я думала, выкосит, а потом подскажет. Вскоре слышу, что мать корову продавать собирается. Опять согласилась; что ж, продаст, деньги разделим и ладно. Приходим домой в конце августа, нашей коровы нет. «Где корова?» — спрашивает у детей, а они отвечают: «Ее баба продала». Степан зашумел, признаться, и мне эта новость не понравилась, но я сумела успокоить себя и его: «Вот, — говорю, — она получит деньги и отдаст». Она получила деньги и положила на книжку. Крепко психанул Степан, собирался разгромить материну хату, но я опять уговорила: «Степа, не шуми, не расстраивай сам себя, пусть она их берет и пусть живет как хочет. Я ее с сегодняшнего дня не считаю, что она нам мать. Если бы ей нужны были деньги, мы бы отдали ее долю. А если б ухаживала за коровой, мы платили бы ежемесячно. Она самая сытая была бы и мы с молоком».

Мы стали как чужие. Но подошла зима, а я знаю, что у матери топиться нечем. И во мне все жалость ноет. Стала я просить, чтобы Степан выписал и привез. Хоть и поругал он меня, а все же привез.

И опять потекла наша жизнь. Подошла весна, посадили огород, все как надо. Второго июня справила свои именины: мне исполнилось тридцать пять лет. Гостей было немного, но все веселые. Пошутили, повеселились и разошлись. Восьмого июня утром рано я побежала садить огурцы. И так быстро таскала землю, подсыпала перегной, что сердце радовалось этой работой.

Оставалось пять лунок. Только я подняла последний мешок с перегноем и сразу села. Соседка огурцы досадила, но меня как сковало. И план моей работы остался не выполненным.

Я пошла в больницу, мне дали больничный, назначили на кварц. Но кварц мне не помог. А тут сам как сбесился: пьет и пьет, а я все больше расстраиваюсь, может, поэтому и состояние мое ухудшилось. Я уже не могла ходить. Тогда меня назначили на блокаду. Как машинкой прошили мою поясницу. Когда я поднялась, меня сестра предупредила: посидите с часок на диване, может кружиться голова.

Но я не послушала. Выйдя из процедурной, я почувствовала только тупую боль. Подумала: пока посижу, новокаин отойдет, больнее будет, лучше надо поскорее домой добираться. Я спустилась вниз, но только вышла за поликлинику, в глазах стало темнеть, ноги не слушаются. Я хочу вперед, а у меня получается куда-то в сторону. Доплелась кое-как до забора, поймалась руками и думаю, вот посмотрят на меня со стороны, скажут: пьяная. Постояла минут двадцать, вроде, в глазах посветлее стало. Я тихонько пошла до станции «Северный». Стоит начальник станции Беляев и начальник ПТУ Полетаев. Беляев поздоровался, а Полетаев даже не повернулся. Я почувствовала обиду, что так отнесся Полетаев. Мне стало понятно, что человек нужен когда он работает. «Пока я работала, я была нужна, все, а теперь даже не замечают. Нет, я не сдамся. Я еще поработаю и не один год».

Эти мысли придали мне силы, и я похромала домой. Мой Степан уже пришел с работы и, на удивление, не пьяный. Я решила высказать ему всю обиду. «Что же, — говорю, — ты думаешь? Или и ты рад, что я свалилась? Где же твое человечество? За что я страдаю, скажи мне? Ведь все твои проделки легли на нервную систему. А аборты здоровье придают, по-твоему?! Кто виновен во всем этом? А теперь, когда я выбилась из сил, ты можешь не обращать внимания. Хватает у тебя совести быть спокойным, а может, совсем бросить думаешь, что ж ты молчишь? Когда ты заболел, так я через десять минут машину подогнала и увезла тебя, а ты…»

Больше я говорить не могла. Заломило мне ногу, и я легла. Не знаю, что он готовил, мне есть не хотелось, а детей, я знала, бабка накормит. Смотрю, мать сварила яиц и молока принесла мне завтракать. Так я мучилась до двадцать первого июня, а потом настояла, чтобы меня положили в больницу.

Положили меня в коридоре. На второй день я совсем не смогла подняться. Сестры на руках перенесли в третью палату. Не прошло и двух часов, идут сестры: «Мы тебя, больная, перенесем в шестую палату». Я удивилась: «Зачем в шестую?» «Сюда привезут больную». «Вы пошлите мне главврача, который дал вам такое указание». Заходит та самая Дербенева, которая вырезала мне аппендицит: «Что за капризы?» Я очень спокойно спрашиваю, с чем лежат в шестой палате? Она отвечает: «С болезнями сердца и разными внутренними заболеваниями». Я еще спросила, кто там лечащий врач. Она отвечает: «Я». «Так, говорю, — у вас мне делать нечего. Сердце мое больное вы не вылечите, а меня сейчас свалил радикулит, его лечит нервопатолог, вот меня и положили к нему». Она опять свое: «Сюда привезут больную!» Тогда лопнуло

мое терпение: «А я кто?! Если перенесли меня с койки на койку, так значит — вылечили? Я кашлянуть не могу, даже вздохнуть глубоко мне страшно, а вы хотите меня в шестую. Разве не долечили, когда резали. Теперь хотите долечить?» Она крикнула: «Вас Сташкун лечить не будет!» — «Посмотрим. Если она откажется лечиться здесь, тогда я потребую, чтобы увезли в областную. Я легла, чтобы меня лечили, а зря я лежать не собираюсь».

Тогда она вышла, хлопнув дверью, но я все же осталась в этой палате. Сестры переглянулись и тоже вышли.

В этот день никто не осматривал меня, а на завтра — воскресенье. В понедельник отозвали врача на военную комиссию. И только на пятый день пришла врач, заполнила карточку. Назначила лечение и вливание новокаина в вену, после вливания я делалась как пьяная, а боль ощущалась тупее. Я стала ходить, но меня так изуродовало, что если кто не знал меня до болезни, то мог бы сказать: эта особа рождена уродом. Правая нога стала короче, бедро высунулось в сторону. Я старалась выпрямиться, но это мне не удалось. Давали мне анальгин в таблетках три раза в день. Грели кварцем так, что кожа волдырями поднялась. Состояние мое не улучшилось. Дали пластинки — не помогают. Стали ежедневно массажировать и греть парафином — и это не помогло. Врач стала сомневаться в моей болезни. Несколько раз я слушала ее недоуменные слова: «Кровь в норме, температуры нет, вывиха нет, а ходить не может». Однажды привела главврача и ей объяснила так же: «Все в норме, а ходить не может». Тогда я сказала: «Если не сомневаетесь в моей болезни, поставьте себя на мое место. Удастся ли вам так перекосить себя? Вы думаете, хочется лежать, есть вашу кашу в то время, когда дома одни дети. Не знаю, что вы думаете, но мне тридцать пять лет, я пришла к вам второй раз. Первый раз мне вырезали аппендицит, а сейчас я сделалась уродом. Я все принимаю, что назначаете, и с нетерпением жду, что вы поможете мне подняться, а вы начинаете думать другое». Тогда они решили дать мне курортную карту, чтобы я ехала на курорт. Пообещали дать двадцать третьего августа. Я стала ждать терпеливо заветное число.

Когда я пришла за путевкой, мне сказали, что путевки нет. Я расплакалась. «Вы, — говорю, — не имеете никакого человечества. Если у вас нет путевки, почему вы не позвонили в стационар, чтобы я не терзалась напрасно. Ведь я наняла машину, т. к. ходить совсем не могу, вы сами видите, что со мной сделалось. А в моем удостоверении ясно сказано: обеспечивается в первую очередь курортом, если на это есть врачебное заключение, а я лежу три месяца и получаю с государства не заработанные деньги, вас это не беспокоит, вам дана карта, в которой написано, что может помочь только курорт». Я реву, выговариваю свою обиду, но председатель местного комитета отвернулся.

Тогда я вышла, все объяснила шоферу, он мне посоветовал ехать в райком союза угольщиков. Там председателя не оказалось. Мы поехали в обком. В обкоме все рассказала, он позвонил в райком. Райком отвечает: «Больная Чистякова отказалась от путевки, в виду обострения болезни». Председатель

обкома спрашивает: «Вы отказывались от путевки?» Я отвечаю: «Нет». Он им приказал выяснить и доложить. А мне сказал: «Езжайте в стационар и не тревожьтесь, пока не будет на руках путевки».

По возвращению я детям купила форменные костюмы, белого штапеля на футболки. Оставались считанные дни до занятий. Мать предъявила счет, что она израсходовала: четыре сотни.

За молоко я отдала две сотни, Степану дала сто рублей: «До твоей получки, — говорю, — хватит вам». А он в этот день их пропил и на работу не пошел. Толика напоил. Тот с пьяных глаз купаться залез и трусы потерял. Одно недоразумение, а не отец! Знает, что я никуда не годна, сам платит двадцать пять процентов и он все еще пьет. Ох, горе мое, горе! Хоть я вдали от него, а все знаю, что он проделывает. Иногда приходила такая мысль: лишь бы мне встать, а потом надо хорошо подумать, жить нам или разойтись? Он мне не друг, у него нет ко мне никакого чувства жалости. Если бы он хоть малость жалел меня, он бы понял, что вредны для меня вести о пьянке. Вот уже десять дней, а их нет никого. Пришла в стационар моя кума к своему мужу и увидела, что я заплаканная, пожурила моих детей. Темнеть начало, а их принесло с передачей. Я не рада была этой передаче, сразу же отправила обратно. Володя приезжал с соседским сыном, но тот не очень взрослый. Расстроилась я из-за них, думаю: шибанет кто-нибудь и велосипеды отберет. Чтобы хоть маленько себя успокоить, я стала писать. «Я знаю, тебе надоела, но ты не подумал о том, что можешь со мной разлучиться, остаться совсем не причем? То ездил два раза в неделю, теперь в полторы не пришел.

Понятно мне все, что случилось, ты лучше свиданья нашел. Не надо твою передачу, спокою себе я ищу. Ты знал, что тебя дожидала, теперь по Володе грущу. Поехал так поздно, в потемках, а вдруг кто его повстречает, а ты даже ухом не водишь и сердце твое не страдает. Я только в одном молю бога: лишь малость одуматься вновь. Тогда уж почувствуешь, верно, что значит вся жизнь и любовь».

Подходит большой праздник: пятьдесят лет руднику. С каждой шахты местный комитет узнает, сколько лежит больных с их организации. Сестры ходят, спрашивают и записывают. Только наши молчали, и мне обидно показалось, что я как осевок в поле, или чужестранка.

Обида на сердце тяжела, и я снова пишу: «Заходит сестрица в палату, чтоб лично больных опросить: „Кто с „Бутовки“, кто из „Кедровки“, кто с „Северной“ шахты лежит?“ Спросила и всех записала ответ предприятиям дать, а те им подарки повышлют и

будут больных поздравлять. А мне лишь одно не понятно: почему же и праздник не всем. Или наш администратор не в курсе, иль забыл меня насовсем. Может, это совсем не те люди, может, я не достойна была, поощренная вашим вниманьем, а я этого не поняла. И обида все сердце сдавила, что так быстро пришлось увидать, что тобой не нуждаются больше, безотрадно ты можешь страдать. Хоть и долго я честно трудилась, но меня уж смогли позабыть. Соберу свои силы последние, чтобы снова здоровою быть».

Уже три месяца как я тут лежу. Наверное, пошлют на ВТЭК. Этого я бы не хотела. Я слышала: после трех месяцев посылают на ВТЭК. А потом вовсе не будет никакого внимания. Так я и буду костылять до самой гробовой. Нет, я не сдамся! Чтобы скорее прошел день, я снова стала писать:

«Сегодня девяносто дней как я вышла из строя. Хоть получаю бюллетень, но в этом нет покоя. Вся искошена в позвонке и ногу мою тянет, теперь уж все перебрала, а счастье не заглянет. Я все надеялась, ждала, что будет улучшенье, хоть было трудно иногда, на все нужно терпенье. Лечили кварцем, лучше нет, назначили к пластинам, и это все не помогло: вот греют парафином. Уж применили и массаж. Была три раза блокада, и анальгин, бесчетно штук — подумать только надо? Теперь терпенья больше нет, душевно переживаю, на что надеяться вперед, ничто не понимаю. Своим звонила, говорят, путевку ты получишь. Но где, когда, никто не знает, а ты себя все мучишь.

Хоть малость было б легче мне, хотя бы ходить умела, а то ведь тянет без конца, я все предусмотрела: что, видно, инвалидкой стать мне суждено навеки. Была б хотя бы я одна, а то страдают дети. Ох, как мне тяжко говорить, что никуда негодна, ведь лишь девяноста дней назад, я всем была довольна, кругом одна и все бегом, не видела покоя, а вот три месяца лежу и нету разговора. Теперь пошлют меня на ВТЭК, чтоб группу получила и врач не в силах мне вернуть, все то, что упустила. Теперь лишь вспомнила слова своей родимой мамы: „Ох, береги, дочка, себя, вся жизнь перед вами“. Сейчас все ясно для меня, что сделалось со мною. А ведь лишь только потому, что не видела покою».

Неделя шла на четвертый месяц, все молчат. И я стала забывать про ВТЭК. Как-то мне шепнула сестра, что хотят делать околопочечную блокаду, и боятся за мое сердце. А я ответила, что ничего не боюсь, лишь бы было улучшение. Мне сказали подняться наверх, в операционную, там и влили мне пятьсот граммов новокаину в правую сторону поясницы. После этого положили меня на носилки и в палату. А тут шел домой кум, он

уже выписался, увидел моего Степана, нагнал холоду. «Несли, — говорит, — на носилках, бледная, что стена. Что с ней, не знаю».

Вот они и прилетели. Все пьяные, и от матери прет как от бочки. Думаю, лучше бы не ездили в таком-то виде. Мне без вас тошно.

Я вышла к ним минуты на три и вернулась. Если бы люди были нормальные. А потом не стала ни о чем не думать. Тамара носила книги, а я читала целыми днями. Резкой боли я уже не чувствовала, но выпрямиться не могла.

После последней блокады меня стало вести и на другую сторону. Я объяснила врачу, она ничего не сказала, а для меня это было загадкой. Наконец мне позвонили из управления, путевка получена, могу готовиться. Выезжать тридцатого сентября. Это была последняя моя надежда на выздоровление. Я попросила врача выписать меня двадцать седьмого, т. к. надо было сдать больничные и оформить отпуск. Врач согласилась с этим уговором, что за мной приедут. Я раненько села за стол сестры и написала им в тетрадь благодарность:

«Я на прощанье выношу еще раз благодарность врачу Сташкун, медсестрам всем, сегодня у меня радость: еду путевку получать, чтоб возвратить здоровье. Хоть уж много легче мне, полечат санаторно. Тогда наверно, я пойду своей прямой походкой и для работы окажусь новенькой находкой».

Подошла машина, я поехала в управление, все хлопотала, получила около двух тысяч денег. Купила себе халат из штапеля, и осеннее пальто, остальные деньги отдала матери.

Я никогда не была в санатории, но мне подсказал диспетчер: «Ты, говорит, как приедешь в Новосибирск, так зайди на верх, предъяви курортную и потребуй комнату отдыха». Вот я все и сделала, как он говорил.

Мне повстречалась девушка, тоже из Кемерово, мы с ней так хорошо отдохнули. Утром наняли машину, — и до места. Все меня радовало — Обь, и лес; вообще я была довольна всем.

Наша лечащая врач была молода, но очень уважительная. Она спросила при осмотре: правая нога отроду короче? Я отрицательно покачала головой. С июня месяца. Она задумалась, что-то записала.

Через два дня вызывает профессор, женщина, старенькая. Заставила раздеться. Потом говорит: «Пройдитесь». Я поковыляла к двери. Она подозвала, всю ощупала и говорит: «Красивая походка, одевайтесь». Я быстро оделась, смотрю ей в глаза и спрашиваю: «Скажите, пожалуйста, я буду человеком?» Она улыбнулась, отвечает: «Вы и так человек». «Нет, — говорю, — я урод». Тогда она стала серьезнее: «Чудес не обещаю, чтобы

сегодня больна, завтра выздоровела, но со временем должны выпрямиться. Ведь не тогда начинают лечить, когда к земле согнет, надо было пораньше подумать о себе».

Я верила и не верила в их лечение. Кормили хорошо, я и так полная приехала, а здесь чувствую, что еще больше полнею. Вот уже скоро домой, а я все кривая. Написала домой, что меня ничего не радует. Положение мое не изменилось. Наверное, суждено мне остаться такой. И если не будет легче, я с тобой жить не буду. Вышли мне денег, я хоть на день заеду к маме.

Степан выслал сто рублей. Теперь я пристала к своему врачу: «Что, — говорю, — толку, что месяц у вас пролежала, только сала наела, как чушка откормленная, не за этим я приезжала». Тогда врач подошла, обняла меня за плечи и говорит: «Не огорчайся, моя балерина, — это прозвище она дала мне с первого дня, — приедешь домой, в постели лежать будешь, не бойся, не лечись ничем. А потом встанешь и пойдешь». Хотелось мне, чтобы ее слова подтвердились.

Домой добираться пришлось одной. Нога болит, да еще чемодан. Я надеялась на телеграмму, но она пришла на второй день после моего приезда.

Добравшись до дому, я действительно слегла на полмесяца. А потом как-то встала и, оказалось, что я совершенно прямая. Мне не поверилось, я присела, встала. Нет, прямая. Слезы брызнули из моих глаз. Эти слезы были от столь долгожданной радости, которая переполняла мое сердце.

На второй день я пошла в поликлинику, где мне заполнили посыльный лист и отправили на ВТЭК. На мое объяснение, что я болела полгода, врач Власенко не обратила внимания. Стала измерять толщину той и другой ноги, я опять ей объясняю, что ноги мои с начала болезни по толщине одинаковы, но я была перекошена и правая нога короче, я пришла к вам не сама, а меня послала врач, чтобы я сходила к вам и с год отдохнула. Как она расшумелась: «У вас работа в тепле и не физическая, вы к инвалидности не принадлежите!» Я ушла от них сразу в поликлинику «Северной» с требованием выписать меня на работу!

Начальник движения сказал, что я буду работать на «Бутовке». Все меня поздравляли с выздоровлением и как к родной относились ласково, что еще больше придавало мне силы. Я сильно люблю свою работу и свой коллектив. За все время, т. е. за одиннадцать лет моей работы на «Бутовке» на меня никогда никто не обижался.

И потекла моя жизнь шумливой рекой. Дети рады, что мать с ними и сам бежит с работы чуть не бегом. Шутки, смех заполнили нашу семью. Степан старался ничем меня не расстраивать.

Когда я дежурила в день, он приходил встречать меня, но такая жизнь продолжалась недолго. Опять запил мой спутник. Один день пьяный, другой, на третий день я решительно заявила: или водка, или я. Выбирай любое, т. к. я с твоей пьянкой сейчас никак примириться не могу. Она на меня действует хуже всякой болезни.

А пока он пил, я попросила мать чтобы она поехала со мной в город, там купили Степану пальто, хорошие брюки и рубашку, а ему ни слова. После десяти я пришла с работы. Дети встречают меня с радостью и шепчут: «Сегодня папка не пьяный», — а сами улыбаются. Поглядела я на них и подумала: чему вы, мои дети, рады? Да этому ли надо радоваться? Но им ни слова. Я не хотела, чтобы дети относились к отцу плохо. Если они называли его пьянчужкой, так я ругала их, когда отца не было дома: все же он ваш. Со временем одумается. А вы видите что отец делает нехорошо, запомните на всю жизнь: водку пить, значит дураком быть, а если хотите людьми быть, тогда грамма не надо пить.

Как-то пошли в картину, я Толяше подала десять рублей, велела купить билеты. Он попутно забежал в магазин, купил банку леденцов, за два шестьдесят, и побежал в клуб. В клубе Толя отдал мне эти леденцы, но после картины дома своя получилась картина. И я на работу ушла без ужина, т. к. Степан устроил скандал из-за этих двух рублей шестидесяти копеек. Не знаю, как я не разревелась, когда уходила из дому. Во время дежурства я опять сочиняла. «Как обидно слышать гадость, которой пакостишь сидишь напрасные твои страданья, лишь отношенья обострищь. Коль провинился в чем ребенок, так с ним и надо говорить, но не пушить жену сверх полки, ей очень трудно с тобой жить. Она живет для вас всех обще: и для тебя, и для детей, но ты, подлец, ее обидел, а сам виновен перед ней. Когда тебе берет поллитру, ты этого не замечаешь, а если дети что купили, так ты и со свету сживешь».

Много раз у нас были неприятности из-за денег. Я говорила: может, в самом деле, я не умею расходовать деньги, так брось пить и командуй сам. Только не срами меня перед детьми.

Однажды ему нужно было идти в ночь, а тут кум появился с двумя поллитрами и еще один тракторист. Ставят водку на стол и требуют закуски. Меня такое требование ввело во зло, я спрашиваю: «Куда вы пришли, что требуете закуску — в столовую, что ли? Если ты хочешь угостить друга, веди в свой дом и требуй закуску с жены, а когда будет угощать Степан, тогда я приготовлю, а сейчас он пойдет на работу, ему твоя водка не нужна, а когда он будет свободен, он сам может купить эту несчастную поллитру». Тогда кум берет эту водку: «Пошли». Не

знаю, как Степан не набил меня. Он меня всячески обзывал и сравнивал с самыми нехорошими людьми. Я все выслушала молча и ни одним словом не ответила, а когда он ушел, я опять писала стихи:

«Не хочешь жить, не издевайся, оставь меня, коль не нужна. Я голову не отпущу, бежать во след не собираюсь, по одному я лишь грущу: здоровьишком поколебалась. А если думать не хочешь, прошу живи, как нам возможно, прицепки и скандалы брось, все обвиненья твои ложны».

Эти сочинения — самоуспокоение, а для него ничего не доходило. Но разойтись с ним у меня не хватало мужества, да и приходилось думать о воспитании детей. Как им будет без отца? Нет, взялся за гуж, не говори, что не дюж. Так и приходилось мириться.

Как-то из-за очередной пьянки я три дня сердилась на него. Все готовила, подавала, но молча, без единого слова. Даже взглядом встречаться не хотела.

Надоела ему такая атмосфера, пошел к соседу, объясняет, что в его дому вроде гроб стоит. Говорит: все молчат и стараются избегать меня, а меня все это бесит, особенно настойчивость Саши. Соседка на его слова ответила, что если обидел, так пожалей, извинись перед ней. «Ну уж этого она не дождется, чтобы я шапочку снимал».

Эти слова мне передали. Я настойчиво решила ждать его покорности. Сколько было переживаний за эти дни. Он спал один, а мы втроем. Он большую часть ночи сидел и курил. Я видела все, что происходило с ним, но не показывала виду. Однажды ночью он подошел к нашей койке и тихонько позвал: «Саша, а Саша». Отвечаю: «Что?» «Хватит тебе меня мучить, пойдем ко мне». Я молчу, а он берет меня на руки и несет, как ребенка. И вся ссора меж нами, — как испарилась. Он ласкался и был доволен, что мы вернулись друг другу.

Подходил Новый год, а мы дали маме слово, что вновь соберемся к ней. Мне вздумалось через редакцию поблагодарить свою мать за ее воспитание шестерых детей. «С Новым годом мы вас поздравляем, многодетная милая мать, вот опять ваши дети слетелись, чтобы вместе раз в год побывать. Ходишь ты возле них как парунья, то к одной, то к другой, а их шесть. Ты повыучила, воспитала и у каждой из них семья есть. Кто б подумать мог, что техничка, многодетна, неграмотна мать, так умело построила жизнь, и сумела детей воспитать. Ни с одним никогда не грубила, хотя камень лежал во груди, чтоб детей всех одеть, надо средства, а где ей эти средства найти. Дети сами всю жизнь понимали, не справляли обновы с нее, они знали, что мать одинока, не большая

и ставка ее. А теперь погляди, милая мама, все с тобой и все любят тебя. Нет, не роскошь нужна в воспитанье, а умелый подход и слова».

Стихи эти не напечатали, но ответ мне дали с благодарностью за мою любовь к матери.

Я купила билеты на четыре дня до нашего отлета, но и это меня не успокаивало, так как погода могла испортиться. Но все обошлось хорошо. Мы полетели пятеро. Тамара взяла с собой сына. Мама посылала Гошу к поезду, чтобы он нас встретил, а нас не оказалось. Она уже переживала. И вот в три часа дня мы вваливаемся. Сколько радости у нее. Всех она обцеловала, а меня заставила повернуться, чтобы увериться, действительно ли я нормальная. Три дня мы пробыли в Тайге, а как стали собираться в Кемерово, так опять слезы, но мы успокоили ее тем, что будет еще новый год и снова мы все соберемся.

Домой вернулись четвертого января, уже пятьдесят восьмого года. Я стала задумываться о том, что за всю жизнь мною сделано очень мало, а уже прожила тридцать шесть лет. Надо догонять упущенное, нужно построить хороший дом, обзавестись обстановкой, хоть эти года пожить так, как живут люди.

На работу я бежала с радостью и не чувствовала никакой усталости. А самое главное и торжественное было, когда я отправляла поезд. Если по норме полагалось восемь полувагонов, машинист брал десять, иногда одиннадцать. Проводишь их, и вся сама с ними, пока пройдет второй подъем. Тогда вздохнешь свободной грудью, как груз свалишь со своих плеч. И диспетчеру рапортуешь, что поезд уже преодолел все препятствия.

После работы стали с Степашей ходить в кино. Однажды мы повстречали Лешу, который за мной когда-то начинал ухаживать. Мы познакомились с его женой и все четверо пошли в кино. После кино мне нужно было на работу, и я, быстро распростившись с ними и со Степаном, ушла на станцию. Работы на станции не было, я почему-то стала вспоминать, как быстро прошли те юные годы. Одно за другим вспоминания. Я еще раз попыталась сочинять. Стихи были посвящены этому Леше. Ничего такого в них не было. Я писала, что он мне когда-то нравился, нравится и теперь. Но лишь потому, что лицом он похож на одного человека. И что по-моему, он несчастлив со своей женой.

Придя домой, я прочла стихи Степану, спрашивая, как хорошо или не получилось. Он мне ответил, что стихи хорошие, но если я их отдам Лешке, то он здесь жить не останется. Тогда я отдала стихи Степану — и больше не видала их. Потом Степан сказал, что Лешка уехал.

Степан все чаще стал обижаться на здоровье. Я помогла ему пройти рентген и сдать анализы для получения курортной карты. Когда все сдал, ему вырешили путевку, правда не сразу, т. к. он сам в этом был виновен. Тринадцатого января нам с ним надо было в ночь на работу. Забегает кума: «Пойдемте посидим». Я всячески их убеждала, что это не хорошо и вредно, ведь нам в ночь, но разве можно уговорить человека, который как на иголках подскочил. Взял кусок сала, селедку и пошел. Пришлось и мне пойти, не ради выпивки, а ради того, чтобы не дать много выпить.

Посидели, выпили, в полдевятого я позвала его домой. Мой Степа без слов собрался, и мы пошли.

Только я ушла на работу, он, одевшись в спецуру, еще зашел к куму и напился. В Кедровку он все же уехал, но смену ему не сдали, он звонит мне: «Саша, я поеду домой, трактор неисправный». Я говорю: «Езжай». Но сердце предчувствовало невзгоду. Дождавшись восьми часов утра, я позвонила в тракторный парк. Механик постарался все объяснить подробно, он сказал: «Твой муж явился пьяный, его на бульдозер не допустили, будем решать на собрании, что с ним делать».

Через три дня я узнала, что его сняли с бульдозера в слесари на три месяца, с тарифом двадцать один рубль. Вот, думаю, мне муженек уже начинает помогать к постройке. Сжалось мое сердце. Сильно обидно, ведь за несчастную поллитру тысячи пойдут, да в такой момент, но, видно, мое счастье такое. Убеждаю себя, что все переживу. Лишь бы не подвело здоровье.

Мало того, что он стал получать только аванс, а на получку ничего не приходилось, так к этому еще и запил. Пьет неделю, другую, я уже потеряла всякое уважение к нему.

Однажды звоню в тракторный парк, говорю: «Скажите, пожалуйста, как работает сейчас Чистяков?» Механик отвечает, что Чистяков работает очень хорошо. Тогда я решила обратиться в их местный комитет. Я описала все подробно, что нам мешает в жизни и как сыновья смотрят на отца, когда он приходит в пьяном виде и то, что пьянка мужа болезненно отражается на мне, т. к. я уже проболела целых полгода. И я посоветовала по-товарищески поговорить с ним, доказать ему на факте, что он не справедлив по отношению к своей семье.

Так что вы думаете? Этот местный комитет раздул такое кадило, чуть ли не митинг устроил: «Вот что пишет ваша жена». Да еще приукрасили, что мол домой Степан не приходит и совсем деньги не отдает. Вот и вскипел мой Степан. Приехал домой весь взвинченный. Хорошо я была на «Северной», за сапогами в магазин ходила, а то бы, наверняка, поддал бы, а тут зять зашел и увел его к себе телевизор смотреть. А пока я пришла, он уже

успокоился, но со мной не разговаривал. Тогда я пошла на хитрость: «Подожди, — говорю, — не шуми, поеду я сама, все разузнаю». А сама как проводила его утром, давай писать в его комитет. «Если, — пишу, — вы всем будете оказывать такую помощь, то будет много семейных драм. И мужья не только не остепенятся, в пьянках, так они еще станут драться». И попросила, чтобы мое письмо, в котором я жаловалась, отдали Степану. Не знаю, был ли у них разговор, но Степан успокоился, да и пить не на что. Четыре сотни получит — и все, кроме того, он давал по сто рублей матери. Прошло два с половиной месяца, ему дали бульдозер.

И только сейчас выдали ему путевку в санаторий «Усолье». Поедет он двадцать первого мая. Мать его ругает: «Одна боится, строится, а тебя несет недобрая». Я успокаивала мать и ему обещала: все сделаю одна. Рамы двойные с коробками уже сделали и две двери. Цемент уже купила, а какой дом делать не знаю. Степана спросила, он и слушать не хочет. «Я, — говорит, — строиться не хочу, а если ты начала, делай, как хочешь. У меня без твоей постройки голова болит».

Я пошла в амбулаторию, взяла ему направление на прием, к невропатологу. Подошло это число, он пошел. Врач сказала, что с трактора придется уйти и дала заключение на ВТЭК. Принес это заключение, я говорю: «Надо, чтобы здесь по этому заключению посыльный лист заполнили». Так чуть не с боем принес, а на Рудник сама понесла сдавать. Раз сходила на ВТЭК, взяла ему бумажку к глазному. Пришел от глазного весь не в себе: «К такой-то матери всю твою комиссию и ВТЭК, лучше умру — не пойду». Опять же уговаривать приходится, ведь голова — серьезное дело. «Кого ты, — говорю, — удивишь, если в такие годы пойдешь в сырую землю. Умереть всегда не поздно, а чтобы жить и жить по-человечески, тут нужна сила воли. Ты вот мужчина, а силы воли нет в тебе, и это очень плохо. Мне иногда даже стыдно за тебя, что ты такой бессильный. И еще пьешь водку. Значит, ты желаешь сам добить себя. А я вот не хочу умирать, я буду со всей силы бороться за жизнь, т. к. наша человеческая жизнь и без того коротка. Так хочется жить! И делать такое дело, которое может собой напомнить людям обо мне».

Как-то младший сын пришел из школы, походил, помялся и пошел в уборную. Мне что-то стало подозрительно: зачем же спички нужны в уборной? А я пришла с ночи и легла отдыхать. Дождалась я его, позвала в комнату и говорю: «Скажи, зачем ты иногда конфеты ешь?» Он говорит: «Они сладкие». «А зачем ты курил сейчас? Табак тоже сладкий? Ну, что молчишь?» Он покраснел весь. Я говорю: «Возьми у Володи книгу и прочти, что

значит табак. Разве ты не слышишь, как по утрам кашляет отец до рвоты. Он загрязнил все легкие и ему дышать очень трудно. Вот придет отец с работы и, когда ляжет, ты прижми ухо к груди и послушай, какой хрип у него в груди. И все это только от курения. Бить я тебя не буду, но накажу: раздевайся и мой полы так, как я мою».

Мы больше об этом не говорили. Он вымыл полы и вечером проверил, как дышит отец, а потом рассказывал бабке, что он никогда больше курить не будет, что мама не глядит, а все знает, что сделаешь. Да и папка как ляжет, а у него в груди по всякому хрипит. Это меня обрадовало, что ребенок понял. Так хотелось вложить им в головы, что хорошо, а что плохо. Меня огорчало то, что между детьми мало согласия. Пробовала доказать им, что ссора между ними — неуважение к матери. Но все равно они часто ссорились.

Я должна была выписать кирпич. Но меня удивляло поведение Степана. Он как посторонний. Я весь день провела с его заявлением на перекомиссию областного ВТЭКа. Вечером легла отдохнуть. Он сел рядом и спрашивает: «А какой дом ставить думаешь?» Я усмехнулась, но меня такой вопрос растревожил, вроде я одна должна строить и думать, а он как чужой. Неправда, сумею я пробудить его сердце к жизни.

Быстро мы в нынешний год управились с посадкой картошки. «Почему, — говорит Володя, — те года папка кричит, матерится, а дело идет тихо? А в этот год ни шуму, ни скандала — и все поделано?»

На это я ему ответила, что взялись дружнее, и с желанием, поэтому быстро кончили.

Теперь надо думать о постройке, а за что взяться, не знаю. Пошла в трест с заявлением на десять тысяч штук кирпича — мне отказали. Обещали делать только на печь. Барак вывезти — дороги нет. Что же делать? А пока Степана нет, надо что-нибудь делать.

Я купила в райпотребсоюзе пять тонн цементу через сельмаг, купила пять рулонов толи. Теперь нужно решать, какой же будет дом. Кирпича взять негде. Барак можно вывести не ранее сентября месяца. Этого ждать невозможно. Я буду возить шлак и строить литой дом. У сестры семь лет стоит литой дом и еще простоит сто семь, а может дольше. А вдруг Степану не понравится такой дом? Наверное, надо набраться терпения и ждать самого. Я получила восемьсот шестьдесят премии, надо детей маленько одеть. Поехала в город, купила им по плащу, по шароварам, по хромовой шапке и себе шаль и сорочку, вот и вся моя премия.

Дети снова спрашивают: «Почему же так делается: вы ездили на курорт, папка нас заморил, а папка уехал, мы питаемся очень хорошо и столько обнов накупили?» На это пришлось ответить, чтобы они у отца спросили. Но он ни одного письма нам не написал. Одну телеграмму дал, что прибыл. Вторую: «Высылай денег на дорогу». За это я рассердилась на него. Даже с днем рождения не поздравил, уж такой, видно, он есть. Я день рождения отметила с соседями. Даже сестра не пришла, теперь я к ним не пойду и Степану отвечать не буду.

Целую неделю пил мой Степан при возвращении с курорта. Когда вышел на работу, тогда, видно, подумал, что я его ждала как помощника, а он и слова не говорит про стройку, пошел вечером, проверил цемент и толь. «Вот, — говорит, были бы плахи, можно лить шлакобетонный». Я пообещала достать плах. Пошла на шахту, попросила заместителя, выписала плах бывшего употребления и через два дня привезла. «Теперь, — говорит, — надо гравий».

Договорилась с ребятами, привезли мне гравий пять машин, за каждую машину — полста рублей; пришлось занять. Ссуды еще не дают, надо заложить фундамент, тогда дадут. Все время приходится крутиться, как береста на огне. У одних берешь, другим отдаешь; вот сам пошел на работу, теперь будет легче с деньгами. Только бы не психовал. Он не понимает, что сама я совсем мало ем, бегаю — то деньги добываю, то машины или продукты, или людей на погрузку, а ему как шло, так и ехало. Обидно. Но я борюсь, стараюсь убедить себя, что и ему тяжело. Ведь он тоже человек, и я мирюсь с его характером. Но обиду и мечты я нанесла еще на один лист бумаги.

«Как только проснешься, волнуется грудь и что бы мне сделать, чтоб легче вздохнуть?

Затеяла дело серьезное, а хватит ли сил, не верю в себя. К родне обращалась, помочь не хотят, придется, наверно, чужих нанимать. Но сердце тоскует не в тяжком труде, а нет ему, верно, спокойно в семье. Лишь слово промолвит и взгляд поведет, так все настроенье под ноги сомнет».

Пришла я с ночи. Володя носит воду, а Толяша пошел полоть капусту. Погляжу я на них — все же молодцы они, много стали помогать. Особенно в нынешний год. Я иногда боюсь, что могу потерять их. С утра они просились купаться, я отсоветовала: еще, мол, вода холодная. Но в полдень поднялся такой жар, что самой бы неплохо искупнуться. Разрешила своим ребятам пойти купаться, а сама все боюсь, как бы не утонули. Ох, дети, дети, как они дороги для матери!

Прошли Володины именины, но в том, что он желал иметь,

мне пришлось ему отказать. Он хотел часы, а у меня и без часов заботы по уши. Надо кирпич, шифер, стекло, дранку, олифу и краску. Много тысяч уйдет на все это.

Началась моя стройка. Заложили фундамент, он обошелся не менее тысячи. Я уплатила деньгами семьсот рублей и кормила целую неделю трех мужчин. При расчете я им предложила работать сдельно, но они совсем не пришли.

Степан сердится: вроде я во всем виновница, а я уже и без того сделалась, как бабушка. Волосы наполовину поседели. Лицо покрылось глубокими морщинами, веки на глаза наплывают. Не знаю, сумею ли я преодолеть всю эту невзгоду. Что-то стала слабеть, а это не допустимо, т. к. мне еще много надо сделать. У меня в настоящее время большой перелом в жизни. Во-первых, вся забота стройки лежит на моих плечах, во-вторых, подходит время испытания, нужно готовиться. Книг нет, приходится ходить на «Северную», а потом целый час теряю на ходьбу.

Что меня поддерживает? Это любовь к жизни. Любовь, которая не израсходована из моего сердца. Она так сильна, что все перебарывает на пути и предназначена моим двоим голубям, которым я радуюсь в душе, но боюсь, как бы они не улетели от меня без времени. Каждый их шаг беспокоит меня. Была бы у меня сила, я все бы переделала одна. Но вот не хватает моей силы и приходится мириться с тем, что работают на стройке и дети. Например, таскают шлак, воду, мешают шлак с цементом, эта работа не для них, но что я могу сделать, когда меня не бывает дома. Уходя на работу, прошу их, чтобы тяжелое не поднимали, а разве они поймут это. Вот по приходу домой, поглядываешь на них, уж не надорвались ли? Не заболели ли? Я не рада, что затеяла стройку, сильно боюсь за детей.

Сегодня уже двадцать девятое июля, как быстро бегут дни, я совершенно забегалась. В шесть часов проводила Степана на работу. Пошла к плотнику, который должен установить дверную коробку. Подошел заместитель инженера, говорит: не то делаешь, ставить нужно еще одну коробку, а потом эту. Я рассказала ребятам, наготовила обед и ушла на работу.

Звонит Степан: «Воды привезли?» Не понимает, как я задыхаюсь от этой суеты, но ему ответила спокойно, что сейчас сбегаю посмотрю, т. к. я вчера просила шоферов — должны привезти. Я спросила у диспетчера разрешения уйти на двадцать минут и сбегала. Проверила: ряд заливать кончают.

К вечеру надо занять денег: я вчера брала только до сегодняшнего дня, а у самой и дома нет. Я снова отпросилась у диспетчера, побежала, сняла с книжки последнюю полсотню. Пришел паровоз, я набрала воды, навела порядок в станции. Села

за стол и, сидя, уснула. А когда проснулась, руки мои онемели, лицо отекло. Я подумала: так, сидя, можно и умереть. Но эти мысли надо гнать, лучше сбегать к зятю спросить, как ставятся коробки. Зять меня напугал, что не так сделали, а сам не пришел показать. Ох, люди, люди, какие они все разные. Василий без нас ни одного ряда не залил, а теперь про это забыл. В обиде на всю жизнь я буду на них.

Самое трудное сделано, сруб слит. Осталась плотницкая работа. И как прорвало этот дождь. Надо ехать за бараком, а дождь мешает, и уж сентябрь на носу, а у детей много не хватает, и денег нет. На себя я не трачу ни одного рубля, хожу к Тамаре, может, и надоела я ей, но пока не отказывает, а потом я рассчитаюсь, а так бы я свалилась с ног. Все на бегу и как-нибудь, а у нее творог, сливки и каша вкусная. Спасибо ей, хоть этим поддержала в трудное для меня время.

А Степаша сумел напиться, а пьяному море по колено — подсунул руку под рычаг лебедки и получил перелом. Да хотя бы срослась как нужно, а то рука в гипсе, а он снова напился и еще ударил кого-то, а потом всю ночь ходил из угла в угол, пришлось отдать ему пиво. «Пей, — говорю, — может, у пьяного не так болеть будет». А я пиво берегла для поездки в Тайгу: все угостить надо людей, но мой план нарушился. Степан один за три дня выпил.

Установилась погода, надо ехать за бараком. Послала его одного, чтобы разобрать нанял людей. Один не едет. Тогда я решила в свой выходной съездить. За машины было уплачено. Я подсказала зятю число, когда поедем, и они подошли.

Поехали на трех машинах. Какая красота в лесу, просто радость не высказать. Через час сорок минут мы уже были на месте. Как поглядели на этот барак, так и ужаснулись. Лес толстый, длинный, а приехавшие люди все имеют по одной здоровой руке: то больна, то повреждена, а Степа и вовсе с левой.

Шофера пообедали и ушли. Мы одну машину нагрузили к четырем часам, стали вытаскивать трактором и посадили так, что двумя тракторами кое-как вытащили. Последнюю машину закончили, когда уже стемнело. Накатывалась огромная туча, а если нас захватит дождь, то сидеть всем в Тайге.

Подъехали к Барзасу, две машины переехали по мосту, а третья пошла в брод и засела. Сколько не мучались, а без трактора ничего сделать не смогли. Тогда решили, что мы поедем, а Степан останется с той машиной и, как появится трактор, вытащит его. А у меня сердце болит, думаю: вдруг не вытащат? Как они домой попадут?

Мы приехали, я всех угостила, отправила. Сама легла на полу

не раздеваясь. Долго мы разговаривали с матерью, я не знаю, как я уснула. Очнулась, когда Степан заговорил. Как я обрадовалась! С меня свалилась огромная гора.

Теперь надо думать, что сделать, чтобы этот лес пошел на обделку дома. На второй день позвала я механика с лесного склада, который во всем очень хорошо разбирается. Он посоветовал, чтобы я взяла разрешение на обмен леса на шахте и разрешение на распиловку, и за пилораму тоже уплатить.

Все это я обделала, но лес нужно отобрать, а для этого нужны плотники. А тут занятия каждый день. Приду с работы, набегаюсь дома, а приду на занятие, сплю мертвым сном. Я и руки щипаю и губы кусаю, хоть бы не спать, нет, не могу. И что такое, не пойму, то ли уж всякими заботами и беготней переутомила свой организм, или с сердцем совсем плохо, не знаю, но надеюсь, что все пройдет.

Подходит первое сентября, мои сыновья пойдут в школу, а мне хочется им сказать хорошее, жизненное, а поймут ли они, не знаю. Но когда подрастут, то всякое сочиненное мною слово они поймут.

«И если мне удастся вот эту стройку роковую, тогда вздохну я полной грудью и по-другому заживу. Я увлеку в свое стремленье Степана и своих детей, чтоб завести всю обстановку: комод, диван, и шифоньер. Чтоб в залеможно б сесть помягче, картину дома посмотреть. Приятно радио послушать — лишь только б пьянку одолеть!»

Пришли плотники, их трое, посидели, поглядели, стали договариваться. У вас, говорит, нужно срубить два ряда, балки, пол, потолок и покрыть крышу. Эта работа будет стоить четыре с половиной тысячи, притом, обязательно, обед. Я отвечаю: мне нет время готовить, т. к. я ухожу из дому на целый день. Тогда они прямо заявили, что без обеда работать не будут.

Я согласилась, но когда ушла на работу, я не могла найти места. Чтобы маленько успокоить себя, я стала высчитывать, сколько же каждый из них заработает за день. Если они свою работу кончат в шестнадцать дней, значит, больше ста рублей. Утром пошла к Тамаре, узнать, сколько платила ее соседка. Рассказала ей свое горе, а она говорит, не знаю это не дорого. Видит, что я в перемене, вот и успокаивает. Налила мне сливок стакан, наложила варенья, садись, — говорит, ешь. Я отвечаю: не хочу, а она свое толкует: аппетит приходит во время еды. Села я, с полстакана съела сливок и ушла.

По возвращению в станцию встретила плотника. Он рассказал мне, что крыша стоит две тысячи, ряд срубить — двести рублей, балки и потолочные тоже двести рублей, потолок настелить —

пятьсот рублей. Я все подсчитала, то на то выходит. Тогда малость успокоилась. Только обед не у всех.

Пришла домой, стала говорить Степану, а он матерком: наняли людей, пусть работают, переживем как-нибудь.

Плотники требуют брусики, чтобы набить на балки, а где их взять. Побежала в лесной, договорилась, оттуда за гвоздями в сельмаг, а тут как на грех ногу трет, сняла сапог, обвернула носовым платком и дальше, а с раннего утра привезли шлаку машину, мы ее загрузили за двадцать минут.

Вот уже обед, а у меня во рту ничего не было. Пришла в сельмаг к заведующему, и говорю: будет ли ваша милость, а идти больше некуда. Он смеется: «Была, — говорит, — у меня милость, да к верху взвилась, но что с тобой сделаешь, иди, там продавцы взвешают».

Я вспомнила, что сегодня суббота, я должна плотникам литру магарыча, а денег у меня мало. Ох, горе! Я спросила, скоро ли придет другой продавец, мне ответили — нет. Тогда надо пойти где-то денег искать. Заняла сто рублей. Вернулась я домой с гвоздями и с деньгами.

Степан с ребятами варит, т. к. у него одна рука больная. Я помогла одеться Степану, взяла с собой соседского парня, мы пошли в лесной, а Степан в больницу, а из больницы наказала ему зайти в магазин, купить водки.

Сидим мы в лесном, десятник обещает: вот сейчас, вот сейчас, а у меня в животе кишечник табора играет. Время два, начали пить, за десять минут распили. Машину не дает. Смотрю, возчик стоит, подошла, попросила, быстро скидали и пошли, а возчик повез.

Не успели позавтракать, машина подошла опять за шлаком. Угостила я возчика, шофера, гляжу: воды привезли, — и того надо угостить.

Ребята пришли из школы. «Вы, — говорю, — дети, ешьте и убирайте, а я поехала за шлаком». Нагрузили еще одну машину, как бы хотелось отдохнуть, но баня топится и пол помыть надо. Я успокаиваю: еще только четыре, успею сделать все. Да все и переделала: собрала белье детям, Степану, сварила ужин. Голова стала тяжелая, руки сами опускаются. Собрала остатки сил, вымыла Степана, т. к. у него рука больная, сама обмылась по-скорому и легла, что умерла. Степан будил ночью: «Саша, повернись, ты храпишь сильно», а я как под землей слышу, что говорит, а ничего не понимаю.

Утром встала как после побоев, все болит. Но поболит и перестанет, а дело все же движется.

Дети начали копать картошку. Степан с соседским парнем

сарай разламывают, опять платить надо, что он сделает одной рукой!

Вечером меня сменили рано. Я пришла, дети рассказывают, что накопали двадцать семь ведер, Степаша говорит, заготовили плах на потолок. Я их хвалю и сама радуюсь, что дело идет как надо. Не зря говорится: «Глаза боятся, а руки делают». Так и у меня. Потребовался тес на карниз и обрешетку, а распиливать некому: больше половины лесников на копке колхозной картошки, но, спасибо, заместитель начальника шахты повстречался. Я попросила его помочь моему горю, и он помог.

Лес распилили. Я узнала и бегом в гараж. Беру машину, грузим тес и везем. После мне не верилось (а радость, видать, вкладывала в меня силу), что такой длинный пиломатериал, я, не чувствуя тяжести, кидала, как мужчина.

Нам передали, что один хозяин раздумал строиться и продает сто пятьдесят листов шиферу по десять рублей. Надо полторы тысячи, а где их взять? Сдать облигации — остаются считанные дни до розыгрыша.

Пошла к одной хозяйке, у которой ранее молока покупала. Объяснила ей все и попросила на десять дней эти полторы тысячи. Она согласилась при условии, что я найду ей машину вывезти ее уголь. Я согласилась, но знала и то, что матери тоже уголь вывезти.

Утром послала Степана в гараж, чтобы попросил ребят попутно уголь привезти. Так он и сделал, но сам с шофером не приехал, а у меня уже сидела эта хозяйка, которая одолжила мне денег. Я беру куму — поехали и в двадцать минут нагрузили. Второй рейс шофер делать не согласился, так что матери не повезли.

Прихожу домой, Степан уже дома. «Ну, где твой уголь?» Я говорю: «Привезла». Он заругался: «Я ходил просил для матери, а ты чего сделала?» Я молча завернулась и пошла. Останавливаю первую попавшуюся машину, нанимаю двух грузчиков и гружу уголь для матери. Когда повезли, смотрю, Степан стоит. А он говорил, что поедет за шифером. Я же, доехав до матери, свалила уголь, отдала за привозку деньги и бегом в гараж, чтобы захватить Степана и поехать помочь грузить, но Степа мой споткнулся. Я села в машину, которую разрешил взять Василий, поехала без Степана. Погрузили шифер, а его все нет. Тогда я попросила хозяина, чтобы он доверил деньги получить шоферу, т. к. шофер хорошо ему знаком.

Остановились напротив гаража — крикнуть Василию, что я поехала. Гляжу, Степан сидит и уже под хмельком. Вот уже зло закипело во мне, но я себя сдержала. Только упрекнула его в том,

что он не выдержан и безжалостлив, а ему эти упреки, что горох до печи.

На второй день я свалилась. Меня морозило и трясло. Наверное, просквозило, когда я грузила лес. Вот, думаю, все, отстроилась. И опять же внушаю себе: нет, не может этого быть. Я должна встать. Попросила детей наложить малинового варенья и подать пенициллин. Выпила таблетку, напилась горячего чая и уснула.

Проснулась, мне стало легче, но все еще чувствовалась слабость. Начали крыть крышу, нужны были опять деньги. Тогда я пошла к бухгалтеру и объяснила мое положение. Он велел писать заявление и отдал мне последние две тысячи из вырешенных мне семи тысяч.

Уплатила за крышу. Получила таблицу: ни основной, ни дополнительный тираж не принес мне радости. Пришлось сдать все облигации, держать их больше не хватило сил.

Кончали стелить пол, за него нужно девятьсот рублей отдать. Надо стекло, кирпич и обязательно Володе сапоги. Раздала все деньги. Пошла на экзамен, сдала. Еще одна тяжесть с плеч свалилась.

Получила путевку в санаторий «Зенково». Теперь я могла ехать, т. к. необходимое уже было все поделано. Оставила Степану денег на питание и на сенки, которые стоили восемьсот рублей. С печником договорилась. С собой взяла семьдесят восемь рублей.

Степан, как нарочно, напился до безумия. Пришел домой, падает, бьется. Я сначала уговаривала, но вижу: он не понимает. Я свалила его на пол, дети подали помоченное холодной водой полотенце. Я положила ему на голову, а второй конец на левую сторону груди. Гляжу, стих и уснул. Обидно мне было: даже в последний вечер перед такой долгой разлукой он так поступил. Утром у Степана похмелье, а у меня переживание. Я приготовилась в дорогу, осталось одеться и пойти. Пришла мать, давай причитать: на черта он мне нужен, будет слюни распускать каждый день. Ты, мол, уезжаешь, а тут как хочешь. Я матери ответила: он твой сын, как воспитала, тем и любуйся, я его этому не учила, я еду поддержать здоровье, а не роскошничать.

А у самой не хватило сил сдержать слезы. Мне без нее обидно за все, а она со своими упреками. Ей, родной матери, месяц не хочется глядеть на него, а я уже пятнадцать лет гляжу на все его проделки.

Через мгновение я подавила все свои слезы. Наказала детям слушать бабку, учителей и жить дружнее меж собой. Я пошла из дома ровно в пять. Соседи, мать и Степан пошли меня проводить.

Но снег и вода, дорога скользкая, а Степан пьяный. Я попросила их вернуться домой, что чемодан мой легкий. Донесу одна. Я сумела отогнать всякое недовольствие, убеждая себя, что так будет лучше.

Билет купила я за два часа до отправления. В вагоне было свободно. Но я не спала, т. к. боялась проспать.

На станции «Зенково» собралось много мужчин, среди них стояла молодая женщина. Мы быстро познакомились, но в одну комнату нас не поместили, т. к. у нее было другое заболевание. Мы с этой Машей ходили весь сезон вместе. В первый же день я отправила домой открытку, на что ответ получила быстро, но после написала два письма и открытку, а от них дождаться не могу. Каждую ночь я бываю дома и все дома делается не по-моему. Печь сложили в другой стороне. Потолок не оштукатурен, а уже побелен. Конечно, все это я вижу во сне.

Подошел праздник седьмое Ноября. Все веселятся, а мое сердце от переживаний сжимается. Я думаю, что Степан напьется и может замерзнуть. Не выходит из головы и то, что мороз сильный, а мои дети ходят в сапогах.

Прошел праздник, меня вызвали к врачу. Врач меня послушала и сказала, что с сердцем совсем плохо. Отменила все процедуры. Велела попить адониса по 15 капель три раза в день и только три дня, а потом велела придти. Когда пришла я еще раз, врач разрешила мне принимать еще одну сероводородную ванну. Получила я письмо от Володи. Он поздравил меня с праздником. Выслал открытку с розой. Пишет о доме и об отце, но письмо было написано третьего ноября, а сегодня — десятое. Как прошел у них праздник, не знаю. На оставшееся время придется забыть про все, иначе мне не подлечиться и не отдохнуть.

Удивляюсь, как отдыхают некоторые женщины. Одна из Омска собой недурна, но легкомысленна, как восемнадцати лет. Ее радует каждое слово, сказанное мужчиной. И чем это объясняется, я не пойму. Дома муж, как она говорит, две дочери, при том первая в десятом классе. Уже склонного возраста, а допускает такие ошибки в жизни. В один из дней она ушла с мужчиной с обеда и появилась только к отбою. Спрашивается, зачем ехал человек в санаторий, когда она не хочет выполнять режим и даже злоупотребляет для своего организма. Во-первых, после грязной ванны, а во-вторых, без горячего ужина. Вот из-за таких людей на всех самостоятельных смотрят так. Если поехала на курорт, значит, тебе нужна воля. По-моему, выгонять надо таких.

Сегодня многие поехали в Сталинск. На экскурсию. В нашей комнате тишина. Мне пришлось остаться потому, что нет денег, а

домой писать не стала.

Как я соскучилась по Володе с Толяшей. Представляю, как они встают, умываются, завтракают, и Володя, одетый вперед Толяши, ожидает его у двери. Я вижу как они приходят из школы. Володя как всегда нараспашку. Ему, как и мне, надо все быстрее, а раз он спешит, то, конечно, ему жарко. Толя идет вразвалочку — раскраснеется и все с улыбочкой, но он никогда не расстегнется. Дети мои, как же хочется обнять мне вас и расспросить, как вы жили без меня. Еще осталось семь дней до нашей встречи. Как-то встретит меня Степан? Только бы не пьяный, хотя бы он понял наше положение в настоящее время. Я хочу договориться с бухгалтером, чтобы погасить скорее задолженность — семь тысяч, с нового года пусть высчитает весь мой заработок, а жить будем на его зарплату, какая она ни была бы. Так я рассчитаюсь в один год. Мало ли что может случиться в жизни, особенно при плохом здоровье. Как хочется скорее дожить до лета. Отделать дом и перейти в него. Очень долгой покажется мне эта зима. Ведь когда ждешь, время идет медленно. А я буду ждать. С наступлением лета свершаются мои долгожданные мечты о нашей настоящей, радостной жизни.

Я получила извещение на перевод в сто рублей. Ох, и обрадовалась, но когда пришла получать, там написаны два слова: «Выезжай срочно». Сжалось мое сердце. Мне сразу стало мало воздуху. Что это значит? Что-нибудь случилось дома? Может, он сам в праздник обморозился, а теперь при смерти или помер, а может, Володя убился, он все занимается спортом. А может, Толя под машину попал? Но почему написано мало, что я могу перечесть в этих двух словах?! Отобью телеграмму, пусть объяснит, в чем дело.

В этот день ответа не дожидаюсь. На завтра тоже самое. Две бессонных ночи и в таком волнении, что сразу лицо осунулось и почернело. Я пошла к врачу, объяснила свое положение и попросила обходную. Она сказала, что это мужские прихоти или похмелье.

Если было бы что серьезное, телеграмма была бы заверена врачом. «Я удерживать вас не собираюсь, вижу, что вы убита горем. Езжайте, но не падайте духом». Билет у меня был куплен на двадцать третье, а я поеду сегодня, двенадцатого. Прошу кассира, она закомпостирует.

Так и получилось. Хоть кассир и пошумела, но все же закомпостировала. Прибыл поезд, мы кинулись в девятый вагон. Нас двенадцать человек, а поезд стоит две минуты. Я первая подбежала к вагону, а он закрыт. Мы стучим, кричим. Потом открылись двери, и проводница откинула из-под ног решетку. Я

почувствовала сильную боль у левой руки и крикнула: «Руку!» Она сразу догадалась, отдернула решетку. У меня потемнело в глазах. Мне помогли подняться. Я сразу села и попросила йод и бинт. Когда сняла рукавицу, большой палец левой руки оказался разделенным на два. Кровь полилась сильно. Я попросила Гошу Ягунова (он тоже возвращался из санатория), чтобы он завязал палец. Гоша морщится, но перевязывает.

В Усятах он побежал, узнал, где скорая помощь, и позвал меня. Мы бегом, а там только перевязали и все. Я считала, что хоть скобки поставят, а когда выбежали, железные ворота уже закрыты и поезд дает отправление. Я прошу Гошу, чтобы он бежал и выкинул мой чемодан, но он поднял меня на руках: говорит: «Держитесь!», сам перепрыгнул и меня снял. Только подбегаем к вагону, он тронулся. Еле заскочили.

Тогда я сказала: «Что ни случилось, но я не выйду из вагона до самого Кемерово». Подняла руку вверх, прислонила к стеклу и ехала. Уже в Топках составили акт на несчастный случай и тогда вместе ехавшие ребята стали спрашивать, где я работала до этого. Я рассказала, что работала на мотовозе, потом шоферила, а в настоящее время дежурный по станции. Тогда они говорят: «Мужчина ты, не женщина, весь палец разбитый, и не заплакала и за всю ночь не застонала».

Но они же не знали, что в моем сердце еще больше боли, о неизвестном мне положении дома.

По приезду в Кемерово я пошла в третью поликлинику. Гоша хотел меня проводить, но я ему посоветовала ехать домой, т. к. мне он ничем не может помочь. В регистратуре сказали: идите в двенадцатый кабинет. Разделась, вошла в кабинет, а там такая муля. Спросила: откуда я. Узнав что с Бутовки, она передернулась: вы, мол, не нашего района. Тогда я ответила ей, что с таким делом район не ищут, а ищут, где могут оказать помощь. Она сказала, что придет врач, тогда посмотрят. Как долго тянутся минуты, когда нет терпения. Я летела бы домой, но знаю, что с рукой плохо, сижу.

Пришла врач, позвали меня. Говорит, развязывайте. Я попросила, чтобы помочили, но ответили, что не мочат. Тогда я сжимаю зубы и рву. Палец мой метается за бинтом. Когда сорвала последний бинт, они переглянулись, сестра быстро, сделала мне камфорный укол, видно мой вид был подозрительный. По-латыни она спросила у врача, что отрезать? А та ответила: нет. Я хоть не разбираюсь в латыни, но мне и так было понятно. Завели меня в другой кабинет, закрыли простыней, положили и начала врач обкалывать новокаином. Потом слышу, трещит. Говорю: разрешите поглядеть, что вы делаете. Она отвечает: будет плохо.

Я настаиваю открыть. Она открыла, я увидела, что она удалила ноготь и спрашивает. Теперь говорю, кончайте, только скорее. Она, удивляясь, говорит: что с вами, разбит палец, а вы не стонете и, главное, торопите меня. Я рассказала о том, что меня тревожит больше пальца. Тогда она сказала, как и тот врач: это просто необдуманный поступок и все.

Повела меня на рентген, просветила, правильно ли зашила. Дала справки, что ею сделано и посоветовала посидеть. Но разве я могла сидеть! Я бегом за чемодан и на трамвай. Его нет, стою. Холод и боль сжимают меня в узелок. Подошел трамвай, я вбежала и села. Но мне казалось, что он ползет, что я пешком скорее бы убежала, а чтобы утешить свою боль, я крепко сжимала зубы.

Соскочила с трамвая — бегом на машину и хоть кто-нибудь встретился, хоть бы узнать истину, но — никого. Идет машина, я умоляюще машу рукой. Шофер остановился, довез меня до переезда, я уплатила и пошла. Подхожу к дому матери, ноги мои подсекаются. Вот, думаю, зайду, а там кто-нибудь в гробу. Преодолевая свою слабость, я открыла дверь, увидев мать, спрашиваю: «Что случилось?» Она с улыбкой и очень довольная, что я приехала, говорит: «Степушка соскучился».

У меня сразу поднялась такая боль в руке и обида за то, что они просто издеваются надо мной. Я заревела. «И что, — говорю, — вы со мной делаете? Ведь я чуть голову не потеряла от вашей телеграммы. Зачем же ты давала сто рублей, которые я у тебя не просила? Где сам?» — спрашиваю ее. «Дома все еще на больничном». Мне все стало понятно, я взяла чемодан и пошла в свой дом. Степан был дома, но у меня уже не было никакого чувства радости, а появилась ненависть и обида. Он открыл мне дверь со словами: «Я так и знал, что ты сегодня приедешь». Но я вместо приветствия ответила ему, что подлец он до последней капли крови. «Мало того, что сам сидишь дома и ничего не делаешь, пьешь и еще меня угробил. Теперь можешь радоваться: я поддержала здоровье. Эх, человек, когда же ты поймешь меня в жизни». Я вытащила его сто рублей, кинула на стол. Он послал соседскую девочку в магазин за водкой. Когда принесли водку, я налила стакан и выпила весь. Он смотрит на меня, а я без внимания; закусила картошкой и легла. Уснуть не могла. Сильная боль в руке и возбуждение нервной системы. Несмотря на то, что я не евши и не спавши сутки, водка не оказала никакого действия.

По больничному я проходила месяц. Бог меня миловал: палец сросся нормально и ноготь нарос — хоть не такой, как у другого пальца, но все же…

Сразу наняла делать сенки. Заказала наличник со ставнями, на все потребовалось деньги. И сколько же надо денег! Печь не доделана. Степан ничего не сделал в доме за мое отсутствие. Вот так хозяин! На вопрос, почему ни за что не брался, он ответил: «А я не строюсь».

Сделали сенки, вставили рамы в веранде. Поделали перегородки. Вот была бы печь сделана, протапливал бы и пол просыхал бы, но что с ним сделаешь.

Подходит Новый год. Этот новый год мы к маме не поедем, а я уже соскучилась. Тамарина золовушка выходит замуж, погуляем на свадьбе. Я приготовила ей скатерть на блины.

Сегодня тридцатое, я дежурю, Степан то и дело звонит: сходи, узнай, во сколько начнут гулять. Вот они сами пришли. Полная сумка водки. Тамара сказала, что гулять будут первого, но вы, говорит, приходите со Степаном своей семьей, встретим Новый год.

Так я и сделала. Сменилась, бегом домой. Степа уже дома, но говорю: «Степаш, куда гулять пойдем? Кумовья дома, и Тамара звала». Он ответил, что если не пойти к своим, — то обидятся.

Я быстро оделась, и мы пошли к Масленцовым. А они, не думая о том, что приглашены к ним люди, собрались и ушли к ветврачу. Мы прошли, сели, смотрим телевизор, а там уже с Новым годом поздравлять начали. Тогда Степан нахально выпросил выпивку. Говорит, налейте хоть воды в стаканы, чтоб Новый год встретить. Сватья подала с четушку водки и поллитру пива жигулевского. Степан разлил в стаканы, выпил, и мы стали одеваться, а шли с ночевкой.

На обратном пути он зашел туда, где были наши, а я отправилась домой. Через полчаса пришел за мной Василий, Тамарин муж, говорит: там складчина и нехорошо, что Степан один. Я оделась, деньги в карман и пошли. Вхожу в дом — хозяйка танцует и ни слова. Я ногой отварила дверь и побежала.

Видно, Василий сказал хозяину, что привел меня. Они в воротах поймали меня и вернули, а я лучше бы провалилась сквозь пол. Подошла хозяйка, в руках водка и котлета. «Знаешь, Саша, неудобно, конечно, но если пришла, то пей». Я говорю, что пришла за Степаном, чтобы увести его, а пить я не буду, но она — свое. Тогда я выпила ее водку и говорю: «Не приставай больше». Они отошли, а в углу сидел баянист. Он состроил такую физиономию и спрашивает: «Ну что, стрелочник ты и больше ничего?» А я спрашиваю: «Какое значение имеет квалификация, может, я техничка, а праздник для всех и поэтому нам всем хочется встретить Новый год с радостью».

Тут подошли знакомые, увели меня за стол, где сидела

Тамара. Я села, т. к. не захотела, чтобы меня уговаривали. Потом подошла зоотехник Зельма Ивановна, а мы с ней лежали в больнице: у нас завязалась беседа. Я не видала, когда ушли наши, но вижу, народ стал расходиться, позвала и я Степана.

Когда пришли мы домой, на меня напала такая обида, что как ребенок, сидела и плакала. Первого и второго мы были дома. У наших гуляли свадьбу, а Степан не пошел и меня не пустил. «Если, — говорит, — у них есть роднее, так пусть они с ними и гуляют».

Прошел январь, они не едут, и мы тоже. В феврале я пошла в больницу на чистый, так как лечила одно и вместе с этим вылечила другое. Я хотела принести, но врач посоветовала сделать. С сердцем, говорит, совсем плохо, ничего у вас не получится, а может, и сами умрете. Назначили мне число, и я сходила.

От кого-то узнала об этом Тамара. Смотрю, заходит со словами: «Зловредные Чистяки, не хотят знаться». Мы с ней посидели, попили чаю и разошлись, ни словом не вспоминая Новый год. Мы обе чувствовали, что меж нами и без того стала какая-то отчужденность. Она человек высшего общества, полностью обеспечена, как материально, так и морально, а у меня нет такого образования и нет того, чтобы я могла походить на культурную женщину. Вечные недостатки и унижение себя перед всеми. Но мне хочется иметь дома такой уют, чтобы можно было порадоваться. И теперь уже остались считанные дни до моего ожидания.

Мы насадили деревьев вокруг своего дворца, а еще не огородили. Чтобы довести до конца всю постройку, еще требуется четыре тысячи рублей. Тогда будет дом. Но я горю желанием скорее хоть бы поштукатурить, чтобы шлак не сыпался. Но у меня нет навоза, нет песку. Чем скорее я все заготовлю, тем быстрее будет отделан дом. А там помаленьку выкопаем погреб и сделаем стайку, и на это на все, пожалуй, уйдет все лето. А мне хочется дать детям отдых. Чтобы они хоть лето провели без забот и трудностей. Вот уже год, а им нет покоя.

Скорее бы достроить дом! Насею всяких цветов и буду радоваться каждому из них. Этого ждут и дети. Только бы не сдаться.

У меня грызет желудок и сжимается сердце. Я просила Подгорбунского принять меня на консультацию, но он ответил, что у меня нет болезни по части хирурга, а как уж он определил, не знаю. Посоветовал проверить анализы кала и проверить печень. Вот и все, а я надеялась, что, может, он проверит и посоветует, что мне делать при такой боли.

Свои врачи дали «желудочный сок» для желудка, а для поддержки сердца выписали валидол. Буду надеяться, что поддержусь, и этим я должна еще жить не менее десяти лет. Лишь тогда можно умереть спокойно.

Лето я дождалась. В новый дом купили телевизор, шифоньер и аттаманку. Соседка дала тюльпан. Повесили шторы, но вижу, что нет у Степана к дому стремления. Думаю: устали от этой стройки, может, поэтому он такой.

Настало время картофель копать. Пошли мама, дети и я. Степан ходил куда-то, а дети повздорили. Володя в Толяшу картошкой бросил. Степан увидел, бежит со всех ног, схватил попавшуюся железку кинул в Володю. Тот упал. Отец, как бешенный, кинулся к нему, мать ему под ноги, он упал. Я кричу: «Вовочка, убегай!» Убежал он к бабке. На второй день в школе отказался отвечать, ему поставили двойку.

Пришла с работы, Степан с Толей телевизор смотрят. Я к маме — там замок. Соседи сказали, что Володя был на поляне. Смотрю, он сидит у линии. Я подошла к нему, говорю: «Поезд ждешь, давай вместе будем ждать». Он улыбнулся. «Нет, — говорит, — я просто так сижу. Баба с утра ушла, а я голодный». Я стала его просить, чтоб домой вернулся. Он говорит: «А как же я зайду?» Я говорю: «Очень просто. Зайди, поздоровайся. Скажи, что ты есть хочешь, а я побегу в магазин, куплю твоего печенья, а молоко дома есть, и картошку я уже сжарила. Ведь и отца понять можно. Вы — дети, ваши нервы здоровые, и то вы ссоритесь, а отец больной. Если бы ты не обидел Толю, отец тебя бы не тронул».

Пошел в дом, а я в магазин, хорошо, что магазин близко. Пришла: все смотрят телевизор. Я позвала Володю, накормила, и вроде лед растаял у меня в груди.

У нас давали получку и маршрутные. Володя пришел из школы. Я говорю: «Поедем со мной». Он быстренько собрался, мы поехали. Я получила деньги и мы купили Володе черный костюм. Деньги уже другие, отдали мы шестьдесят два рубля. Когда вернулись, Володя с радостью к отцу: «Папа, смотри, какой костюм купила мама!» Отец костюм взял и бросил. И этим самым убил всю радость у сына. Володя никак не хотел носить этот костюм. Но я стала уговаривать: ведь это от меня тебе подарок.

Степану дали путевку в Томск. За месяц он не написал ни словечка. Он приехал на пять дней раньше, а я без него в кредит купила баян детям. Я дежурю на станции Бутовка, и вот звонит телефон. Слышу голос Степана. Я обрадовалась и напугалась. Что, говорю, выгнали? Он сказал, что придет на станцию. Пришел и стал упрекать, что я самовольничаю, что рано еще баян им

брать. Ему надо было пить, а у нас получка всегда была восьмого. Вот ему зло, а я свое доказываю: пока еще есть интерес у ребят, надо учить. Увлекутся девочками, и баян не нужен будет.

Мой день рождения прошел не отмеченным. Степан с курорта, у меня кредит и ссуда. Когда он получил зарплату, пришел его напарник Разводов с женой и соседка Тася. Был какой-то старый праздник. Я наготовила закуски, а выпивку они уже купили. Сидели за столом, и вот Разводову в глаза бросился чемодан: «Кума, не ты ли куда собралась?» Я говорю: «Нет, кум». А Таська засмеялась: «Уже и родственники». Пошутили и разошлись, я не придала никакого значения этим словам. В выходной собрались к Разводовым. Там заговорили о постройке. Степанька мне сказанул: «Я скоро все тебе оставлю». Я долго приставала: «Скажи что ты задумал?» А здесь заговорил кум о работе, и Степан мне не ответил.

Приезжал Гоша с женой, Степан к ним с холодком. Приехала мама, он почти все дни пил. Проводила я маму. Сердце мое стало волноваться в ожидании чего-то недоброго. Пошла я к свекровке.

У нее в домике убрано, сама чистенько одета, сидит, щелкает семечки. Посмотрела мне в глаза и поняла, что тоска на моем сердце. «Говори, что случилось?» Я отвечаю: «Пока еще ничего не случилось, но мое сердце чувствует какое-то горе». Вот и у свекровки не сидится. Я пришла, написала письмо своей маме со словами, что все же мне ни миновать вашего счастья. Потом мы со свекровкой уже у нас разговаривали. Она мне подсказала: дом хороший, а бани нет. Это плохо. Купи сахару, я поставлю бражку и соберем соседей на помощь. Сделаем двадцать третьего июля — в день рождение Вовочки.

Степа был на работе. Баню делали из шпал бывшего употребления. В столбы. За день сруб был готов. Только стол накрыли и Степан пришел. С какой радостью я его встретила! «Гляди, Степанька, вот и баня». А он опять с холодком: «Ладно тебе радоваться, давай жрать». Я подала ему водку и вся-то радость моя вмиг исчезла. Я же не ребенок. Вся картина ясна с одного взгляда. Эх, думаю сама себе, зачем же я стараюсь, если его ничего не радует, ему нужна лишь водка, а я последнее здоровье убиваю. А мать его улыбается и говорит: «Вот, Санюшка, отделаем свою баню, не будем ходить по чужим». А мне уже и баня не нужна. Тревога меня не покидала. Если я дома, а он на работе, я жду его, не дождусь. Если я в день, то бегу, ног не чуя. Лишь бы скорее увидеть.

Двадцать девятого июля я дежурила в день. Бегу домой, а мать идет снизу. Она окликнула меня: «Что же ты так бежишь — запалишься». Я ответила: «Скорее надо». Забежала в дом, скорее в зал, обняла своего Степаньку, он отвел мои руки, тогда я взяла его ноги и просидела до конца картины. Ужинали молча. Легли

спать, я говорю: «Обними меня крепко-крепко». Он обругал: «Бесишься, что ли, под старость лет?» Я говорю: «Не бешусь, а что-то чувствует мое сердце недоброе».

Так он и не обнял, а я отвернулась, наплакалась и уснула. На тридцатое выходной, можно бы полежать, понежиться, но он как проснулся, сразу встал и ушел. Одной лежать не хотелось. Я тоже встала, койку заправила, завтрак детям сготовила, они ушли на рыбалку. Я стала борщ варить и тушить картошку. Пришла мать, смотрит в глаза: «Ты что-то не здорова». Я говорю: «Нет мне покоя; где что меня ждет, не знаю». Она засмеялась: «Наплюй на все. Ты ела?» Отвечаю: «Нет». — «А что готовила?» — «Борщ и картошку». — «Давай позавтракаем. А где Степушка?» — «Колодец копает». — «А он ел?» — «Нет». — «Вкусный твой завтрак, а водки взяла? Ведь копать холодно». «Взяла». — «Пойдем позовем». Подошли, заглядываем, он кричит: «Уйдите, Чистяки, а то убить могу». Мать говорит: «Иди есть, там Санюшка наготовила вкусный завтрак». Он вылез, позвал соседа Федю. Позавтракали, но даже слова не сказал: хорошо или плохо. Федя благодарил от всего сердца. Они приехали с полгода назад, еще не могли обосноваться. Ушли снова. Я посуду перемыла, посидела с час. Нет, не сидится. Пошла к колодцу. Степан копает, я кричу: «вылезай, отдохни». Он вылез. Я подсела рядышком. Он смотрит мне в лицо и говорит: «Чего ты бесишься?» Я говорю: «Не знаю. Детей дома нет, а я себя не знаю куда деть». Посидели, он говорит: «Не бесись, иди домой, мне копать надо».

Я ушла, но места себе не находила. Наплакалась, умылась и снова пошла. Люди с улицы несли по рублю, и уже пятнадцать рублей стало. Я говорю: «Вы их поделите». Степан матерком: «Ни какой дележки». На деньги водки купили. Рядом с колодцем живут Гранитские муж с женой, у них детей не было. Ее звали Тася, а его Федор. Домик их рубленный и баня новая. Тася баню натопила, мужики уже спускали сруб. Степан говорит: «Неси чистое белье, а это в глине, унесешь». Я принесла белье, огурцы, яйца, молоко. Давайте, говорю, бабы, сделаем, чтоб вкусно было. А моего сослуживца жена учительница Мария Анисимовна Беляева, не очень ухаживала за Николаем Михайловичем. Ты, говорит, рада душу отдать, лишь бы Степану угодить. Что ж, все соседи видели нашу жизнь, как он пил и как я переживала. Что ж, говорю, такая уродилась.

Понесла я грязное белье домой. Пришли Томочка с дочерью Ниной, а мне зло на них: там Степану папирос надо, а они не уходят. Спрашиваю: вас накормить? Томочка говорит: одышимся и пойдем. Она была в положении. Их проводила, сама бегом к колодцу. Степа папиросы ждет. Уже сели за стол. Были

Мамонтовы, Иван и Надя, Подскребкин, дед с женой и их сын Володя. Был Николай Михайлович Беляев. Мы пили, ели, потом заиграла музыка. Я выскочила, пошла танцевать с Володей, а в это время Беляев говорит Степану: «Твоя Саша любит меня». Степан не обратил внимания на эти слова. Но Беляев не унимался: «Хочешь я тебе докажу?» Степан говорит: «Докажи». Вот Беляев кричит: «Саша, иди сюда». Я подошла, они сидят рядом. Беляев спрашивает: «Ты же любишь меня?» Я говорю: «Как же не любить начальника?» — «А если любишь, поцелуй!» Я безо всякого поцеловала его. Смотрю, Степан с лица сменился. Ну, думаю, натворила я делов. Я же не слышала их разговора. Это потом мне тетка Тасина рассказала. Стала звать Степана домой: «Степанька, пойдем. Тебе завтра с утра». Была я и сама сильно выпивши. Знаю, что пошли вместе, а очнулась в больнице. Рука забинтована, правый глаз открыть не могу. Спрашиваю, что дома? Няня говорит: «Муж в милиции, мать в леднике».

Прошу: «Я пойду домой». Она говорит: «Если сможете, идите». Посмотрела я на себя: лицо неузнаваемое, платье в крови засохшей. Хорошо, что было на мне пальто. Дошла до здания, где находился трест. Стоит автомашина. Спросила у водителя, куда он поедет, он сказал: в Кедровку. Я попросилась до Бороушинского переезда. Он открыл кабину. «И кто же вас так разукрасил?» Отвечаю: «Муж». — «А кто ваш муж?» Говорю: «Чистяков Степан Павлович». — «А он не сошел с ума?» Говорю: «Не знаю».

Сошла у переезда, ноги меня не несут. Один глаз, и в том темно. Напротив домика матери я упала на дрова, ревела, ревела. Соседи подошли. Не старались уговаривать, а ругали. Тебе мать его говорила: брось, уезжай, так ты боялась — пропадешь без Степаньки.

Вошла я в домик со словами: «Милая моя мамочка, да разве так мы с тобой жить планировали?» Но мама в леднике, стены молчат. Поплелась в свой дом. Кума Лиза и сестра Тамара уже пол домывали. Я реву, сестра ругается: «Донежила своего Степаньку. Погляди, на кого ты похожа! Все половики залиты твоей кровью, и стенку скоблить пришлось. Я прошла в зал и посмотрелась в зеркало. Правая сторона лица была черной, особенно глаз. Сняла окровавленное белье. Тело все в синяках. И как давнишний сон начал припоминаться. Вроде он бил меня, а потом я услышала: ложки загремели. У меня мелькнуло в голове: резать хочет. Я стала умолять его: „Бей руками, только не убивай. У нас с тобой двое детей. Меня схоронят, тебя посадят. Кому наши дети нужны?“ И я больше ничего вспомнить не могла. Ох, Степа! Что он думает сейчас?

Пришла подруга матери Надя Устьянцева, я ее попросила дойти со мной до стройотдела. Там когда-то мать работала, у Суворова. Я попросила его: „Михаил Демьянович, пожалуйста, схороните как нужно. Чтоб была музыка, полати над гробом и оградка. Что будет стоить, одумаюсь, оплачу“.

Сходила в сельпо, купила все, что надо. У меня поднялась температура. Рука распухла. Сестра вызвала скорую помощь и отправила на Северную в стационар. Перед отъездом я попросила Володю: „Сыночка, ты моя надежда в жизни. Будь умницей. Что бы ни случилось, береги Толю, ты побольше“. Он серьезно сказал, чтоб я выздоравливала и не беспокоилась. Через день пришла Томочка. Я говорю: „Был ли кто у Степана?“ Она даже с лица сменилась: „Да кому же он нужен, подлец этакий?! Сама на краю жизни и в последние минуты думаешь о нем. Ты о себе подумай и о детях, а о нем милиция подумает“. Мне так говорила, а сама взяла собрала поесть и папирос, фуфайку. Взяла с собой Володю. Он говорил мне потом: у отца на висках седина появилась.

Пролежала я десять дней, прошу врача, чтоб выписали. Говорю: дети одни. Дома хаос. Помаленьку убрала, что могла, голова кружится и рука резаная плохо разжимается, особенно безымянец. Сама не окрепла, а забота берет за Степана. Купила сухарей, сахару понесла. Там написано, что можно, что нельзя. Набрала всего по разрешению, принесла, говорят: рано беспокоишься, приходи двадцать первого августа.

Как тяжела эта передача, когда ее несешь домой!

Я была на больничном, собирала характеристики, ездила к следователю Гузик, просила ускорить дело. Время шло. Один раз пришла из поликлиники, дети говорят: „Вас звали к Масленцовым“. Я уже знала, что приехала сестра Катя с Володей. Иду, а слезы сами текут не морща. Опять борюсь с собой: кому нужны мои слезы, чего я раскисла?

Ветерок дул в лицо, и я успела успокоиться. Вошла к Томочке, они сидели за столом, я поздоровалась. Катюшка борется со слезами, у Володи тоже слезы навернулись. Я вроде не замечаю. Володя стал говорить, что Степан подлец. Я же доказывала, что я виновата: если бы не напилась, ничего бы не было. И что бы с ним не случилось, я никогда его не брошу, нигде. „Ох, и дура ты набитая, а я деньги занимал, ехал к ней, а она дурью мается“. Я говорю: „Вас не просила ехать“.

Там мы поговорили по душам. Назавтра прихожу, он спит. „Что же ты, зятек, ко мне приехал, а сам глаз не кажешь? Пойдем, хоть крылечко доделай“. Я в Кедровку съездила, возвращаюсь, а мой Володя уже докрашивает. Вот и слава Богу, крылец есть, осталось доделать баню и выкопать погреб. Катюша с Володей ни

одной ночи не ночевали у нас. Ну и Бог с ними! У Масленцовых есть выпивка, да и Василий дома.

В день их отъезда стала я проситься, чтобы довезли до города с передачей. Василий крикнул: „Куда я тебя, на кабину посажу?“ У меня подкатил к горлу ком, я боролась со слезами, но не хватило сил перебороть. Потекли они у меня в два ручья, горячие. Я ревела навзрыд. Опять думаю: кому же нужны мои слезы? Они мне не помогут. Перестала плакать, попрощалась и просила, чтобы маме сказали: у меня все хорошо.

Двадцать первого пошла в тюрьму, боялась, передачу не примут. Но когда принесли его роспись о получении, я обрадовалась. Шла домой и мысленно разговаривала с ним. „Что ты сейчас думаешь, клянешь или жалеешь? Но я в твоем преступлении не виновата. Как же ты мог поднять руку на родную мать? Ты был зверем и жаждал крови. Да, ты напился досыта. Я реву, реву день и ночь. Знаю, что я ничего хорошего от тебя не видела, а вот зла на тебя нет. Даже за такое издевательство я готова все простить. Взять детей и тебя. Снова жить вместе. Готовить вам, что повкуснее, одевать вас потеплее и встречать с радостью в глазах. Замечал ли ты это, не знаю, но мне очень хотелось, чтобы, уходя на работу, ты бы хоть поглядел ласково. Этого не было“.

Много раз я ходила с передачей и бельем, от себя отнимала, а ему носила.

А Володя на баяне играть научился. Володя играет, Толик поет. Мне и послушать хочется, и боюсь, чтоб дети слез моих не увидели. Я не хотела, чтоб они журились. Как они поведут себя в жизни? Отец никогда не говорил с ними о жизни, не спрашивал о их планах. Детям о нем хорошего и вспоминать нечего. Разве что вот это… Если они шли играть в футбол, то просили у меня денег, чтоб купить отцу бутылку, чтоб он с ними пошел. Они обыгрывали всех, а потом их обижали. Вот отец и охранял всю команду. Еще Вовку Нестерова возьмут для компании. Тогда ребята смело играют, не боятся.

Я уже стала работать. Приходит Сережа Масленцов, говорит: „Баба Маня приехала с тетей Полей“. А до Масленцовых от станции пять минут ходьбы. Выбрала я свободное время, пошла. Мама с причетом: „Чувствовало твое сердечко, только не сказало оно тебе, что ты такая горемычная“. Полина стоит, тоже плачет. Мама не унимается: „Почернела ты, как земля. Что же это он, зверь, наделал?“ Я уже малость одумалась. Говорю: „Мама, я же жива, что же вы меня оплакиваете?“ Она говорит: „Только слово, что ты жива“. — „Ничего, мамочка, живые кости мясом обрастут“.

Три дня они у меня прожили. Дай бог здоровья Полине: она

побелила и капусту резать помогла. Дети мои толкуют меж собой: „Тетя Поля лучше всех теток“. Оставила она им поговорку: „А чашку выпьете?“ Мама настряпала целый чемоданчик постряпушек. Она мне еще из Тайги выслала десять рублей на фуфайку Володе, а я передачу купила на эти деньги.

Сели мы вечером и стала я просить детей: „Выслушайте меня: что хорошо, а что плохо. Человека определяют по его выдержанности. Он прежде хорошо подумает, потом скажет, чтобы не обидеть словом друга или подругу. Эти качества вы должны в себе вырабатывать. Если один ругается, значит он расстроен или кем-то обижен. В это время другой должен смолчать, а когда тот успокоится, тогда можно и высказаться. Вы — дети особой семьи. Если что-то делаете плохо, сразу будут поминать отца: у них отец убиец. Вы сами должны себе завоевать авторитет среди малых, ровни и больших. Никогда не поддавайтесь панике. Время лечит человека от всех невзгод. Сейчас, может, вы не поймете, но будете постарше — вспомните. И умоляю вас, не стремитесь к спиртному. Из этого ничего хорошего не бывает. Водка приносит зло и горе“.

Сегодня уже двадцать седьмое октября, шестьдесят первый год. Я жду повестку. Что же Степану будет. Боюсь, расстрела не минует. Субботний день идет быстро, баню топишь, белье готовишь, полы моешь. Дети помылись, пошла сама. Намылась, поужинали и дети кино стали смотреть по телевизору, а я легла. На утро встала, наготовила борщ, толченку, напекла оладьи и вскипятила какао. Накормила своих сыночков. Они пошли к друзьям, а я белье гладить стала. Включила приемник, а там концерт, что за сердце берет.

Упала я на стол, наревелась досыта. Слышу, дверь в сенках скрипнула. Я скорее под умывальник — не хотела показывать детям своих слез, но детей не проведешь. Я еще гладила, потом стала звать детей к Масленцовым. Толяша говорит: „Меня не поманывает“.

Пошли с Володей. Я с Валерой повидалась, Володя с Сережей вырезки делали. Потом альбом глядели. Сережа кричит: „Мама, папа приехал“. Зная как он к нам отнесется, я позвала Володю домой. Василий разделся, и хоть бы слово спросил у Володи, а ведь он ему крестный! Эх, крестный! А Володе обидно показалось, он всю дорогу насвистывал. Я иду молча и думаю: „Если бы Сергей был на месте Володи, а Степан на месте Василия, он бы так не отнесся. Ладно, мои дети, переживем“.

В понедельник мне в день. Порожняка нет, нету и дел. Позвонила в гараж на Северную — Василий там механиком. Спрашиваю: „У тебя есть время со мной поговорить?“ — „Есть“. —

„Ты, — говорю, — прости меня, но вчера ты поступил не по-человечески. Мог бы спросить у Володи о занятиях или о проведении свободного времени“. — „Я, — говорит, — спешил“. — „Ладно, не будем лицемерить“. Я справлюсь сама. И не дам детям споткнуться». Трубку положила, опять реву. Но зачем я реву, надо беречь себя ради детей. Если что случится, детям будет худо, а дети одеты плохо. Володе надо москвичку — все ребята носят москвички. Володя ходит в стареньком пальто.

Ходила я к следователю Гузик, спрашивала: когда же суд? Она сказала: «Скоро. А если желаете видеть мужа, попросите у Масленцова машину, я поеду в тюрьму и вас возьму. Я была рада — я очень хотела видеть Степана и узнать, что он думает и что скажет мне.

У меня была сумка, я наготовила передачу. С Василием накануне договорилась, что я зайду в гараж, он даст автомашину, и я поеду к следователю. Зашла в гараж. Василий говорит: „Все машины ушли, но ты подожди в диспетчерской“. Просидела я до десяти, как на горячих углях. Вся искорежилась. Подошла машина. Василий сказал: „Поезжай с ней“.

Еду и опять переживаю: а вдруг нет следователя или не поедет. Она оказалась в кабинете. Собралась и поехали.

Зашли взяли пропуск. Когда подошли к воротам, она сказала, что сумки у нас возьмут. Я за пазуху положила котлеты, сало, мыло. Махорку она взяла. Вошли в тюрьму, у меня сердце сжалось. Коридор в полумраке и камеры. Воздух тяжелый, у меня все внутри колотилось.

Мы вошли в свободную комнату. Она меня предупредила, чтоб я не плакала. Привели Степана, он при такой встрече растерялся. Следователь сказала: „Садитесь“. Он сел, смотрит и молчит. Я подаю ему котлеты, сало, махорку. Сама боюсь заплакать, говорю: „Ешь“. Он отвечает: „Не хочу“. „За что ты меня бил и резал?“ Он говорит: „Я не знаю“. Рассказала, что достроила баню, выкопали погреб. Дети учатся хорошо. Слезы прячем друг от друга, но вижу, Степан меня не слушает, и когда следователь сказала: „Прощайтесь“, я поцеловала Степана. Губы его были холодные. Я не стеснялась, попросила: „Поцелуй меня“, а он так посмотрел, что у меня слезы потекли. Я поняла, что я ему не нужна. Он знает все мои переживания, а помочь даже словом не пожелал. Ничего я не поняла из этого свидания. Или он убит горем, или он жалеет, что не дорезал меня.

Из тюрьмы я вышла как пьяная. Доехали до Рудника, я села на трамвай, а Гузик поехала к себе. Получила деньги, сразу поехала домой. Я сильно устала. Дети ждали меня с нетерпением. Только вошла, Володя сразу: „Рассказывайте, видели папашу?“

Говорю: „Видела, мои родные. Отец просил, чтоб вы хорошо учились и меня во всем слушались“.

Рассказывала, что отец очень грустный, худой, чтоб сожаление у детей вызвать. А Степан словом не обмолвился о детях.

Володя взял баян, заиграл. У меня потекли слезы не морща, а в глазах сидел он — бледный, подавленный. Мне надо бороться с собой, иначе я могу тронуться.

Не один раз ездила в областной суд. Там сказали: раньше половины января не ждите. Заехала в предварительную кассу. Купила билеты на самолет. Полетим с Чистяковым, который в три раза моложе Степана. Толяша очень радовался. Володя остался за хозяина, с ним Толяша Клейменов. Елку нарядили красиво. Продукты я набрала, чтоб и Володя не обиделся.

В Тайгу прилетели, идем к маме. Толя спрашивает: „А баба меня знает, что мы к ней собрались?“ Я говорю: „Нет, сыночка, я не обещалась“.

Мама встретила нас со слезами. Как всегда, платьице на ней черное, фартучек цветастый и темный штапельный платок. Собрались встречать Новый год. Лиза с Федей, Поля с Женей, Катя с Володей, а Томочка с Василием не приехали.

Сели за стол, выпили, закусили и, как всегда, запели. Я хотела выйти из-за стола, но Лиза не пустила. Смотрю, у всех сестер заблестели глаза. У меня мелькнула мысль: что же я делаю, не даю людям встретить Новый год? Вытерла слезы и сама запела.

Пели все ранешние песни. Я все вспомнила, как мы были тут в последний раз со Степаном, где он сидел, как он маме подносил угощение, и каждую мелочь. Все проходило перед моими глазами не настоящее, а прошлое. Мы же пять лет собирались на Новый год вместе.

Я старалась быть веселой, не портила людям праздничного настроения. Мама приболела, видно, утомилась или остыла. Мы с Толяшей за ней ухаживали. Когда маме стало легче, мы решили лететь. Лиза пошла с нами на аэродром. Мама положила постряпушек и когда мы пошли, она смотрела в окно и махала рукой.

Прилетели в Кемерово, — мороз страшный. Какой-то шофер довез нас. Володя ждал не так нас, как гостинцев от бабы Мани.

Вот и конец отпуска, а суда все еще нет. Как-то во время дежурства позвонила я в областной суд. Мне ответили: суд состоится семнадцатого января в доме культуры шахты „Бутовской“. Значит, суд будет, как говорила Гузик, показательный. Разревелась я, как по покойнику. Одна себе,

никто не видит и не слышит (стрелочница чистила стрелки).

Зазвонил в телефон, звонила Томочка из школы. Я ей объяснила, когда суд, она по голосу поняла, что уже уревелась.

Смотрю, заходит. „Ты в панику не кидайся, суд все равно должен быть“. Я ей ответила, что я спокойна, но от ее глаз не скроешь. Вижу, что сестра задумалась. Я говорю: „Будем надеяться на лучшее. Вот дадут ли покормить его, сейчас так быстро“.

Завтра суд. Как боязно слышать это слово. Уже в третий раз. Попросила я Тамару, чтоб котлет постряпала, а тут Толя заболел. Пришла с дежурства, накормила детей. Толяшу попросила пить чай с медом. Дала аспирин и хорошо укрыла. Через два часа он весь вспотел, я его переодела, постелила чистую простынь. Володя спит и Толяша уснул. Я уже уснуть не смогла. Утром дети наелись, я чаю стакан выпила. Володя взял баян, заиграл: „Опять по пятницам пойдут свидания“ и т. д. Я ушла в спальню, упала на койку, дала волю своим слезам, чтоб хоть немного разрядиться. Дети сначала уговаривали, потом затихли. Встала я, оделась и пошла. Иду как на похороны.

В клубе народу полно. Кто-то крикнул: „Везут!“ Начался суд. Допрашивали свидетелей. Степан смотрел на Толяшу и плакал. Сделали перерыв. Я попросила охрану, чтоб его накормили, они передали ему поесть. Степан попросил, чтоб Володя сел поближе.

Когда Степану дали последнее слово, он махнул рукой и, сдерживая рыдания, сел. Но и сидя, ревел, не переставая. Когда зачитали приговор: расстрелять! — у меня потемнело в глазах. Я наверное бы упала, если бы не поддержала Тамара и соседка.

Боже мой, что же мне остается делать? Степа! Милый, вот ты стоишь перед моим глазами и, может, в последний раз. И как ты смотришь на меня?

Степан спросил: „Где твой защитник?“ Я говорю: „Ты же сам дал согласие защитнику Голузе. Она сказала, что была у тебя и ты ее просил“. Потом Степан сказал с таким злом: „Выстроилась, живи!“ Вроде, стройка его в тюрьму загнала.

Эх ты, Степа! Разве я смогу жить без тебя? Родной мой, я буду бороться за твою жизнь. Голуза просила двести рублей, чтоб она поехала в Москву защищать тебя. Я ей носила просьбу от себя и детей, чтоб приобщили к делу. Володя писал: „Если вы расстреляете отца, вы убьете мать, если же вы замените расстрел любым сроком, мать будет мучиться, но будет жить и нас учить“.

Голузу я сказала: вы сами влезли на суд Чистякова здесь, но в Москву поеду я сама.

Пошла я денег просить взаймы. Разводов дал сто рублей. Бульденко — двадцать рублей, Масленцовы — двадцать рублей.

Тайга выслала шестьдесят рублей, получки тридцать четыре рубля. Я ехала в Москву, не зная. на сколько времени. Детям набрала продуктов, а денег дала двадцать рублей.

На Казанском вокзале я встретила Гошину жену Дусю. Она из Тайги ехала через Москву на юг. Как же я обрадовалась ей. „Тебя, наверное, бог послал мне в проводники?“ Она смеется: „Я три часа уже здесь. Тебя жду“.

Поехали к Кузьминовым. Дуся часто бывает в Москве, а я первый раз. Она повела меня в метро. Если бы в обычное время, залюбоваться можно было красотой, но было не до этого. Ничего меня не радовало. На плечи давило горе. Клава, Васина жена, встретила хорошо. Вечером пришел мой двоюродный брат. Он работал в Министерстве внутренних дел, майор. Как всегда, спокойно обо всем расспросил. У них двухкомнатная квартира. Дочь и два сына, все хорошо воспитанные, хотя еще не очень взрослые. На завтра поехали с Клавой в Верховный суд. Спрашиваем: пришло или нет дело из Кемерово на Чистякова? Старушка отвечает: нет, не пришло.

И с тридцать первого января шестьдесят второго года я прожила до семнадцатого февраля. Дело пришло одиннадцатого, суд был семнадцатого. Я так же всю ночь уснуть не могла. Что ожидает меня в суде, я не знала.

Сготовила завтрак. Встала Клава, Вася и дети позавтракали. И вот мы идем с Клавой. Мне не хватает воздуху. В десять часов начался суд, а перед судом мы с Клавой вошли в туалет. Там одна евреечка спросила: на чей суд я приехала и что преступник сделал: Я ответила: суд моему мужу, он зарезал свою мать. Она сказала: за такое помилование не бывает. Эта женщина убила во мне последние силы. Я с большим трудом держала свои слезы. Когда спросили: „Кто по делу Чистякова?“ я встала, сказала: „Жена“. И слезы потекли по моему измученному лицу. Клава уговорила, и я вроде старалась, чтоб успокоиться, но не могла.

Судьи ушли на совещание. Вышли быстро, я стою, в глазах темно, и слышу: Решение Кемеровского областного суда — высшую меру наказания — заменить пятнадцатью годами лишения свободы.

Я обняла Клаву, целую и плачу и смеюсь, но эти слезы были от радости. Вышли из зала, я говорю, что я поеду домой. Клава позвонила Васе. Вася сказал: ни в коем случае. Идите в кино. Поедешь завтра. Смотрели кино цветное широкоэкранное „Человек-амфибия“. За все последнее время мне дышалось легко. Вечером я благодарила Васю. Если бы он не помог нанять защитника — Бородавкина Аркадия, моя поездка бы не спасла Степана.

Вася с Клавой проводили меня. Вася купил билет с плацкартом. Наказывал, чтоб я хоть раз в день ела борщ, а то, говорит, не доедешь. Когда я осталась одна и большое горе с плеч свалилось, я как проснулась: а как же там без меня дети? Ведь двадцать рублей — на двадцать дней!

В Кемерово я приехала двадцатого в шестнадцать тридцать. Добралась до поселка, смотрю, один мальчик бегом побежал в наш дом, а оттуда, как галчата, кинулись мне на встречу. Володя закричал: „Ну что, мама?“ Я его целую, говорю, что заменили пятнадцатью годами. Он облегченно вздохнул. Вот и хорошо. Толя подошел, прихрамывая. Видно, нога еще болела — он вывихнул без меня. Я целую Толяшу: „Да как же это ты, сыночка, ведь убиться мог!“ Он улыбается. Володя всем объявляет: папа будет жив.

Пришли соседи, кумовья. Мне с детьми хочется поговорить. Захожу в дом, вижу свекра, он приехал за три дня раньше меня. Я поздоровалась и заплакала: „Где же ты, папа, раньше был. Может, этого и не случилось бы!“ Он тоже плакал. Кто же, говорит, знал об этом. Стали вспоминать прошлое. Дети спрашивают, была ли я в метро, какая Москва, как судили отца без него.

Назавтра повезла теплые вещи в тюрьму, у меня их не взяли. Только сейчас до меня дошло, что я могла взять разрешение в Верховном суде. И опять стала переживать: вдруг не выдержат нервы у Степана. Я написали письмо в Москву, они молчат. Он же в смертной. Каждый стук отдается в сердце. Неужели он не осилит?

Сегодня двадцать четвертое марта. Я на смене. Толяша сказал, что пойдут в поход с ребятами, а поднялся мороз. Я переживаю за Толю — еще замерзнет. Запросился поезд. Я иду и пути не вижу. Что же это за наказание на мою голову? Пошла провожать поезд, смотрю — сыночка идет. Я меня сто пудов с плеч. Домой пришла, стала просить: ты, Толяша, не уходи из дому, я боюсь за тебя.

Назавтра пришел Разводов с требованием отдать деньги, а у меня их нет. Где-то надо занять. Пришло известие на посылку. Крестный Сергей Григорьевич побеспокоился обо мне. Пришла как-то с дежурства, мне подают письмо. Пишет кто-то: „Здравствуй, моя семья. Спешу сообщить, что я жив, здоров, того и вам желаю. Привет сыновьям и всем родным и знакомым. Я нахожусь на пересыльном пункте в Абагуре. Найдешь нужным, приезжай. Привези больше махорки. Продуктов больше пяти килограммов не вези. Напиши, как живет сестра Вера и как ее здоровье. Если есть у нее возможность, пусть приедет“.

Господи! Да за что на меня такое негодование? Он никак не

называет меня, на свидание зовет сестру, а я терзаю себя. Зверь ты, а не человек после этого. Володя говорит, что плакать не надо. Папаша считает, что его помиловали по его писанине.

Умылась, пошла на станцию. Начальника не нашла. Попросила Недвигину подежурить за меня. Пошла к Тамаре, подала это письмо. Она прочла и говорит: „какое твое решение?“ Я говорю: „Поеду“. — „Ну, где же твое человеческое сознание? Да разбуди же ты в себе самолюбие. Он же сестрой нуждается и о ее здоровье беспокоится. И пусть она едет к нему. Ты в долгах сама, а поедешь, еще двадцать выкинешь“.

Я хорошо понимала ее, она права и каждое слово говорила от сердца. Но я не могла не поехать. Она со слезами достала четыре рубля, подала мне.

Дома я скоренько собралась и в путь. Утром уже была в Новокузнецке. Нашла автобус в Абагур. Еще не было девяти, а я уже была в Абагуре. Слышу: перекличка за воротами, и вызвали моего. Думаю, может, не он. Подошла машина, открыла ворота — Степан в первом ряду стоит.

Вышел начальник, я стала просить, чтоб приняли передачу, но он не принял. Говорю: „Хоть махорку возьмите“. „Курево давай“. Я спросила: „Поговорить могу с Чистяковым?“ Он: „Разговаривай, пока оборудуют автомашину“. Говорю Степану: „Кто тебе помог написать это письмо? Эх ты, подлец, неужели мало тебе моего страдания? Знаешь ли ты кому обязан за свою жизнь?“ — „Я сам писал“. — „Эх, ты, писака! Я почти месяц в Москве прожила, все пороги оббила, детей на произвол бросила, а ты еще добиваешь недобитое здоровье. Я не знаю, что меня еще на ногах держит. Я в долгах по уши, вся измучилась, а ты меня по имени назвать не хочешь. Тебе сестра нужна, вот пускай она к тебе ездит. Мне таких писем не пиши. Не добивай меня, я еще нужна детям“.

Их повели. Я собрала свои пожитки, подалась снова в дорогу. Сейчас я свое недовольство выговорила и знаю: живой, даже не поседел. Вот натура! По приезду написала письма во все стороны, а у самой чувствуется какая-то усталость.

Утром вроде все прошло, я ушла на работу. Вспомнила, он говорил, что еще написал, я должна получить. Вечером Толя подал мне письмо. Пишет кто-то, а внизу роспись его. „Здравствуй, моя семья, сообщаю, на этот адрес не пишите, угоняют — куда, не знаю, с места напишу“.

С этим письмом еще мириться можно.

Назавтра у меня генеральная уборка и стирка. Дети ездили на дамбу рыбу ловить, приехали измученные. У меня баня готова. Они в баню, а пока я намылась, они уже спят. Соседи смотрят

телевизор. Попросила, чтобы выключили после картины да разбудили детей закрыться.

Получила письмо: он на плотине. Обработала свои смены, заранее, конечно, по договоренности. Поехала до Новокузнецка поездом, потом до Бородино автобусом, а там пешком.

Лес по обе стороны дороги. В лесу кукушка кукует. У охраны лагеря спросила: „Есть, нет Чистяков?“ Сказали: есть, но передача ему не положена. Я села, задумалась. Смотрю: Степан руками маячит: побреюсь, мол, помоюсь и приду. Меня провели в общую комнату.

Пришел майор, я подала заявление на свидание. Он поглядел на меня с ног до головы: „Стоит ли просить свидание с таким мужем?“ Я говорю: „Стоит“. Он покачал головой, подписал. Я поджарила колбасы, залила яйцами, согрела чай, и Степан зашел. И так держит себя, вроде вчера из дому. Поцеловал и сел за стол. Говорит: „Думал, не придешь“. Расспросил про детей, про дом, как я ехала и сколько могу побыть с ним. А потом сел у окна и смотрит в окно. А я снова переживаю: вот как скоро он нагляделся на меня.

Он, вроде, прочел мои мысли. Вздохнул, говорит: „Дай, я нагляжусь на свободу“. А вокруг такая красота, что ковер расшитый. Я его понимала. И все же было обидно, что на меня он мало внимания обращает. Я видела: за то, что я перенесла, он платит мне фальшивыми деньгами. Он уснул, а я смотрю и стараюсь запомнить все. Я начала понимать, что он не любит меня. Зачем я ехала к нему? Наклонилась к нему на грудь и разревелась. Он, не открывая глаз, сказал: „Я вижу, что пришел конец твоему терпению“.

Я пошла умылась. Он мне говорит: „Зачем хлопотала? Пускай бы расстреляли. Детям бы платили и ты бы себя не мучила. Ты стала что старуха — одни ребрышки и волосы, поседела“. Я улыбнулась: „Мне легче твоего живется, поэтому я такая стала“. Но, говорю, не обижайся, через год я приеду совсем другая». — «Что обижаться, живи как вздумаешь. Сама подумай — пятнадцать лет». А сам курит и курит. Потом говорит: «Что тебе подарить за первое свидание?» — «Не знаю». Он пошел в зону, принес резаную шкатулку. «Это тебе на память».

Утром не позавтракали. Он не сказал: «Возьми с собой хоть хлеба, когда еще доберешься». Все, что было, собрал и пошел. Там не хотели пропустить, потом пропустили.

Когда я вышла, он сидел у ворот за зоной. Помахал мне рукой. Я шла с тоской, что он в неволе и с обидой, что у него вместо сердца льда кусок, а у меня хватило тепла растопить этот лед. Я шла со слезами. Мое заключение: не я ему нужна была, а

передача. А тепла и ласки как от мужа я не видела. Только бы дожить до его освобождения, я бы ему перечить не стала. Пускай живет как пожелает. Я знаю одно: и жаркий костер погаснет, если не подложить в него дров.

Вот уже месяц, как я от него, а письма нет. Видно, очень беспокоится он по нас. А мне все тяжелее с детьми. Толя перешел в седьмой, Володя закончил десятый, их надо одеть и накормить. Иногда меж собой поссорятся, а для меня это болезнь.

Я им купила майки, помогала красить. Вся команда футбольная находилась у нас. Наварю чугун картошки с солью, нарву огурцов: ешьте, ребята! Так они с удовольствием едят. Не один футбол покупали. И не один праздник справляли у нас. Настряпаю, что могу, всю команду накормлю. Водки у нас не было. Зимой они играли в настольный теннис, шахматы, шашки. В карты Володя не разрешал играть. И все же много было мне с ними хлопот и переживаний.

Однажды готовила есть, слышу в зале шлепки. Я туда. Володя стоит у стола, Толя на диване с Разводовым Володей. Спрашиваю: «Что за шум?» Володя, не поворачиваясь, отвечает: «Нет никакого шума». Я крикнула со злом: «Что ж между вами происходит?» Володя обернулся и уже другим тоном ответил: «Успокойтесь, я Толе дал пощечину». «Как же ты можешь?» — я заплакала. Толя встал, говорит: «Мама, я заработал — мы с Мосей закурили (такое прозвище было у Володи Разводова). Вот и схлопотал. Я больше не буду. Только вы успокойтесь», — он обнял меня и я так обрадовалась его покорности. Вытерла слезы, прижала его к себе со словами: «Степушка ты мой номер два, только характер у тебя мамин. Я верю тебе, сыночка, что ты меня не обманешь и ссориться с Володей не будете».

Толяшу отправила в лагерь на два сезона. Володя ходил на рыбалку с Клейменовым Толей. Эта четверка была не разлучная: два Толи, два Володи. Одни постарше, вторые помладше.

Володя в институте учиться не хотел. Я просила по всякому. Он говорил: если пойду учиться, то на специальность. Отправил документы в город Киселевск — учиться на экскаваторщика. Когда пришел вызов, он заявил: «Я не поеду. Пойду на погрузку угля грузчиком».

Опять горе матери. Я старалась говорить спокойно, проводила примеры на соседях, у которых только рабочая сила. «Ты же грамотный, освой технику. Там можно учиться без отрыва. Грузчиком ты в любое время можешь стать». Вроде согласился. Пошла к Юре Устьянцеву, попросила костюм, отгладила, сказала, чтоб примерил. Господи, какой же он у меня красавец и совсем взрослый. Поехал автобусом в Киселевск, через два дня вернулся

со словами: «Набор окончен, но я документы не взял». Назавтра я поехала сама, по двум маршрутам. Завезу передачу Степану и к директору заеду на обратном пути.

Сказать легко, а сделать, да еще без денег очень трудно, но я уже привыкла ко всяким невзгодам. Приехала на автобусе, дальше надо идти пешком.

Иду, уже смеркается, а у меня нет никакого страха. Вокруг лес, трава. Я спешу чтоб захватить майора в лагере.

Вошла, стоит надзиратель. Подала заявление. Он быстренько сходил. Говорит: ждите.

В девять вечера пришел Степан. Сразу попросил закурить. Я уже не смолчала: «Разве так встречают жен? Мы не виделись три месяца». Он тогда схватил меня, посадил меня на колени и стал целовать. Когда я попросила, чтоб он поел, он сказал со словами: «Наверное, все понесешь домой». А я его уговорила: «Не умирай раньше времени». Он попросил денег, в которых я сама нуждалась как в воздухе. Но я дала ему десять рублей. Передачу приняли, и он расцвел в улыбке. Эх, Степа! Не с меня тянуть, а работать надо бы и мне помогать. Он об этом не беспокоился.

В третьем часу я приехала в Киселевск. Побывала в горно-техническом училище № 7. Договорилась с директором. Домой приехала в одиннадцать. Рассказала все Володе, легли спать. Утром проводила его в Киселевск на занятия.

Первое время он жил на частной квартире, я посылала деньги. Потом написала Васе в Москву и не знаю, кому он там писал, но Володина группа была обеспечена общежитием. Ребята собрались дружные, узнают про нагрузку на станции и в свободное время вагон грузят, денежки берегут. Потом покупают одинаковые сорочки, носки и все, что им надо было. Костюмы у них были форменные из темно-синего тонкого сукна и шинели. Кепки одинаковые. Первый раз приезжал, — как солнцем обогрел мою душу. Побыл два дня. На этот раз у них такая дружба восстановилась с братом, что и я помолодела вроде.

Жили мы с Толяшей вдвоем, но редко он спал один — все с дружком Разводовым. А на праздники они собрались всей командой. Володя писал часто. Клеймена после школы пошел в шахту работать. Я с долгами рассчиталась, собрала восемьдесят рублей, послала Володе на москвичку. Он написал: «Купил за семьдесят четыре. Основное есть, в чем выйти». Ведь он уже взрослый. Уже год проучился. Подходят праздники, я готовлюсь, жду его. Толя в школе, я стираю, смотрю: заходит и не один. Меня как обварило чем. Стою, смотрю то на него, то на девочку. Он подошел, поцеловал меня: «Знакомьтесь, — это моя подруга». Мы познакомились. Я помогла ей раздеться, а сама не могла

успокоиться. Знала я, что сын взрослый, но не думала, что так обернется. Накормила их, Володя лег на диван, в зал, а Мария в детской на Володину койку.

Пришел Толяша. Сразу на Марию: «Это кто?» Я говорю: «Тише, Володя в зале спит». Он туда, и пошел у них разговор. К этому и Мария проснулась. Шутки, смех на весь дом. «Так вот ты какой Харитоша, — Мария говорит Толе. — Много о тебе Володя рассказывал».

Быстро прошли эти денечки. Володю с Марией проводили, сами опять остались с Толяшей. Толе тяжело давалась алгебра. Я сходила к Райковой Наде, однокласснице его, попросила помочь Толяше. Она согласилась. Стали заниматься вместе, мой сынок исправился. Но мать Нади не хотела, чтобы ее дочь дружила с Толяшей.

Поступила в институт дочь Полины — Томочка. Стали они дружить четверо. Надя с Томочкой, Толя с Володей.

Толя восьмой класс закончил, поступил в городское профессиональное училище № 65. Там учили на арматурщика, бетонщика, сварщика. Было там общежитие, но Толя попросился найти квартиру. Поехали мы с ним в Кировский и устроила я его поблизости от училища.

Учился он хорошо. Через три месяца я получила письмо с благодарностью за воспитание сына. Домой он приезжал на выходной и если при встрече с Надей у них грубость, он приходил домой печальный. Я сразу вижу, что его обидела Надя. Начинаю искать подход. Беру карты вроде, на отца ворожу, потом зову Толяшу. Давай, сыночка, тебе сгадаю. И начинаю: «Вот у тебя сердечная печаль, только она пустая, подружишься ты с девочкой очень скоро, и будут тебе радость и веселье». Он смотрит мне в глаза: не смеюсь ли я, потом подымает меня со стулом и крутит вокруг себя. Смотрю, повеселеет. Провожу, уговариваю: «Не печалься, Толяша, приедешь на выходной, сам увидишь, что карты не врут». Пока эта неделя идет, я прошу племянницу, чтоб поговорила с Надей, пусть не обижает Толяшу.

Приходит он на выходной, я ему белую сорочку наглажу. Костюм на нем красивый и сам он крепкого сложения парень. Надя училась в девятом классе. Он знал, когда кончаются уроки, идет встречать ее. Пока идут с Бутовки до ее дома, он наговорится и такой делается радостный. Забежит домой, схватит меня и крутит на своих руках, как ребенка. «Мамулечка, карты правду сказали». Потом он стал писать дневник. Я знала, что он сильно любит Надю, а я знала и то, что она не любит его.

Так шло время. Летом приехал Володя, Толя был дома. Попросил Масленцова, чтоб он свозил нас к отцу на свидание. Он

сказал: нет такой возможности. Мы поехали втроем.

Отец был на плотине. Дали нам свидание. Смотрит он на своих сынов, а слезы текут по щекам. Не знаю, что он думал в это время. Утерся платком, поцеловал Володю, потом Толю, тогда меня. Я уже готовила что поесть. Дети с утра в рот ничего не брали. Сели за стол по-домашнему, можно сказать.

Утром мы поехали. Отец, конечно, остался. Дорогой Володя сказал: «Батя стал меньше и сутулый». Я помолчала, а потом ответила: «Чтобы ходить всегда не ссутулившись, нужно жить справедливо и не попадать в неволю. Там стены на него давят. Видите, как он обрадовался, увидя вас. Он подумал, что вы никогда не поедете к нему. И он прав; если бы вы сами не попросили, мы бы не поехали».

Приехали домой, там ребята ждали. Сколько у них вопросов к Володе. Он, как старший и бывший их капитан команды, отвечал на все вопросы, а я уже готовила угощение. Володя учился последний год, но все так же не пил спиртного и не курил.

Однажды Степан позвал меня на личное свидание на трое суток. Дети уже учились. Володе написала, что на обратном пути заеду. Еды взяла много, считала, что хватит отцу и сыну. Но отец в последнюю ночь все унес в зону. Приехала с печалью. Сошла в Киселевске. Нашла автобус «пятерку». Поехала к сыну. Отыскала училище.

Володя с ребятами футбол гонял. Увидел, бежит, а у меня и губы пересохли. Я уже с ходу говорю: «Прости, сыночка, отец все унес в зону». Он говорит: «Не расстраивайтесь, мы сейчас в гости пойдем. И повел меня к Марийке. Там встретили хорошо. У Марии одна мать. Посидели, я говорю: „Пойдем, сынок, ты в школу, я на станцию“. Они нас уговорили остаться. Мать постелила нам с ней, а Марийка легли с Володей. Расстроилась я совсем. Он же учится, не кончал и свету божьего не видел. Ведь легли двое — будет третий.

Утром мы ушли. Володя на занятия, я на автобус. Приехала домой, Толяше рассказываю, он с улыбочкой: „В этом нет ничего особенного“. „Так ведь в армию пойдет“. „Ничего, теща прокормит. Из армии вернется, и короед встречать будет“. — „Тебе шутки, а мне хоть реви“.

Я вскоре получила от Володи письмо: что он, мол, женится и оставит Маринку у меня. Я на это не дала согласие. Ответила: „Я не могу содержать ее. Пускай она живет у матери. Дождет тебя, возьмешь, а не дождет — еще найдешь“. Он обиделся.

После окончания ему дали путевку на берег Черного моря, в дом отдыха. Нужны туфли, в магазине их не было. Пошла к сестре просить — ведь Василий, крестный. Та засмеялась: ругать будет.

Я ушла. Володя поехал в кедах и взял плетенки.

Приехал загорелый, поправился и только день побыл. Мне говорит: „На практику надо“. Там ему Марийка вечер проводов устраивала. Ему еще в армию. Вскоре домой приехал на двое суток. Меня свалил радикулит. Обцеловала я его все лицо. Марийка смотрит, а у меня зло на Марийку. Если бы не она, он мог бы поступать на Кедровский разрез, и я бы видела его. Но ее все же поцеловала.

Они уехали, а меня свалил радикулит. я добилась путевку в Ягуновский профилакторий. Принимала грязевую ванну и хвойную, но грызло в правом паху и болела правая нога. Только и покоя, пока правая грязь лежит. Болела я и раньше, но бывало, ляжешь и боль затихнет. А тут ни дня, ни ночи. Люди в кино, а я реву. А то у дежурной сестры попрошу ключ, горячей воды налью в ванну и сажусь. Пока сижу, затихнет, встану — опять грызет. Значит, это не радикулит, думаю себе.

Кто-то сказал врачу, он пришел в палату. „Чистякова, вы не поправляетесь, а худеете“. Я заплакала. Говорю, что нет покоя, день и ночь грызет в паху, а боль отдает до пятки. Он спросил, где живу и с кем живу. Я рассказала. Он пообещал, что мне будут носить лекарство и на ночь таблетки. Будет вам легче, только не доводите себя до крайности. Путевка шестнадцать рублей, приезжайте через год». Стала принимать лекарство дополнительно к ваннам. Боль стала стихать.

Домой приехала, совсем забыла про радикулит.

Володя из армии письма шлет, часто. Толя тоже скоро кончает и тоже пойдет на практику. С дипломом ему подарили будильник за хорошую учебу и поведение. Оформился он в РСУ — бетонщиком, арматурщиком. Сам-то здоровый, а такой тяжести не видел. Смотрю, у него руки опухшие. Я стала беспокоиться. Говорю: «Сходи-ка, сын, в военкомат, попроси повестку на расчет и пойдешь учиться на шофера». Я знала, что он сильно любит автомашину. Он сходил, но там попросили, чтобы принес от меня письмо, что я могу обеспечить сына без зарплаты. Я, конечно, написала. Поступил Толя на курсы шоферов и с радостью бежит туда. Наш сосед работал шофером — Володя Малышкин. Толя привязался к нему, все расспрашивает, просит проехать. Их дружбе не было конца. Поехал Малышкин на Кролики, и Толя с ним. Тот напился, заехал в грязь и не может вылезти. Малышкин лег спать, а Толя сам выехал из грязи. А я все глаза проглядела. Я знала, что у Вовки там подруга, но не подумала, что он напьется. Подъехали к дому, я со слезами. Толя переоделся и в военкомат. Вовка довез его до поворота «шахта „Северная“», а там автобусы ходят. Толя говорил потом: «Вовремя приехал».

Однажды пошел он к Разводову Володе. И все не возвращается. Хоть и короткая летняя ночь, но мне места нет в постели. Встала, время два часа. Иду в школьный сад. Смотрю под каждым деревом: нет ли моего Толяши. Я уже реву, бегу к Разводовым. Он спит с Володей, а постель с грязи лопается. Я заплакала: «Что ж ты мой сыночка, выгнатый, что ли? или спать тебе негде? или постель мать не обходила? Я все кусты в школе облазила, думала, тебя убили». Он соскочил обнял меня: «Мамулечка, простите, мы долго сидели и считали, что вы спите. И я решил не тревожить ваш сон».

Пошли домой, я попросила: «Не делай этого, Толяша. Если ты где-то задержался, так накажи с людьми, и я буду спокойна».

Я Толе говорю, что костюм купить надо, а то в армию пойдешь — не поносишь. Он отвечает: «Если я в армию пойду, то после армии мне все малое будет. Давайте закажем брюки в пошивочную и купим плащ, рубашки у меня есть. А вернусь тогда купим новое».

Так и сделали. Любил он чистенько ходить и был аккуратный. Как-то дождик шел. Клеймеше Толя забежал, попросил плащ. Толя ему подал, а потом через неделю пошла к ним. Он уже рукав оторвал. С кем-то дрался. Взяла, зашила. «Вот, мой сынок, ты бережешь, а люди пакость тебе делают». Он посмотрел, говорит: «Незаметно — походим, не долго осталось».

Что бы он не делал, все с песнями. То поет, то насвистывает. Любимая его песня «Ох, умру я, умру я похоронят меня и родные не узнают, где могила моя». Я сколько раз слышала, а на этот раз подошла. «Скажи, мой сыночек, где же ты умирать собираешься? Неужто мы не узнаем?» Он улыбнулся: «На все-то вы обращаете внимание. Просто это песня».

Толя уже шофер, его послали в Белово в командировку с автомашиной. Ему пришла повестка явиться в райвоенкомат. Я позвонила в автобазу. Его отозвали. Пошел в военкомат, ему сказали: «Получай расчет, через двенадцать дней возьмем». Получил расчет.

У меня был отпуск. Мы с Толей поехали в Тайгу. Сходили к моей маме. Заночевали у сестры Поли, сходили на могилку племянника. Толя еще говорил: «Рано ты, братеня, лег». Мы сфотографировались там. Вернулись домой, уже срок пришел. Он пошел в военкомат, там говорят: «Придет старший брат, тогда возьмем». Он с обидой: «Мама не против, я пойду со своим годом». Говорят: «Неси от матери ее согласие». Пришел, уговаривает. Написала я, что не возражаю. Ему сказали: «Жди, вызовем».

И пришла повестка тринадцатого августа 1967 года явиться в

полной готовности. У Толяши уже отросли волосы, я говорю: надо остричь. Он говорит: опять вернут. Собрала я соседей, угощаю, а сама реву. Он подошел, смотрит своими открытыми глазами и с такой обидой: «Разве я в заключение иду, или воровать собрался? Я же иду выполнять свой долг. Вы же глупая, должны это понимать».

Я поцеловала его в щечку с мягким пушком. Он еще не брился. Сидели долго, потом Толя ушел к Наде.

Утром позавтракали и пошли на автобус. Приехали в военкомат. Там сказали: «Кто желает проводить, езжайте на вокзал». Нас было много. Приехали и долго ждали. Смотрим, идут и с песнями. Пока были далеко, я плакала, а как стали подходить, я утерлась и старалась держаться, чтоб не нервничать и не расстраивать его.

Дали команду попрощаться с провожающими. Он подошел и такой радостный: «Мамуля, милая, ведь я действительно поехал?» Я просила писать: «Помни, как мы ждали Володины письма. Так хоть ты был со мной. А сейчас я совсем одна». Он попросил не плакать, а взять путевку по возможности и подлечиться.

Поезд тронулся, он кричит: «Я поехал!» Я кричу: «Счастливо!» и больше сказать ничего не смогла, заревела навзрыд. Володя Разводов уговаривал, но я ревела, пока не выплакалась тогда. Пошла домой. Первые дни старалась больше быть в огороде.

Уже не плакала. Вспоминала, как он смотрел, когда я плакала. Решила: буду ждать писем.

Первое письмо пришло с Алтайского края. Их отправили на уборочную. Задумала я купить что-нибудь Володе, а на производстве путевка в санаторий горела. Меня вызвали и предложили: «Езжай в Усолье Сибирское, дом не убежит, оставь старушку и езжай». Восьмого октября я уже была в санатории. Весь сезон был хороший. Ни одного мороза. Дома остались племянница и друг Толяши. Получала письма от детей и из дому. Я никогда не отдыхала так. Ничего меня сильно не волновало. Я знала: Володя еще месяца два будет служить. Я от его командования получила благодарность за воспитание. Он был отличником.

Время шло быстро. Вот и 7 Ноября отпраздновали. Я работала. Смотрю, идут письма на Володю, а его дома все нет. Вот я к соседке: что мне думать? Та сразу: «Наверное у Марийки, а ты ревешь. Не реви, на днях приедет».

И точно. Вскоре появился. У меня и радость, и обида. Он сказал: «Много ребят было из Новокузнецка, поэтому я поехал туда». Форму снял со словами: «Надену, если еще вызовут». Я смотрю с недоумением. Он объяснил: «Я офицер запаса. Могут

вызвать в крайности». Назавтра поехали в город, купили ему новый костюм, сорочки, а москвичку, сказал, поношу.

Я рада, что в доме не одна, а сын ходит мрачный. Не радует его ничего. Смотрю на него и без слов понимаю, что он уедет, а все же спрашиваю: «Куда думаешь на работу?» Вижу, что он места себе не находит. Он отвечает: «По-моему, вам понятно, что я здесь, а сердце мое там». «Так ты хорошо обдумай, ведь поедешь в чужую квартиру». — «Я заработаю свою». «А может, это временное увлечение? Смотри, сынок, не ошибись. Ты еще жизни не видел. Устройся, на Кедровский разрез. Походи, покрасуйся, а потом женишься». — «Милая мама, знаю, что не желаете мне плохого, но я не могу без нее». — «Тогда езжай, не томи свое сердце».

Он уехал, а мне снова места мало в доме: вроде я его проводила в бездну. Сестренка Тамара в выходной стала меня убеждать, что рано или поздно это должно быть. Я говорю: «Знаю, но чувствует мое сердце, не любовь потянула его туда, а сила какая-то».

Вскоре получила письмо с приглашением на свадьбу, Зная, что я все деньги на него потратила, он пишет: «С вас ничего не надо, но привезите баян».

Я пошла к сестре, она отказалась ехать. Поехала со мной племянница Тамара Евгеньевна. И, честно говорю, ехала я не на радость, а на горе. Плакала я горькими слезами. Моя кровиночка свадьбу играет в чужой квартире и среди чужих мне людей.

Еще горше стало, когда я услышала, как Марийка говорила своей крестной, что она в положении. Я поняла: вот почему спешила Марийка со свадьбой. И на вечеру рассказала одна особа, что ребенок будет не от Володи. Опять борюсь с собой. Лишь бы жили хорошо. Ребенок не помеха.

Володя вскоре пришел в отпуск. Мария в декрет. Приехали погостить, я написала Степану: приедем всей семьей.

Тридцатого июня 1968 года пошла с обеда на работу и сижу на улице с девчатами около лебедок. И вдруг заплакала. Они с недоумением: «Чего ты ревешь? Сын с женой в гости приехали, а ты уливаешься горькими слезами». Я говорю: «Девчонки, я сама не знаю, что со мной, но рвется сердце, сил нет. Сбегаю к сестре — уж не случилось ли там что?» Прибежала к Масленцовым — там Володя и Мария. Томочка стол накрывает. Володя сразу подошел с вопросом: «Что случилось?» Я говорю: «Не знаю, что случилось. Я места не нахожу». Побыла минут десять, побежала на работу. Вечером я пришла в двенадцать, они лежали. Я села на край койки к Володе, и мы наверное, часа два вспоминали Толяшу. Потом я их поцеловала, пошла к себе в спальню. Еще долго не могла уснуть. И вроде только задремала, как будильник

зазвенел: мне с утра. Я написала, где что лежит, чтоб они готовили и ели. Началась погрузка, я пошла на ленту.

В десять часов утра приходит слесарь Митя Малышкин: «Иди переоденься, поедешь в управление». Я с утра была как больная, а тут вовсе расстроилась, что-то неладно. Пошла в мойку, быстро помылась и чуть не бегом в управление. А навстречу Гоша Бородин, муж моей няньки Вали. Она с Толей водилась. Он издалека кричит: «Ефимовна, правда, Степан погиб?» Я остановилась: «Ты что, Гоша, ведь этим не шутят». Он, наверное, напугался, что я сразу побледнела, нет, говорит, я не знаю. Я кинулась в раскомандировку. Вижу, там Володя, Мария, Тамара. А погиб-то не Степан, а Толяша.

Обняла я Володю, реву на всю головушку: «Да что же это за напасть божья? Да за что же мне такое наказание? Чувствовало мое сердечушко, но не сказало, что такое горе великое на меня обрушится. Видно, Володя заставил сестру сделать укол. Я перестала плакать, попросила телеграмму, прочла ее. Сказала Володе с Марией чтоб они домой шли, а мы с сестрой пошли на почту. Отбили телеграмму, чтоб ждали: выезжаем. Ильвес по селектору попросил начальника управления Полетаева, чтоб приготовили полторы сотни денег. Приехал к нам домой на мотоцикле, повез нас в райвоенкомат. Там нам дали отношение на билеты и позвонили в аэропорт. Ответили: на четыре часа будет красноярский самолет. Нас Яков Мартынович Ильвес привез домой. Мария в доме не осталась, пошла к Масленцовым, а мы поехали с Володей.

В Красноярске сидели часа три. Народу уйма, но нас отправили. Пока я сидела, все передумала. Может, он из-за подружки себя угробил. Он писал дневник и прятал под постель, а я читала его. Он писал: „Если Надя мне изменит, я жить не буду“. Тогда Надя вышла замуж. Мы боялись ему написать, а племянница Тамара Федькина сразу написала ему. Когда я стала его утешать: мол, в жизни все бывает и, может, Надя не дождет его, он мне ответил: „Мамулечка, родная, я давно все знаю, но я ей могу пожелать побольше иметь короедов и счастья в жизни“. Похвалил Тамару за то, что она одна не побоялась сказать правду. А вы, мол, с другом Володей умалчивали да и брат тоже молчал.

Я подумала: если это самоубийство, я не стану его жалеть. А все это было от уколов: они мне наставили уколов и пить что-то давали.

Объявили посадку на Борзянской, мы пошли. Прилетели на аэродром Борзя-2. Спросили, куда нам идти, чтоб попасть в военную часть. Нам показали. Володя спросил, где найти кого. Боец пошел и вернулся с майором. Познакомились, он провел нас

в свободную комнату. Сразу объяснил, что Толя в морге за сорок километров. Привезут завтра и хоронить будут завтра.

Я ревела, слушая их разговор. Потом спросила: „Скажите, это не самоубийство?“ Майор, не задумываясь, ответил: „Нет, мамаша, это несчастный случай“. Оказывается, упал подъемный кран, на котором работал Толяша. Они с Володей ушли, а я представила себе гроб с моей кровиночкой. Упала я на койку, уткнулась лицом в подушку и шепчу: „Толенька, радость ты моя, да где же ты лежишь, мой ненаглядушка?“ Заскрипела дверь, вошла жена майора Маша. Я села, она уговаривает: надо брать себя в руки. Хоть убейся, а его не поднять. Она говорила, а я молчала, слезы текли не унимаясь.

Маша ушла, пришел Володя, и Беец, ужин принес. Я говорю: „Не хочу“. Володя говорит: „Вы не будете есть, и я не притронусь“. Делать нечего, знаю, что с десяти утра у нас с ним во рту ничего не было. Маленько поели, я говорю: „Володя, повезем в Кемерово“.

А жара стояла безбожная. Сын сел ко мне, положил руку на плечо: „Зачем же? Жарко“. Я согласилась.

Назавтра привезли Толика уже в гробу. Поставили в клуб и только тогда позвали нас. Стоял почетный караул. Володя обнял меня, уговаривает: „Крепись, мама“.

Да где же взять этой крепости? Сыночка ты моя родненькая! Да куда же ты собрался-то? Да что же ты мамулечку не встречаешь? И за что же ты так разобиделся? Ох, сковала тебя смерть лиха, обняла моего сокола. Сбылися песни твои грустные. Как же я боялась потерять тебя! Забрала тебя бабулечка. Она во сне мне сказала, а я думала — забудет про обещанное. И вот она взяла тебя. Меня нисколько не пожалели. Только что расцвел во весь свой цвет — и сорвали, в землю бросили. Да кого же я встречать буду? Как же я жить должна, родной ты мой? Почему же жизнь такая не справедливая?»

Ко мне подошли майор и Володя, отвели от гроба. Я реву, они держат.

Бойцы вывели гроб, поставили на табуретки. Кто оставался здесь, попрощались. Музыка заиграла. Бойцы подняли гроб и понесли. Мы с Володей шли за гробом с одной стороны, со второй — Маша, жена майора. Прошли селение, машина остановилась. Мы с Володей сели к гробу, Я ревела не смолкая. Просила, чтоб он хоть пальчиком пошевелил. Вспомнила, что он меня на руках носил. Сыночка милый, куда же тебя везут? Сколько много у тебя друзей. Никогда ты не молчал средь нас, а сейчас никто не мил тебе. Почему же сердце терпит, ведь ему давно разорваться надо бы.

Поехали в часть. Помыли руки и в столовой сделали поминки. Бойцам по сто граммов, Володе — двести. Майор встал со словами: «Бойцам пить спиртное запрещено, но в настоящее время эти сто грамм вас не опьянят. Вы видели, как мать страдает по сыну, помните о своих матерях. Берегите себя, на радость родителям и родине. Давайте помянем Анатолия. Вечная ему память».

Все выпили, стали есть, а у меня комок в горле. Маша заставила меня выпить, она знала, что мы с вечера ничего не ели. Она говорила что надо себя поберечь ради оставшегося сына.

Чтоб занять себя дома делом, я попросила Масленцова: «Ты ездишь за поросятами. Привези мне двух». Он привез трех по пять рублей. Два ничего, третий запоносил. Потом его припадком бить стало.

Я попросила Витю Швекова, чтоб заколол. Он с испугом: «Что вы, тетя Шура, я в жизни не колол». Я говорю: «Поросеночек месячный и так мучается». Он пришел, поглядел и засмеялся: «Я-то думал, здесь боров, а здесь мышонок». Он поросенка заколол, я обделала. Потом суп сварила. Два другие стали расти хорошо. У меня забота появилась.

Вырастила я их и увезла мясо Володе. Носила мясо старичкам Крекеевым, Тарасовой старушке, Гутниковой старушке. Дома наготовлю что-нибудь вкусненькое и жду: хоть бы кто пришел, чтоб мне угостить.

К Степану мы отправились всей семьей. На грузовой автомашине. Василий взял путевку. И вот едем: Василий, Тамара, Валера Масленцовы, я, Володя, Мария и дядя Федя Малышкин. Сидел Степан в лагере «Новый свет». Столько родственников не положено, но ввиду несчастного случая нас пустили всех.

Степан не знал Валеру и Марию. Разговаривали больше с Василием и с Володей. Есть ничего не стал. Спасибо, конвоир разрешил передачу. От этого свидания остался очень доволен дядя Федя. Он говорил: «Я думал, что расстрелян, а ты ездишь к матери, а говоришь — к Степану».

Потом сколько я ни ездила на свидания, дядя Федя ночевал в моем доме. Часто ходила ко мне Ефросинья Михайловна Тарасова. Иногда и ночует, а я рада: все не одна. Приезжали Володя с Марией за викторией. На день рождения выслали мне ковер за двадцать четыре рубля. Неля у них родилась двенадцатого августа. Девочка хорошая, но Володиного в ней ничего нет. Значит, мне говорили на свадьбе правду.

Раньше думала: «У Володи так получилось, Толяша так не сделает, он порадует меня». И вот все перевернулось. Я опять пишу стихи, чтобы утешить себя.

«Младший в землю ушел раньше времени
Его армия навек взяла.
Но, а старший что думает сыночка
Иль плохой для него я была?
Сыновья мои взрослые, сыночки
Как же маме сейчас тяжело.
Одиночество полное, тяжкое
Не желаю познать вам его.
Только сердце бушует обидою
Как же смеют меня позабыть
Младший может во сне попроведует,
А старший наяву погостит».

Напишу вроде с кем поделюсь. Малость поделюсь. Малость полегче. И опять живешь.

Мучили меня поездки к мужу. Он имел вторую группу. Работать его не заставляли, а руки его золотые. То побелит, то покрасит, ему предоставляют личное свидание, а мне надо умолять начальника, чтоб разрешила подмениться, а потом просить дежурных. Всякий раз лезешь в глаза, умоляешь. Таня Надвигина осердилась на Степана. Говорит: «Чтоб он подох там, ведь ты только на него работаешь». Одна Воротынцева не ругалась. Только скажет: «Когда подменить?» До чего же добрая душа у человека! Видит по глазам, что у человека горе и с каждым побеседует. Она меня меняла, и живет на поселке Крутой. Видит, что я маршрут выдала, звонит: «Ефимовна, идите домой, я приду». А я боюсь: вдруг кто из управления позвонит. Придет и отругает.

Володя все реже появлялся в своем доме. Теща его очень хвалила. Рассказывала, что Марийка пеленки не стирает, ее рвет. Володя стирает или она. Это меня еще больше огорчило. Приехали они под Новый год. Одни — Нелю оставили со сватьей. Вечером мы гадали на блюдечко.

Назавтра я раненько сготовила завтрак, встали мои гости в десятом часу, и пришла сестра Тамара с Василием. Я их раздела, сели за стол. Василий ставит поллитру, попросил стаканы. Я подала, он всем налил: мы выпили и еще закусить не успели, как Марийка Володю зовет в Кемерово. Он говорит: «Съездим позднее, давай посидим с родственниками — мы не часто к ним ездим». Она вскочила из-за стола, стала плакать.

Василий с Томочкой ушли, Нина пыталась уговорить Марийку, та ее не слушала. Она кричала на весь дом, у меня лопнуло терпение. Я вошла в детскую со словами: «Чего ты

хнычешь? Кто тебя обидел?» Она со злом: «Вы обидели, вам лишь бы пить, у вас нет больше никакого интереса в жизни».

Я старалась говорить спокойно: «Если мы выпили, так ведь и ты столько же выпила, значит, и ты таких интересов. И что здесь особого? У меня в гостях сын, сноха, сестра, зять, племянница. И ты упрекаешь нас в пьянстве? А город в любое время можете объехать».

Нина ушла, Марийка стала собираться. Володя ее раздевает, она его ударила сапогом. Кричит: «Я ненавижу вас как гадов». Я тоже со злом крикнула: «Зачем шла сюда, если здесь гады? Тебя я не звала. Володя, не держи ее, пускай едет».

Она оделась, хлопнула дверью и ушла. Володя подошел к столу, налил водки, выпил, поел и меня заставляет ужинать. Но разве можно есть, когда руки трясутся от такой картины?!

Володя лег. Я убежала со стола и говорила: что жизнь твоя будет не в радость, а в переживании. Она тебя бьет, а ты ее уговариваешь. Только легла, слышу, стучит. Володя задремал, я его разбудила: иди, говорю, наверное, она. Сама снова ушла к себе и легла. Слышу, говорит: «Я замерзла». Он ей подал блюдо с горячей водой, подал чаю с медом. Слышу, спрашивает: «Где мать?» Он отвечает: «Спит». А где же уснет мать, когда видит сына вместо тряпки.

Назавтра их проводила и сама пошла на работу.

Погрузки угля не было и выгрузки тоже. На Бутовке грузили. Я паровоз отправила на шахту. Стала писать письма. В первую очередь маме написала, рассказала как встретили Новый год. Потом месяца два письма от Володи не было. Я не знала, что думать.

Меня выбрали заседателем в Рудничный нарсуд. Пришла повестка. Я поехала. Заседала с Капитолиной Степановной Табаровской. Она очень хорошая и по внешности и по характеру. Приехала домой — лежит телеграмма: «Приезжай — будет поздно». Господи, да за что же мне такое наказание? Хорошо, назавтра выходной.

Поехала в Киселевск. Иду, а ноги подкашиваются. Спросила, в каком подъезде Чистяковы, мне показали (Володя уже получил квартиру). Захожу: Володя стоит. Обняла я его и заплакала. Он ничего не поймет, спрашивает, что случилось? Я говорю: думала, живого нет. Подала телеграмму. «И как же ты можешь поступать, Мария Федоровна?» «Ведь, — говорит он, — мама и без наших проделок убита». — «Я все расскажу», — говорит Марийка.

Я попросила поесть — со вчерашнего у меня во рту ничего не было. Они вместе накрыли стол, сели все.

Поели, говорю: «Давай рассказывай». «Володька получил с

бригадой премию и напился, даже дома не ночевал». — «И все?» — «А разве этого мало?» — «Чтобы так взволновать мать, мало этого». Марийка уже со злом: «Для тебя мало, а для меня много. Как тебя воспитали, так пускай любуются». Я после этих слов не стерпела: «Смотри, какой твой муж пьянчужка — у вас квартира обставлена, как у большого начальника, а вы ведь еще только жить начали. Если дали им на смену премию, так, по-твоему, он должен взять свой пай и уйти. Не хвалю, что напился, этого делать нельзя, но со сменой жить надо дружно, как со своей семьей. Я понимаю, Мария, ты не из-за мужа беспокоилась, а из-за денег. Сколько же тебе их надо? Я Володе на зимнее пальто давала свои, где же у него пальто? А у тебя вся одежда сияет. Потом, зря ты меня обвиняешь в его пьянке: ты же сама рассказывала, что когда с ним познакомилась, „Володька не пил и не курил“». — «Он из армии пришел таким». — «Так ведь я-то в армии с ним не была». Но потом говорю: «Хватит, я поехала».

Володя заволновался, а я объяснила, что до вечера доеду, а в понедельник надо в нарсуд. Я буду там с полмесяца. Они проводили до местного автобуса, а там, я говорю, сама уеду. «Только живите дружнее, не обижайте друг друга. Где лад — там клад. В питании себя не ущемляйте, я знаю, денег у вас хватает. Если здоровье подорвете, не мило будет ничего. Эти деревяшки и ценные вещи опостылят». Марийка не стерпела: «Конечно, если жить, как живете, то деньги будут лишние, а мы молодые, нам надо все красивое». Я ответила: «Справляйте, но в меру, берегите себя и других не доводите до болезни».

Я уехала. Домой добралась поздно вечером.

К осени появились Володя с Марийкой. Я встретила их, жду, просить станут (они без просьбы не ездили). Оказалось, другое. Марийка поступила заочно в Кемеровский горный техникум. «А ты чего не поступаешь?» — спросила я Володю. Он сказал: «Вместе будет трудно. Надо сначала выучиться ей одной».

Но не дождал ее окончания, поступил в Киселевский горный техникум на механика. Учился и работал. Марийка ко мне уедет, живет на всем на готовом, а он крутился, как белка в колесе.

Марийка на сессию приезжала весной и осенью. Я видела, как она себя вела. Сама живет на готовом, да еще подруг привезет. Приходится угощать. Смотрю, покупка за покупкой, а хоть бы словом обмолвилась: есть ли у меня деньги? Долго я терпела, а потом высказала: «Я твоих подруг кормить не обязана, ты слепа и не видишь, как я бьюсь. То Володе туфли, то Володе часы, то сорочку дорогую, три свитера. И отец тянет. На году по три и четыре раза езжу не с пустыми руками. А все с одной зарплаты».

Смотрю, к вечеру курицу принесла. Я на работу ушла, она

сама сварила. Потом пришел Клейменов Анатолий с просьбой пустить на квартиру. Мы, говорит, с мамкой поссорились. Я отдала им детскую, к себе в спальню поставила еще одну койку для Марийки.

Мне дали путевку в санаторий «Парно». Я рада: поеду через Москву, зайду поговорю насчет Степана. Толяшу просила как сына, чтоб много не пил и жену Валю не обижал.

«Парно» — санаторий в Эстонии. Туда ехала, к Кузьминовым не зашла. Думаю: надоедают им эти незваные гости. А на обратном пути заглянула. Клава оказалась дома. Валя, дочь ее, после родов еще плохо себя чувствовала. Дочь назвали Надей. Я принесла апельсины и яблок. Вечером пришел Василий. Как всегда, подтянутый, чисто выбритый. Подошел, поздравил с приездом: «Здравствуй, сестрица» и поцеловал. Он не возносился, что по чину — большой человек. И сестра я ему двоюродная, а он встречал меня как родную. И не только меня, всех, кто бы к ним не заехал.

Клаве иногда и надоедали такие гости, но против Васи идти не хотела. Мне говорила, «Небось, к деверю не идет никто». А Вася спокойным голосом скажет: «Ладно, Клава, мы живем не хуже людей». Та заулыбается. Долго разговаривали мы, Вася про всех расспросил. Когда рассказала про похороны Толяши, он просил: «Крепись, сестра. Видно, такая доля твоя».

Назавтра пошла на прием в Верховный Суд. Прием вел Смирнов. Он душевно со мной поговорил. «Если заслуживает Чистяков досрочного освобождения, нам начальство даст данные и будут сами просить освободить Чистякова». Я здесь же, в коридоре, написала Степану в письме, что говорил Смирнов.

Приехала домой, Валя рассказала про Толяшу, что пьет. Я, говорит, маме написала. А я знаю, что у нее мать больна. Говорю: «Иди завтра на почту, отбей телеграмму „Милые родители, у нас все хорошо“. Ты отдашь полтора рубля, а у матери здоровье сбережется на сотню».

Толя пришел, я его встретила и, когда они поели, спросила, как работа, выполняют нет ли план, а потом постыдила, что не выполнили мой наказ. Он шумит: «Валь, я же не обижал тебя». Она отвечает: «Нет». А я говорю: во сне видела.

На завтра мне уже на работу. Хорошо в гостях, а дома лучше. Я уже соскучилась по своей смене. Стрелочницей со мной работала Фая Морозова, составитель — Андрей Степанович Воротилкин, сцепщик — Чертков Николай Александрович. Дружней нас никто не работал.

Работы нет, зажмуриться не дадут — не один, так другой что-нибудь рассказывают. Такое смешное, что не утерпишь, чтоб не

засмеяться.

Подошла осень, мы всей сменой на картошку поехали. Потом на морковь. В совхозе обед общий: у кого что есть — выкладывай. Не опозорились ни разу. Мы всегда первые кончали свое задание.

Мария с Володей приехали утром.

Я открыла, вижу, они выпившие. Марийка сказала Володе: «Покажи мой диплом матери», (они за дипломом приезжали). Я ее похвалила, поцеловала, спрашиваю: «А сейчас куда?» — «У нас такси, мы на вокзал». Я стала одеваться. Марийка думает, что я не слышу, шепчет Володе: «Проси мяса, проси». Я говорю: «У меня просить не надо, сама подам». Положила не обрезной окорок и начиненный желудочек. Они уехали, а мне не по себе, не нахожу себе места. Вроде стала дремать, опять в двери стук, выхожу: «Кто?» — «Мама, открой». Смотрю, лицо у Володи покарябанное. Я заплакала: «Что же ты до своего лица ее допускаешь? Что случилось?» Отвечает: «Я ее диплом потерял». — «Как так?» Он стал мне рассказывать: «Она в мой карман положила диплом, а в вагоне хватились — диплома нет».

Говорю: «Да ты что, забыл? Когда вы вошли в дом, она взяла у тебя, показала мне этот несчастный диплом, а потом положила к себе в карман или за пазуху, я не глядела». «Вы меня простите, но если она вам показывала, скажите, какого цвета обложка?» Я пошла, вынесла свое удостоверение дежурного. «Спасибо, мама, вы меня успокоили».

Лицо я его намазала преднизолоном, к утру краснота сошла. Но еще было заметно. Дала с собой еще мяса, дала денег. Просила ходить в столовую — уж сильно худой он был.

Опять как в воду пали.

Меня вызвали в нарсуд. На этот раз заседала с Марией Васильевной Смычковой. Судили шофера — он наехал на женщину. Ему дали пять лет заключения. Я жалела молодого парня. Ему надо в армию, а он напился и что натворил.

Я в профилактории уже. В девять приняла ванну и в постель. Вижу сон: стою с кумой. Она спрашивает: «Правда ли, что кум пришел?» Я говорю: «Это я во сне видела. Пришел в фуфайке черной и вещмешок черный и брюки черные. И в кирзовых сапогах». Кума мне говорит: «Сон наоборот исполняется, значит не придет». Проснулась от зова сестры: «Чистякова, к телефону». Я халат на себя, тапочки и тихонечко, чтоб людей не потревожить, — все же нас пятеро.

Сестра Тома по телефону говорит: не пугайся. «А что, — говорю, — пугаться. Степан пришел». Она засмеялась: «Ты почем знаешь?» — «Я же во сне видела. Черный костюм, черная фуфайка, кирзовые сапоги. Она говорит: „Истинная правда“. Ты

осторожнее на повороте, а то попадешь под автомашину».

Я пошла позавтракала, тогда пошла на автобус. Томочка сказала, что его вещмешок на крылечке дома. По этому пришлось сойти у переезда. Поезд уже близко, а я перебежала. Дежурила Дина Тулисева. Зашумела: «Ты что, на пожар спешишь. Или жить надоело?» Я говорю на бегу: «Степан пришел». Она еще что-то шумела. Я забежала домой, пошуровала печь, угля насыпала и бегом. Прибежала, Томочка показывает: домашние спят. Я тихонечко хотела войти в зал. Степан обнял меня, целует, а от него так пахнет, что из туалета. Спрашиваю: «Что пил?» Он говорит: «Самогон». Смотрю, Василий встал. Я, говорит, чаю напьюсь и на смену. Я стала звать домой Степана.

Идем, люди смотрят. Наверное, подумали, что нашла полюбовника. Навстречу попал Воробьев Трофим, пока они разговаривали, я вбежала в магазин, купила коньяк пять звездочек, торт и ветчины. Подошли к нашему дому, я помогла Степану раздеться. «Вот тебе домашнее белье и тапочки. Умывайся, я буду накрывать стол». Разогрела котлеты, пирожки, открыла бутылку. Он поцеловал меня, выпили по рюмочке, поели. Он спрашивает: «Куда спать положишь?» Я говорю: «На перину». Он думал, что я шучу. Когда приезжала Лиза, я купила десять подушек, и она помогла мне сделать перину. Вот вошел в спальню Степан, видит — точно перина. Лечь-то мы легли, а спать мы не хотели. Он запел: «Осыпаются листья осенние, хороша эта ночка в лесу». И всю песню спели со слезами. Рад он, что дома, но нет у нас Толика. «А где твои квартиранты?» Говорю: «Им на Радуге квартиру дали». — «Это хорошо, что мы вдвоем — нет свидетелей».

Ужинать не хотелось, но знаю: он мало ел. Я потянула к столу. Он еще выпил, а я не стала. Мне, говорю, в нарсуд завтра. Он рассказал, как стучал в дверь своего дома. Потом спросил у соседки, она сказала, что я, наверное, уехала в Киселевск к Володе. Тогда, говорит, зло пропало, а то хотел окно бить. Потом у Масленцовых не сразу открыли. Тамара будит Василия: «Степан пришел». А он обругался: «Что его на ночь носит?» Тогда она сказала, что Чистяков. Как пуля выскочил, и давай обнимать: «Вырвался? Совсем или в отпуск». Я, говорит, засмеялся: из заключения в отпуск не отпускают.

Утром хотела встать пораньше, чтобы борщ сварить, но Степан сказал, что сварит сам. А сам с утра ушел к Разводову. Сколько они там пили, не знаю.

При возвращении я по взгляду Степана поняла, что он не в духе. Спрашиваю: «Есть будешь?» — «Я сыт». — «Так выкладывай, где был днем, у Разводова? Значит, ты наслушался и всему

поверил. А что тринадцать с половиной лет прошло, ты забыл? Что три раза я в Москве побывала, тоже забыл? Сколько я к тебе ездила с лучшими продуктами, тоже забыл? А ссуды кто выплачивал и детей растил? Ты не спросил у Разводова? И еще его сыночка здесь же растила. Я оправдываться не буду и не нахожу нужным. Плохая твоя жена, пропойца, все по ветру пустила. Иди, ищи хорошую». Он крикнул: «Хватит!» Я заплакала. Он подошел, обнял, говорит: «Прости меня».

Потом приходили его друзья и соседи и каждый приносил спиртное. Я просила не напиваться, боялась за его здоровье. Он мне ответил: «Я здоров, ты за меня не беспокойся».

Мне надоело его пьянство. Стала просить: пей один перед едой. Стала покупать сама.

Приезжали Володя с Марийкой — я им сообщила о приезде отца телеграммой. Встреча прошла хорошо. Марийка вела себя спокойно и вежливо. Когда их провожали, она очень просила приехать к ним.

Приехали мы через месяц. Марийка встретила очень хорошо. А когда напилась, стала хвалиться, что они живут не хуже людей и сбережения есть. Показала сберкнижку, где было пять тысяч шестьсот рублей. Отец похвалил их. Володя сказал: на будущий год купят автомашину.

Мы уехали. Марийка стала добиваться трехкомнатной квартиры. С завода они переводом перешли на разрез и к этому времени у них был еще один сын Володя.

Мой Володя славился хорошим специалистом. Его вместе с экскаватором и помощником Сашей сфотографировали и поместили в городской газете, где было написано: «Они идут впереди». Потом было у них соревнование, он ковшом экскаватора снял крышку с кастрюли, закрыл коробок спичек и поднял стакан с водой. На машине УЗТМ № 15. И о нем снова написали в газете.

Пользуясь Володиным авторитетом, Марийка не дремала. Выстроили дома новые в микрорайоне. Вырешили им трехкомнатную квартиру. Пишут: «приезжайте на новоселье, улица Утренняя, дом два, квартира двадцать восемь». Мы приехали. Привезли электрический самовар. Она накрыла стол, сели — ее мать Анна Сергеевна Умнова, они с детьми и мы со Степаном. Подняли рюмки, я сказала: «Желаю вам, дети, чтоб всегда вам жить светлой радостной жизнью. Как красиво и светло в вашей квартире, так желаю чтоб было у вас в сердцах. Чтоб не было мрака меж вами».

Володя мое пожелание записал на пленку. Потом мы затихли. Он проиграл запись. Мы посмеялись. Потом смотрели их

обстановку: два гарнитура по тысяча двести, сервант с китайским сервизом на двенадцать персон — пятьсот рублей, пианино за пятьсот рублей. Все сияло. Мне такая роскошь нравилась, но и пугала, что сноха человека мало понимает, что ей все еще мало.

Мы назавтра уехали в Кемерово.

В конце мая они привезли детей, а сами уехала в отпуск к Черному морю. Дети балованные, ели плохо. Я боялась: вернутся, скажут заморила. Степан не работал. Я уйду на работу, а у них все кверх дном. Они деда не боялись. Деду подадут сто грамм, он и в прятки с ними играет, и обливается с ними вместе. У них дела мирные, пока не надоест деду эта музыка, потом берет ремень, а они все равно не боятся. К моему приходу старались навести порядок, а если дед пьян, что дети сделают! Пил он в школьном садике. Водку ребята купят, идут в школьное насаждение, а за стаканом заходят к нам и его позовут. Он сам голодный и дети голодные.

Приехали родители. Неля жаловалась: дед бил, а Вовочка только улыбался. Я считала: детей оставили на мое иждивение, может, мне что купят. Они положили два апельсина на стол — и весь подарок их. Назавтра их проводили, дед стал ворчать: «Что это такое? Почему ты не спросила у них денег?» — «А ты спросил?» — «Я не работаю». — «А мне для сына ничего не жаль. Лишь бы ему было хорошо».

Дед мой опять стал часто напиваться. У нас пошли ссоры. Крыша нашего дома покрыта была шифером без толи и стала протекать. Снег вначале ветром заносило на потолок. Вот я решила: куплю сто листов шифера, пять рулонов толи и перекроем крышу.

Сам Степан ничего не делал. Нанял двух мужчин и наблюдал, как они работают. Раскрыли они в полдня. За день накрыли три стороны. Я рада. Тридцатого апреля ребята просят денег на продукты. Я ребятам сказала: деньги оставлю Степану, только сперва накройте крышу, вдруг дождь.

Пришла домой, они ничего не делали, весь день пили. Я оставила полста, сколько они просили, я не знаю. Меня пугал дождь. Ночь спала плохо, боялась что пойдет дождь. Утром пошла в магазин, и ребята пришли. Подошли, умоляют простить за их поведение, но сегодня они работать не в силах: «Нас трясет, мы пойдем похмелимся, завтра чуть свет — накроем». Всем радость первое мая, а у меня горе. Тучи ходят по небу, но дождя не было.

Назавтра действительно ребята пришли, крышу закончили, я с ними рассчиталась. Наготовила закуски, купила водки. Поблагодарила ребят за их труд. Выпили, закусили. Степан еще налил, я не запрещала, но когда он стал хвалиться, что мы живем

хорошо, я не смолчала, сказала: «Мы-то живем, а мама в земле». Степан схватил бутылку и ударил меня по голове. Ребята напугались, а он стал делать мне искусственное дыхание, потом облил водой; это все ребята рассказали после: «Когда вы стали дышать, он положил вас на койку, а мы ушли».

Я проснулась, головушка болит, особенно левая сторона. Я ничего не помню, жалуюсь ему, а он послал меня матерком: «Почем я знаю, почему у тебя голова болит». Потом я все вспомнила и увидела бутылку разбитую. Видно, ударил, где гребенка была, а так бы пробил. Стала ему говорить: «Если ты доброту человека не понимаешь, и правду не любишь, нам с тобой не жить. Ты смел поднять руку на того, кто тебе жизнь спас».

Меня вызвали на работу, а он думал, что я ушла в милицию. Пил со всеми, кто просил стакан. Он выпрашивал сто грамм уже без всякой совести. Чтоб мне успокоиться, я села писать:

«Бегу домой, а сердце бьется,
Смотрю, горит в веранде свет
И двери в хату не закрыты,
возможно, его дома нет.

Я в кухню, в зал вхожу и в спальню.
Он пьяный спит спокойным сном.
Напился, видно, до отвала,
Ему ничто уж не почем.

Я знаю, я ему противна,
И избегает он меня.
Уж это, Степа, вовсе лишне,
Зачем насиловать себя?

Я не нуждаюсь абсолютно,
Иди ищи свой вещмешок.
Возможно будешь ты доволен
И слава Богу, позабыт дружок.

Не думай, что пойду я следом
Нет, даже шага не шагну.
Но если ты решишь вернуться,
Тебя я больше не приму.

Тебе я отдала здоровье
И отвернула твой расстрел.

А ты как вышел на свободу,
Про все забыл и обнаглел».

На утро сказала ему: иди устраивайся на работу, сама опять ушла дежурить, т. к. заболела Надвигина. Он же, видно, подумал, что дело плохо. Целый день пилил дрова. Потом, когда я пришла, он сел со мной есть. Говорит: «Пойду в совхоз молотобойцем». Я ответила: «Дело твое».

Первое время не пил, боялся за свою вину передо мной, когда стал получать деньги, стал требовать к каждому столу. Я согласилась, но с уговором, что пить будет только дома. А он успевал везде.

Мне дали путевку в Пятигорск. Я оставила ему продукты, чтобы мог жить и работать нормально, но он запил. Подруги на дом ходили. Директор совхоза вызывал его, пожурил. Он дал слово: буду работать без прогулов. Он знал, что скоро появится его королева (он так меня называл в добром настроении).

В Пятигорске была весна, лечение очень хорошее. Ездили мы с экскурсоводом в Кисловодск, в Ессентуки, и питание было замечательное. Набирала сил на всю оставшуюся жизнь. Я знала, что мне скоро на пенсию и лезть на глаза начальству я не посмею, хотя профсоюзные я буду платить. Я часто задумывалась о своей пенсии. Стрелочницу учила, как могла.

В ночную смену я заскучала и снова пишу:

«Последний разменяла год,
и пенсия близка.
Но лучше б сбросить десять лет,
Мне старость бьет в виски.

А дни бегут, то речка Томь
И даже поскорей.
Ты дожила лет до своих
Иди и спину грей.

Но мне не хочется, друзья,
И сердце мое жмет.
Уйдешь на пенсию — конец.
Никто уж не придет,

Забудут, что в строю была,
Оставят за бортом.
Все это скоро сбудется,
Опишешь все потом».

Ночь пролетела быстро. Бригада моя вернулась на смену. Я им прочла свои стихи, составитель Воротилкин сказал: этого не может быть, что меня оставят за бортом. Наша станция особая.

Пробежали месяцы один за одним. Отдел кадров попросил мой паспорт. И вот пришла тридцатого мая тысяча девятьсот семьдесят седьмого года, меня сменила Танечка Недвигина, вот, она и говорит: «Может, еще поработаешь?» Но я покачала головой, ничего сказать я не могла, ком застрял в горле и, чтоб не расплакаться, я ушла.

Приехала на Бутовку, чтоб снять с сберегательной книжки сто рублей. И что-то у меня в глазах потемнело. Я пошла в поликлинику, больных было мало, я быстро вошла к врачу. Она меня прослушала, смерила давление. «Вам нужно сейчас же в стационар». Позвонила сестре и меня положили на две недели. Хорошо, что медсестра стационара соседка. Я написала записку и с ней послала.

В день рождения второго июня ко мне пришли с работы: Гужевникова Мария Николаевна и Грищенко Мария Ефимовна. Я даже заплакала от радости. Обцеловала я их. Они поздравили меня с днем рождения, просили не волноваться.

После выписки сделали вечер в красном уголке станции Северная. Там же и готовили. Приехали из управления начальник движения и председатель местного комитета. И когда все собрались, меня наш начальник Мария Дмитриевна Воротынцева и Гужевникова позвали в кабинет. Там раздели до плавочек и заставили надеть их подарки. А купили они мне кремпленовое платье голубое, красивую комбинацию и красивый платок. И еще блузку с зелеными горошками. Премировали также ста рублями и даже почетную грамоту как ветерану труда дали.

Вечер прошел замечательно. Была гармонь, мы плясали и танцевали, пели все. Степан держался, чтоб не показать себя с плохой стороны. Ему не запрещала я пить, только просила не напиваться. Он ходил с полотенцем, как официант. Мы пели песню про мороз.

Тут вошла Зоя Ротова, стрелочница. Говорит, Степан пошел на остановку. Я отдала Зое ключи от красного уголка, попросила угостить дневную смену после дежурства и пошла за ним. Дома позвала соседей, чтоб не скучно было Степану. Он рассказывал соседям за столом, как меня провожали. Мне было и приятно и как-то грустно. Я стала понимать, что ушла с работы навсегда. Соседи посидели, ушли. Степан лег спать. Я навела порядок, тоже легла. Только сон ко мне не шел. Я видела снова прошедший

день. Назавтра поехала на станцию. Там Зоя уже навела порядок. Воротынцева спросила, как вел себя Степан дома и осталась очень довольна моим ответом. Она очень жалела меня.

Лето пролетело быстро. Огород, ухаживание за мужем. Только он не хотел это видеть и не ценил мой труд. Картошку я копала одна. Носили вместе. Приводил друзей, я угощала. Трезвого просила не делать этого. Он обещал, но обещанное не выполнял.

Вот уже зима и Новый год подходит. Я написала своим северянам поздравление. Они мне тоже прислали открытку, и мне показалось, что она была такой теплой. Нет слов, чтоб объяснить, какая радость у меня появилась в сердце. Села и думаю, что не забыли меня.

Прошла зима. Весной я поехала на могилу Толика в г. Борзя. Не сразу я нашла могилку, ведь прошло уже десять лет. Я посылала портрет небьющийся на его часть. Искала могилку по этому портрету. Но когда нашла, на могилке портрета не оказалось.

Я вернулась в Кемерово, написала в Борзя в горком комсомола, чтоб школьников попросили ухаживать за могилой Толи. И надо сказать сердечное спасибо: мне пришло письмо от учеников средней школы № 15 шестого «Б» класса. Я выслала им портрет, цветы, они украсили могилу моего сына. Сейчас они уже в 7-м и пишут, что у них есть угол, где висит портрет Толи. Весной я им вышлю снова цветы, они унесут их на могилку. Очень хочется чтоб его могила не была забыта.

Так и живем. Отец все думает, как бы напиться, я беспокоюсь о Володе. Написала несколько писем, ответа нет. Зал и спальню обелила, назавтра кухню Степан начал белить. Смотрю, побелка его темная. Я попросила не белить, он психанул, но и сам увидел, что налил подсиньки больше, чем надо.

А тут мой сыночка заходит. Кинулась я к нему: «Что же ты молчал так долго?» Обцеловала все лицо. Как же я по нему соскучилась! Радость он моя единственная.

Степан заругался: «Надо смеяться от радости, а ты плачешь». Убрала я известь в сторону, тогда спросила, где Мария? Он рассказал, что ему давали путевку к Черному морю на два сезона, а он Марию отправил с детьми. Во время обеда он попросил триста рублей. Отец промолчал, я моргнула, чтоб он не говорил с отцом на эту тему. Когда отец вышел на улицу, я спросила: «Зачем тебе деньги?» Он сказал: «Мария взяла пятьсот денег, ей будет мало с детьми». Я триста не пообещала, а двести пятьдесят, говорю, дам.

Он пошел на почту на второй день, а я давай скорей белить,

чтоб управиться. Отец на работу ушел. Володя из почты пошел к Клеменовым. Пока он ходил, я кухню обелила и все перемыла. Он пришел и отец пришел, сели за стол. Я рада все поставить, лишь бы мой сынок ел. Была и водка. Володя налил отцу сто пятьдесят, себе сто, мне рюмочку маленькую. Отец еще просит, а он не дает, говорит: «Выпили для аппетита и ешь. Смотри, у тебя на столе, как у хорошего директора». Отец ответил: «Для этого работаю». Володя говорит: «Все мы работаем, но не у каждого такое питание».

Пока он у нас гостил, покрасил панели, кухонный стол, углярку. На углярке с натыльной стены написал: «Мария, Неля, плюс Володя в квадрате». Рассказал, что его сын любит рыбачить. Если скажет: завтра пойдем на рыбалку, то его будить не надо, сам встанет. И про дочь рассказывал, что учится на пятерки, и хорошо играет на пианино. Я поняла, что он тоскует о них.

Сестра принесла сапоги, чтоб замки пришить, он пришил. Часы-будильник принесла. Он их наладил. Хоть она ему тетка, а он ее называл Тамара Ефимовна, привык так называть в школе.

И что бы он ни делал, все говорил: «Это на память». Я забеспокоилась: «Ты почему так говоришь?» Он улыбнулся: «Просто я ничего доброго для вас не делал, вот и говорю». «Разве не тобой посажены деревья? А кто этот дом строил, вернее помогал? Погреб копал? Дите мое милое, добрых дел твоих много, но я тебя хорошо понимаю. У тебя не совсем ладно в семейной жизни. Ты ничего мне не говоришь, но я все понимаю. Умоляю тебя, что бы не случилось, береги себя. Ты можешь детей взять и приехать в свой дом. Места хватит и воспитаю я не хуже ее». — «Мама, — говорит он, — спасибо вам за вашу преданную любовь, но пока еще до этого не дошло».

Потом они поехали к Нине в Верхотомку с Тамарой. Он там шутил, как никогда, жарил картошку — его Нина попросила, мужа Нины Николая предупредил: «если ты обидишь сестренку, дело будешь иметь со мной».

Назавтра принесли телеграмму, что Мария шестого будет дома. Володя засобирался домой. Там, говорит, надо побелить и навести полный порядок. Я на этот день его не отпустила. Постирала с него белье, носки все пересушила, перегладила. А он сидит, смотрит на ходики и говорит: «Как все это родное! И как быстро пробежали две недели, будто во сне». — «Ты же, сыночка, теперь техникум закончил, можешь хоть письма писать почаще». Он обещал писать. Поехала я с ним на автовокзал. Проводила и не вижу дороги. Так лились мои слезы, сама себя ругаю, что нельзя так расстраиваться, а успокоиться не могу.

Встала в сторонку, постояла, вздохнула всей грудью и пошла

на трамвай.

Отец с работы пришел пьяный. Я вроде не вижу, а ему поскандалить надо. Я ушла к Швековой Кате и сижу. Он взял дома нож и туда. Я спиной сидела к двери и не видела. У Кати в гостях был сват. Степан замахнулся ударить меня ножом в грудь, а сват его табуреткой по локтю от души ударил. У Степана нож выпал, и он вскрикнул. Тогда я обернулась, спрашиваю: «Чего ты?» Он зажал руку, пошел, и я за ним. А про нож мне рассказал этот сват Швековых потом, когда приезжал за своей дочерью. Они стояли на остановке и я подошла. У них чемодан и узел. Я спросила у Наташи: домой, что ли? Она говорит: да. Тут и рассказал ее отец, что я бы уже лежала в земле, если бы не он. «А почему сразу не сказали?» Он говорит: «Катя не велела».

А у Степана на локте образовалась шишка, он месяц лежал в больнице. Если бы я знала отчего это, я бы не бегала в больницу через день и каждый день.

Потом он выписался. Приехала сестра Лиза с мужем. Он напился и разбил этот же локоть и снова в стационар. Долго я бегала с передачами.

Вышел на работу и опять каждый день пьян. Мне стало жить невмоготу. Написала Лизе: «Брошу я все ему, возьму что надо, а пенсию доверю Тамаре». Та пишет: «Приезжай, место найдется, что жить под страхом».

Посмотрю на все, ведь здесь наши труды, дети наши росли здесь. Куда же я поеду. Как говорится, если не смерть, то не убьет.

Было и так. Придет пьяный, я молчу, налью теплой воды, соберу на стол, он как махнет — все на полу. Назавтра стану говорить, он матерится и говорит: значит, довела. Я говорю, что молчала. «Значит надо было не молчать».

Пришли с кузнецом со Швековым Гаврилом. Я накрыла стол, сходила за Катей. И вот сидим четверо. Все песни мы перепели. Потом ему Гаврил говорит: «Ты, Степан, волк в овечьей шкуре. Тебя Саша спасла, а ты ее обижаешь». Я сказала: «Еще раз тронет, посажу». Он как даст! Я упала без памяти. Катя потом рассказывала: я побелела как покойница, он давай делать искусственное дыхание, облил водой и, когда стала дышать, мы, говорит, положили тебя на койку.

Утром Степан не завтракал. В обед пришел, поел и протягивает руки, чтоб обнять меня и поцеловать. Я вывернулась и вышла на крыльцо. Смотрю, и он вышел и отправился на работу. Он же хорошо знает, если я подам заявление, ему сразу срок.

Никуда я не пошла. Купила тройной одеколон, мочила

больное место и боль прошла. Конечно, не за один день. Живем дальше. Но у меня было такое состояние, что я ждала чего-то особого. Вижу сон: я где-то в казенной квартире на пятом этаже, у меня на руках мальчик. Он вырвался у меня из рук и к окну. Я его поймала. Он ручонками отталкивается и бьет меня по лицу. Я взяла его руку, говорю: ссориться не будем, мир. Он вроде успокоился, а потом успокоился и рванул в окно. Мне стало плохо. Степан меня разбудил. Я еще реву, он допытывается: что случилось? Потом я ему рассказала, что видела во сне. Он сказал: мальчик к прибыли, не реви. А у меня не выходил из головы этот страшный сон.

Пошла в совхозную молоканку за молоком, там рассказала старушкам, они не разгадали моего сна.

Ночью принесли телеграмму: «Умер Володя, приезжайте». Телеграмму взял Степан, я сидела на койке и когда прочла телеграмму, прямо обезумела. Да что же это за наказание Господнее? И за что же меня Господь наказывает?! Степан стал ругаться: не реви, может, это умер внук, он ведь тоже Володя. Но я чувствовала всем сердцем: моя кровиночка ушла из жизни.

Я ходила из угла в угол, уже не кричала, а хныкала. Степан уснул — вроде, так и надо. Я сама оделась, ему приготовила одежду. В пять часов его разбудила. Он оделся, пошли к соседям. Малышкиным. Попросила кормить собаку, кошку и цветы поливать. Отдали им ключ и поехали.

Когда кассиру подала телеграмму, она говорит: «Может, это шутка». Я заплакала: «Да как же можно шутить этим?» Билеты она продала. Дорогой я не плакала, но сердце сжималось от боли. Приехали в Киселевск, пересели на семнадцатый автобус, едем к ним. Сошли на их остановке, идем в их дом. Крышки не вижу, думаю, может, неправда? Когда вошли, я крикнула: «Где он?» Степан поставил мне стул. Я услышала, как кто-то сказал: «В морге».

Я кричала на всю головушку. Подошла мать Марийки, стала уговаривать и сама ревет. Наревелись. Я спрашиваю, что случилось. Анна Сергеевна рассказала, что дверь была закрыта. Он хотел с соседского балкона перепрыгнуть на свой и сорвался. Он не один раз прыгал, но перед этим у него болела коленка, он ее не долечил, сбежал из стационара и вот результат.

Володю привезли двадцать девятого мая. Когда его несли на пятый этаж, меня Степан не пускал из детской. Я кричала: «Володя! Сыночка ты моя, да что же он не пускает меня к тебе?» Я ругала отца, называла зверем, рвалась к двери, он боролся со мной. Потом вошел Саша Надточев, сказал: «Ведите». Тут я запела свой причет и, пока не схоронили, не отходила от Володи.

Ночью Степан напился, спал и Марийка спала. Детей куда-то увезли. Со мной были три женщины, читали над ним молитвы, а я не унималась. «Сыночка, Вовочка, что же ты наделал? Закрылися твои красивые глазочки. И кого же я ждать буду? Не придешь ты ко мне, не придешь. Не согреешь сердце матери. Почему же ты не написал о своей ноженьке? Прилетела бы к тебе я в тот же день. И зачем же мне оставаться на этом свете? Ты же знаешь, я жила ради тебя. Глядела я на тебя, не нагляделася. Не оставляй меня, моя деточка, забери с собой, чтоб я не мучилась! Посмотри, сколько друзей к тебе пришли! Какой же ты сегодня не приветливый!»

Подошла Анна Сергеевна, тоже закричала: «Володя! Да что же ты лежишь, деткам завтрак не готовишь? И кто же о них теперь так побеспокоится. Да не будет у них папочки, остались они сиротами. Кто же мне поможет в жизни? Ты один всегда со мной делился и во всем помогал. Был ты для меня не зятем, а сыночком».

У сватьи больное сердце, ее увели. Врач подошла ко мне, хотела сделать укол, но я не согласилась. Если я умру, я этому буду рада.

На могилке я опять боролась со Степаном. Он с силой оттащил меня от гроба и от могилы. Видно, вот эта физическая сила и зло на человека, который держит тебя сильными руками, дало сердцу облегчение. Это я потом, спустя много времени, определила: я же ехала с готовностью лечь с ним рядом. Он был для меня все.

Помянули его в столовой, женщин было мало, мужчины все. Саша Надточев больше всех беспокоился. Не считался ни с чем, гонял свою машину по всему городу. Доставал абсолютно все. Продукты, цветы, венки.

После обеда пришли в Володину квартиру. Упала я на его диван-кровать. Кричала, кричала, пока сил не стало. Потом разделась, легла и бессонные ночи взяли верх. Во сне ничего не видела. Утром пошли на автобус, и Марийка с нами. Когда подошел автобус, она попросила: «Мать, не проклинай меня. Прости меня ради детей».

Я заплакала: «Живи, мне его уже не вернуть». И мы уехали домой.

Дома соседи с расспросами, а это снова слезы и переживания. Голова была тяжелой, глаза плохо глядели. Лицо сделалось пухлое. Я не знала, чем заняться, и у меня в груди стало пусто. Пошла в огород, там ранетка посажена Володиными руками. Я уж и не плачу, а слезы сами льются.

Подошла к бочке с водой, обмыла лицо. Стала думать: что

делать? Как же жить дальше? Я стала бездетной и кто же меня в жизни обрадует? Тамара лежит в больнице. Я назавтра поехала к ней в онкологию. Я ехала с намерением, что ей не скажу про Володю. Но она уже знала и, когда я вошла на лестницу, она обняла меня, и мы вместе заплакали. Она просила: «Крепись, Сашенька, видно, счастье твое такое».

Зная, что Тамара после повторного ножа, я пересилила свои слезы. Спросила, как ее здоровье. Знает или нет о Володиной смерти Нина, дочь ее. Она сказала: «Нина не знает». Я просила не говорить ей. Хотя бы с недельку.

Ездила я в онкологию через день. Потом Томочка сказала, что ее выпишут. Завтра мне надо браться за картошку, пока огребать.

На девять дней мы в Киселевск не ездили. Помянули дома. Приезжал Саша с женой на своей машине. Ночевали у нас, ходили в баню. Я была очень рада, что они приехали. Утром вышли провожать, он нас сфотографировал. Я дала им две банки трехлитровых свежей, крученой виктории. Ты, говорю, позови Марийку и скажи ей: бери любую, а то она подумает: с отравой.

Написала письмо Нели и Вовочке, но от них ни слова. Саша нам не сказал, что она через два месяца после похорон замуж вышла. Нам потом сказал Юра Воробьев, он был там в командировке. Я ответила: этого и надо было ожидать.

Проснулась ночью и вдруг вспоминаю, что я никогда не увижу Володю. Подымется температура, сердце так зажмет, что дышать тяжко становится. Слезы польются, тогда сердцу легче.

Ездили с сестрой Томочкой в Тайгу к маме. Она обняла меня со словами: «Что же за судьбинушка выпала на твою голову? И когда же кончатся твои страдания?» Я реву и ее успокаиваю: «Мамочка, мое страдание кончится, когда я навсегда закрою свои глаза».

Но жить надо. Хотя бы ради своей матери. Она старенькая и очень больная, а соберемся вместе — они радуются, что дети ее почитают. К каждому празднику ей шлют со всех сторон поздравления. На восьмое марта и на ее день рождения собираются все, кто живет поблизости. Мы с Тамарой не пропускаем эти дни. Я ее звала жить к себе, но она отказалась.

К этому времени мой муженек стал жаловаться, что ему молотобойцем работать уже невмоготу. Я сказала, что на питание нам хватит, но водку с меня не спрашивай. Он быстренько рассчитался.

У нас лежали шпалы бывшего употребления, я стала настаивать, чтоб он сделал стайку. Ведь если купить скотину, поместить некуда. Он отказался. А однажды пришел молодой мужчина, чтоб договориться. Он просил двести пятьдесят рублей

полностью поставить стайку. Начать они начали, потом его напарник отказался. Степан стал ему помогать в день по десять рублей, сруб закончили. Приходит мастер, говорит: «Я уезжаю, отдай мне семьдесят рублей, шестьдесят остается за вами, кого-нибудь найдете». Спасибо, соседи пришли, помогли.

Буду покупать поросят. Картошки много, выкормлю. Перекрыли погреб. Еще бы стайку шифером покрыть, тогда до ста лет стоять будет. Лишь бы здоровье было, а то ведь так получается: угождаешь, а твои труды считают за обязанность.

И у сестры Тамары всякая тяжкая работа на мои плечи ложится. Стали мы как-то разговаривать с соседкой и Тамара сидела. Говорю: уеду я, чтоб мне не видеть его пьянки. А Тамара говорит с таким удивлением: «Да кому же ты нужна?» Я в свою очередь спрашиваю: «Как, кому нужна? Что, у меня рук нет или меня кормить надо? У меня пенсии хватит за глаза, если даже в столовой буду питаться. А ты проживешь без меня?» Она с гордостью отвечает: «Проживу». Другая на моем месте ноги бы не поставила в ее дом, а мне жаль ее. Если я ее брошу, она быстро уберется на тот свет. Надо жить и ей помогать. Сколько мы проживем, никто не знает.

Навалилась тоска по Володе, я в предварительной кассе купила билеты. На воскресенье. Зову Степана в Киселевск на могилку. Он рад, ему лишь бы выпить. Взяла с собой еды и поллитру белого.

Приехали в Киселевск, попросили таксиста, чтоб свозил нас на могилку, а где могилки, точно не знаем. Водитель спрашивает: когда подъезжали к могилкам, в гору или ровная была дорога? Я говорю: в гору; он развернулся и поехал в другую сторону.

Добрались до могилок. Я пошла вглубь, мне казалось, его хоронили далеко от края. Иду, плачу, слышу, Степан кричит: «Иди сюда!» Подошла. Его могила четвертая от края. Я реву: «Сыночка мой родненький, истосковалась я по тебе, голубчик мой. И нет у тебя единого цветочка. Зачем же я тебя здесь оставила?» Я реву, отец скорее открыл бутылку и пьет, пока я наревелась, у него меньше половины осталось.

Подошли две женщины, я их угостила. Цветы положила и поехала на автовокзал. Там кассирам отдала все, что осталось, говорю: «Не брезгуйте, все чистое, я из Кемерово сюда на могилку к сыну приезжала, помяните Володю, а уж нас отправьте с первым автобусом, чтоб нам домой добраться сегодня».

Они слышали про этот случай. Одна даже знает Марийку. Уговаривала, чтоб мы к ней поехали. Я ответила, что там делать нечего. Домой добрались уже стемнело, но я себя чувствовала спокойно, хотя голова была тяжелой. Есть я не стала. Степа поел

и легли спать.

Назавтра привезли уголь. Мои запасы уже кончались. У меня были трехпроцентные облигации на двести пятьдесят рублей, мне пришлось их сдать. Получила от сестры Лизы письмо. Она пишет, что ее внук Андрей женится, а денег мало. Я ответила, что получу пенсию — разделю пополам. Слово свое сдержала, но подошли праздники, пришлось у людей просить. Муженек не поймет моей нужды.

Получила я письмо от снохи, что мама болеет. Степану говорю: «Я завтра еду в Тайгу». Он заругался. Мне его ругань в привычку.

Намочила грязное белье, чтоб у него все было чистое. Купила четыре булки хлеба, дала три рубля, говорю: на хлеб. Утром уехала.

Мама встретила меня со слезами. «Видно, ты доченька, ближе всех живешь? Обнялись, сели на койку, она рассказала, что был приступ, вызывали скорую. Врач сказал: еще повторится — срочно скорую и оперировать. Только я, наверное, не выживу». Я ей сказала, чтоб она об этом не думала, а если жить суждено, еще не умрет.

Вечером пришел братец со снохой. Накрыли стол, поужинали, а потом Гоша включил магнитофон, проиграл все что было у него написано при сборе всех нас. Там такие песни, сердце рвет на части. Поем все пять сестер и даже Гоша с нами. И вот разговор зятя, Васи про Ильин день с сестрой Полиной. Вроде он рядом с нами побыл, а он уже четвертый год в могиле.

Томочка заболела, признали непроходимость кишечника. Опять увезли в онкологию. Я приехала, она жалуется: уже дышать нечем. Дают слабительное, а я не могу оправиться. Врач говорит: ходить больше надо, а у меня ноги отказывают. Я ей посоветовала: «Вызывай главврача. Иначе умрешь и все».

Я уехала. Она действительно вызывала главврача и сразу стали оперировать.

Василий с сыном Валерой огребли картошку. День стоял жаркий. Вспотели, стали обливаться из шланга водопровода. Назавтра Василий почувствовал себя больным, но он никогда не ходил в больницу. Топит в свободное время баню и водку пьет.

Когда Томочку уже выписали из больницы, он пошел показаться врачу. Сначала положил его в стационар на Бутовке, грели, поили лекарствами. Видят, ему хуже, его — в тубдиспансер. Там с неделю пролежал, дают направление в онкологию, где лежала Тамара. Тамара сама не совсем окрепла, а к нему ездила каждый день.

Я пришла к ней, она на койке и вижу — горит. Говорит, что

попала под дождь и долго ждала автобус Бутовский. Рассказала мне, что Василий сам ходил в туалет. Я, говорит, ему клизму сделала, он облегченно вздохнул. Я ел хорошо. Я ее попросила: «Если завтра поедешь, возьми меня». Она возмутилась: «Зачем ты мне нужна?» Я посоветовала не ездить самой. Говорю: «Ты перемерзла. Валера затопит баню и съездит, а в воскресенье поедешь сама».

Валера приехал туда, отец лежал один в пальто с открытыми глазами, уже мертвый. А в двенадцать у него была дочь Нина. Видно, ему худо было, он сказал: «Иди, Нина». Валера от отца и к нам со слезами: «Что я скажу маме?»

Я реву, собралась, пошла с ним, Томочка догадалась. Упала на диван. Ревет, меня ругает: «Ты же знала, что он умрет?» Я отвечаю: «Почем я знала?» — «А зачем ты со мной просилась?» Я ее уговариваю и сама реву.

Валера на велике уехал в Верхотомку к Нине. Нина приехала с Колей. Реву на весь дом. Я Нину попросила поберечь того, кому на свет появиться надо, иначе она может сделать ребенка калекой.

Прилетел Сергей. И, благодаря ему, Василия не анатомировали. Заключение: «Саркома легких». В морг я поехала с братом Гошей и еще трое соседей. Пока его мыли, глядела и думала: «Такой сильный мужчина, а ворочают его две женщины». Перед, голову помыли, хотели обтирать, я попросила помыть спину. Они вроде забыли. Повернули, помыли, побрили, надели все вещи из магазина. Одна говорит: «Сейчас можно под венец». Он не похож на покойника.

Когда подъезжать стали, шофер говорит: «Тетя Шура, держите Тамару Ефимовну, хоть она будет ругать, бить, а вы держите, это зло ей даст сопротивление».

А про Нину я из головы выпустила, с Тамарой вожусь, Нина как крикнула и повалилась. Спасибо, ее директор был с женой и Коля. Усадили ее в машину и увезли в Кировский роддом. Похороны были жуткие. Весь поселок, все свободные от работ шофера. Музыка играла. А когда перестала, автомашины выстроились по дороге и дают сирены. Волосы подымались от их сирен. Тамару вели под руки.

Назавтра поехали на его могилу, а на березу сел ворон и так кричал, что не по себе было каждому. Мать подошла, выпила, блин взяла, и ворон исчез. Василию сделали гроб малой. Гоша на Бутовке переделывал. Бабки сказали: еще будет покойник. Нина родила мальчика, назвали Антоном. Прожил он один месяц и внезапно заболел. Вызвали скорую, увезли в кировскую больницу, а оттуда привезли в гробу. Такой мальчик хороший. Схоронили

рядом с дедом Васей.

Потом родила Нина девочку, назвала Олесей. Через девять месяцев заболела и Олеся, ей головку долбили за ушком. Пункцию брали. У такой крошечки. Прямое переливание делали крови. У отца брали четыре раза кровь. Выжила девочка и сейчас живет. Бегает, разговаривает. Вот уже два года, а Нина все еще кормит грудью. Просила я ее, чтоб привезла к нам на время, но она и слушать не желает, боится, как бы не умерла.

Приезжала Нина одиннадцатого января. Я радехонька: хоть племянница рядом вместо своих деточек. Достала ей капусты из погреба пластиками, моркови, свеклы, положила конфет. А она их не взяла, говорит: «У Олеси такой запор бывает». Просила помянуть отца, он родился двадцать первого января. Сестрица улетела в город Минводы к Сергею. Улетела двадцать пятого декабря, вот и приехала Ниночка к нам за материнской пенсией. Свои деньги они отдали матери на покупки.

Так и живем мы вдвоем со Степаном. Я сегодня приехала от матери, где была два дня. Он спит, половики собраны. В хате тепло. Я переоделась, слышу, встает пить, меня материт на чем свет стоит. Я не показалась. А когда он уснул, пошла носить уголь на ночь. Собаку накормила.

Разделась, села, орехи щелкаю, смотрю, опять встает. «Ты как вошла?» Я говорю: «Ногами, а ты почему так напился?» — «У Вовки Нестерова был на именинах». — «А где деньги?» — «Я их пропил в тот же день». — «А если бы я неделю не приехала?» — «Я бы на картошке прожил». Я еще раз уверилась, что его уже не исправить никогда. Можно продлить его жизнь, не доверяя ему денег. Чтоб не ругался, расходовать сразу на питание и на все, что может скрасить нашу жизнь. Купить подсобное хозяйство, заставить полюбить это дело. Можно купить одну белую и твердо сказать: все на этом. И он должен понять, что для него я желаю только хорошего, чтоб не ушел он за сынами. Одиночество будет невыносимое.

Встаешь с заботой, что надо сготовить завтрак, что-то вкусное. Чтоб было разнообразие в питании. Он иногда ругается, что я нахожу себе ненужную работу, а я отвечаю, что мне так хочется. Хочется поесть именно этого. Не поймет, что для него это все делается. Пока будут ходить мои ноги, делать мои руки, я буду все делать для него, и мне это не тяжело. Лишь бы не обижал.

Когда обижает, жить не хочется. Я обижена на всю жизнь своей судьбой. Но от себя не уйдешь, не уедешь. Сердечная боль всегда и везде с тобой. У людей встреча, а у меня сразу слезы. У людей музыка, у меня горькое воспоминание: свои встречи, своя

бывалая музыка. Однако изменить свое положение я не в силах.

Я участвую в общественной жизни. Являюсь председателем уличного комитета. Часто бываю у жителей, где, вижу, надо с кем-то поговорить. Может, молодой человек поймет меня, если я поговорю с ним по-матерински. Никогда не крикну, как и со своими сынами. Смотрю, парень послушается. Мой сосед в таком же возрасте, как мой Толя. Родителей нет в живых, жена ему нагрубит, вот и загорелся сыр-бор. Отвлекаешь его от обиды своими уговорами: «Смотри, Валера, ты же у меня за сына». И Валера успокоится.

Так проходит наша жизнь. Судьба ли это? Или неумение жить по-другому? Не разобралась до сих пор.

Кемеровская область.
Записал Владимир ШИРЯЕВ

«ДЕНЬ и НОЧЬ» Литературный журнал для семейного чтения © № 5–6 1997 г.